

ПОСВИСТИ ДЛЯ НАС

ОТ АВТОРА «МОЛЧАНИЯ» И «САМУРАЯ»

СЮСАКУ ЭНДО

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

Посвисти для нас

Сюсаку Эндо

Аннотация
СЮСАКУ ЭНДО. ПОСВИСТИ ДЛЯ НАС
Пролог
Школа Нада
Мужчины и женщины с семи лет вместе не садятся
Сын
Как ни скрывал я…
Сближение
Выпуск
Женщина
Новый сотрудник
Фотография
Война
Эксперимент
Авторучка
Новый препарат
Свист
Победа

Аннотация

Изнуренный жизнью бизнесмен Одзу встречает в поезде знакомого по шкальным временам. Эта встреча заставляет Одзу вспомнить о своем юношестве, военных годах и дружбе с эксцентричным Хирамэ. То были для Одзу годы идеализма и веры в человека. Теперь же сын Одзу, начинающий врач-онколог, готов ради карьеры и уютной жизни пойти на любые хитрости и интриги, даже если на кону — человеческая жизнь.

Сюсаку Эндо, классик японской литературы, обладатель престижных литературных наград, несколько раз номинировавшийся на Нобелевскую премию, написал остросоциальную драму о разрыве поколений. Впервые на русском языке!

СЮСАКУ ЭНДО
ПОСВИСТИ ДЛЯ НАС

Пролог

— Извините…

Одзу медленно открыл глаза.

Он ехал в синкансэне[1] и не заметил, как задремал. Грустное зимнее солнце проливало свой свет на свинцовую поверхность озера Хаманако, по которой скользило несколько маломерных суденышек.

— Извините…

Обращавшийся к Одзу мужчина смотрел приветливо и дружелюбно.

— Одзу-сан?! Это не вы, случаем?

— Ну да.

Моргая спросонья, Одзу пытался сообразить, кто бы это мог быть.

С годами он стал очень забывчив. Бывало, его вдруг кто-то окликал. Он понимал, что лицо этого человека знакомо — когда-то встречались, но вспомнить имя и какое он имеет к нему отно-

---

[1] Примечания: 1

Синкансэ́н (*яп.*, «новая магистраль») — высокоскоростная сеть железных дорог в Японии, предназначенная для перевозки пассажиров между крупными городами страны.

По техническим причинам разрядка заменена болдом (*Прим. верстальщика*)

шение никак не мог. Такое стало происходить с ним часто.

— Я Уэда. Неужели не помнишь? — Мужчина был озадачен. — Мы вместе учились в Наде… Уэда.

— А-а… Ну как же, как же… — вырвалось у Одзу, хотя фамилия Уэда ему ни о чем не говорила и лица его он не мог вспомнить.

— Иду в буфет, прохожу по вагону и вот — пожалуйста! Думаю: где-то я его видел. Сижу, жую — и вдруг вспоминаю. Правда, мы были в разных классах…

— Надо же…

— Да мы же с тобой в одной комнате жили, когда на экскурсию от школы ездили. — Уэда очень хотел, чтобы Одзу его вспомнил. — Ты тогда еще кошелек потерял.

— Я?

— Ну да. Мы все его искали. Из-за этого поздно выехали, а Крысеныш разозлился страшно.

Уэда подвинулся, пропуская следовавшую в туалет женщину, и положил руку на плечо Одзу.

— Крысеныш… Вспомнил! Учитель физкультуры…

Да, так оно и было. На сухих губах Одзу наконец появилась улыбка — и довольная, и горькая од-

новременно. Крысеныш. Учитель физкультуры. Ученики дали ему это прозвище, потому что лицом он был вылитая крыса, выглядывавшая из норы.

— И чем он теперь занимается?

— Ой! Разве ты не знаешь? Он на войне погиб. В Китае.

— Вот как… — Одзу вздохнул. — Я уже давно никого из наших учителей не видел.

— А на встречи выпускников ходишь?

— Нет. Мне и приглашений не присылают.

— Ну, это никуда не годится. — Уэда внимательно посмотрел на Одзу. — Значит, ты выпал из списка. Я скажу там кому надо. Дай мне твою визитку.

Поезд миновал Хаманако. Из фабричных труб медленно поднимался дым, вдалеке выстроились жилые кварталы, белевшие под послеполуденным солнцем.

— Сейчас Нада совсем не та, что в наши дни, теперь там одни таланты обучаются.

— Похоже на то. А в наше время брали даже тех, кого в другие школы не принимали.

Уэда должен был выходить в Нагое, поэтому отправился в свой вагон. А Одзу, рассматривая визитную карточку, которую ему дал однокашник,

погрузился в воспоминания о событиях более чем тридцатилетней давности.

Да-а! Школа Нада…

Одзу даже не верилось, что он учился в такой школе.

Иногда до него доходили разговоры о школе, в журналах доводилось о ней читать. Все изменилось по сравнению с тем временем, когда он учился: похоже, теперь туда отбирали только самых способных. Она занимала первое место в стране по проценту поступающих в Токийский университет. Одзу слышал о родителях, которые специально переезжали в Хансин[2], чтобы только их дети учились в школе Нада.

— Поверить не могу, что ты учился в Нада, — не раз говорил раньше его сын.

— Почему это?

— С надовцами особо не потягаешься. Реально крутые ребята.

В то время старший сын Одзу как раз готовился к вступительным экзаменам в колледж.

— Говорят, в Нада за один год проходят столько, сколько в обычных школах за два, — с обидой заявлял он. — Раньше ведь так не было, да? Когда

---

[2] Примечания: 2

Один из наиболее развитых экономических районов Японии с центром в г. Осака.

ты учился.

— В мое время проще было, — вспоминал Одзу, качая головой. — Нас делили на четыре класса — A, B, C и D. В классе A учились отличники, в C и D сажали отстающих.

— Ты, конечно, всю дорогу в D просидел?

— Вовсе нет. Перемещался между B, C и D.

Одзу в самом деле чувствовал тогда себя в альма-матер легко и спокойно.

Выкрашенное кремовой краской здание стояло в сосновой роще на берегу реки Сумиёсигава, недалеко от Микагэ. Справа от него располагалось деревянное строение — зал для занятий дзюдо. Школа была построена основателем дзюдо Дзигоро Кано. Дзюдо считалось в школе обязательным предметом, учителем по дзюдо у Одзу был… как же его?.. Сливная Труба.

Одзу закрыл глаза, стараясь вспомнить слова школьного гимна. Они так часто его пели тогда, а теперь в старой голове ничего не держится. Зато в памяти вдруг мелькнули восемь иероглифов, начертанных мастером Кано на свитке, который висел в зале дзюдо: «Умей употребить энергию во благо себе и другим».

Как давно он не был в своей школе.

Ни разу не ходил на встречи одноклассников.

Почти ничего не знает о ребятах, с которыми учился в одном классе, сидел за одной партой.

Как звали их физика? Имени Одзу вспомнить не мог, только прозвище — Противогаз. Физик женился, когда Одзу был в шестом классе. Учителя рисования прозвали Светотень за то, что у него сквозь редкую шевелюру просвечивала кожа на голове. На уроках он все время говорил только о Тернере. Классный, носивший прозвище Светоч, потому что голова его блестела как мандариновая кожура, читал лекции о похоронных курганах.

В классах C и D народ на уроках или занимался проказами, или дремал.

Как-то один из учителей сказал со вздохом:

— Вас бесполезно чему-то учить. Учи не учи — вы все равно ничего не понимаете.

Одзу числился среди неспособных к учебе бездарей. К этой же категории относился Сибасака. И Сато. И Цукава по прозвищу Обезьяна. И Пупок. И этот, как его? Парень, который пришел в школу в девятом классе…

Школа Нада

«Когда мы готовили уроки, в класс вошел директор, ведя за собой новичка и служителя, тащившего парту. Некоторые из нас дремали, но тут все мы очнулись и вскочили с таким видом, точно нас неожиданно оторвали от занятий.

Директор сделал нам знак сесть по местам и затем, обратившись к классному наставнику, сказал вполголоса:

— Рекомендую вам нового ученика — он поступает в пятый класс.

Новичок все еще стоял за дверью, так что мы с трудом могли разглядеть этого деревенского мальчика лет пятнадцати, ростом выше нас всех. Волосы у него были подстрижены в кружок, как у сельского псаломщика, держался он чинно, несмотря на крайнее смущение…»

С этой сцены начинается «Госпожа Бовари», роман Флобера. В тот день в вагоне синкансэна Одзу прокручивал в голове пленку воспоминаний, и в его памяти медленно, словно мыльный пузырь, всплывал день, когда к ним в класс привели того новичка…

В классе С шел урок рисования. Одзу с одноклассниками, зевая, слушали, как проповедует старый учитель, прозванный ими Светотенью.

— Английский живописец Тернер, видите ли… какие бы неудачи его ни преследовали…

Он откинул голову, демонстрируя через редкие волосенки круглую загорелую лысину.

— …никогда не отступал перед трудностями. Например…

К сожалению, Одзу совершенно не запомнил, что Светотень говорил дальше, потому что, как и другие ученики, зевал и ковырял в носу.

В школе Нада учеников с самыми лучшими оценками определяли в класс А. У кого показатели были так себе — отправляли в класс В. Уделом совсем уж безнадежных оставались классы С и D.

— Тернер был очень упорный человек. Вот и вы тоже, если постараетесь… сможете на будущий год перейти в класс А.

Светотень хотел нас подбодрить, воодушевить, но его никто не слушал. Все думали только о том, чтобы урок быстрее кончился, хоть на минуту, и не могли дождаться большой перемены на обед.

— А-а-а-х! — Вдруг кто-то громко, как корова, зевнул на весь класс.

— Кто это сделал? — рассвирепел Светотень. —

Что за невоспитанность! Как можно так себя вести!

В этот момент дверь отворилась, и классный ввел в класс новичка. Прямо как в «Госпоже Бовари»…

— Можете не вставать. — Классный указал подбородком на паренька в замызганной серой форме. — Это Хирамэ-кун[3]. Он перешел к нам из школы Какогава.

От парты к парте, как круги по воде, прокатилось хихиканье. Хирамэ[4]! Вот это фамилия! И лицо у парня такое же чудное, точно у рыбы.

Парень, сгорбившись, стоял возле учительского стола, тараща тусклые глазки, словно лупоглазая золотая рыбка в аквариуме.

— Прошу любить и жаловать новичка, помогать ему, пока он у нас не привыкнет. — Классный зорким взором углядел свободную парту позади Одзу. — Ну, иди, садись и внимательно слушай, что рассказывает учитель.

Время от времени через окна класса со двора

---

[3] Примечания: 3

Один из именных суффиксов японского языка. Употребляется после фамилии при разговоре между людьми равного социального положения, чаще всего одноклассниками, приятелями, при обращении учителей к ученикам.

[4] Примечания: 4

Камбала *(яп.)*.

доносился хрипловатый голос приписанного к школе офицера, отдававшего команды.

Да. Затяжная война в Китае еще продолжалась. Недавно в придачу к двум отставникам, занимавшимся с учениками военной подготовкой, к Наде прикомандировали еще майора-кадровика.

— Тернер, видите ли…

После того как классный удалился, Светотень совершенно забыл, что всего несколько минут назад он распекал ученика, позволившего себе громко зевнуть, и продолжил свою нравоучительную лекцию, вызывающую смертельную тоску у всего класса.

К неудовольствию Одзу, устроившийся за ним новичок сразу принялся ерзать на стуле. Но еще больше раздражал доносившийся с задней парты слабый запах. Странная смесь маринованной редьки и пота…

— Эй!..

В спину Одзу ткнулся палец. Обернувшись, он увидел уставившиеся на него мутноватые глазки на рыбьем лице.

— Эй!..

— Чего тебе?

— Про что это он трындит? Сейчас какой урок?

— Рисование, — ответил Одзу шепотом, чтобы

Светотень не услышал.

Какое-то время было тихо. Хотя ерзанье не прекратилось и странный, невозможный запах тоже никуда не делся, что действовало Одзу на нервы.

— Эй!..

Одзу снова почувствовал палец на своей спине.

— Чего тебе?

— Сколько время?

Одзу не ответил. Новичок особо не стеснялся — тычет в спину, да еще с идиотскими вопросами лезет. Вот козел!

Вдруг с того места, где сидел Хирамэ, донесся протяжный, тоскливый и нелепый звук: «У-у-у-у!» Его слышал не только Одзу. Этот звук — будто утка прочищала горло — к удивлению всего класса, повторился еще два раза.

Давясь смехом, мальчишки обернулись назад.

— Что это значит? — Светотень схватился обеими руками за край стола и скорчил свирепую физиономию. — Кто это сделал?! Встать немедленно!

Моргая потухшими глазами, Хирамэ неуклюже поднялся со стула.

— Ты?

— Угу-у! — печально протянул Хирамэ. — У

меня в животе бурчит.

Весь класс так и покатился от смеха. И только Светотень смотрел печально.

— Я не собирался бурчать, это он сам. Живот.

— Садись!

— Угу! — Хирамэ тихо сел на место. Всем уже было не до урока и не до Тернера, о котором продолжал бубнить учитель. Мальчишки, посматривая на Одзу и Хирамэ, высовывали языки, корчили рожи, широко разевали рты.

— Тернер, видите ли, был великий человек…

После уроков…

Мальчишки расходились по домам: выйдя из школьных ворот, миновали сосновую рощу и, вытянувшись цепочкой, как муравьи, зашагали по дороге вдоль речки.

В то время в районе Хансин все школьники носили форму бледно-желтого цвета, а на ногах — гетры и грубые ботинки на манер военных.

С виду все казались одинаковыми, но, присмотревшись, класс A от C и D можно было отличить сразу. Отличники «ашники» выступали как петухи — высоко подняв головы, они направлялись к остановке электрички, выстроившись в строго установленном школьными правилами порядке. Кое-кто из них перебирал карточки с английски-

ми словами, умудряясь зубрить на ходу. За ними шли еще мальчишки — кое-как закинув ранцы за спину, оглушая друг друга пронзительными криками и то и дело останавливаясь. Так могли себя вести только классы C и D.

А дальше все пошло как-то странно.

Тянувшаяся по берегу Сумиёсигавы, которая больше напоминала ручеек и становилась похожа на речку только в дождливый день, дорога вливалась в шоссе, связывавшее Осаку и Кобэ. На этом самом месте школьная процессия резко замедляла ход. Здесь всегда стоял крошечный ларек, где продавались тайяки[5]. Ноздри мальчишек дразнили запахи фасолевого мармелада и теплой пшеничной муки, и просто так пройти мимо у них никак не получалось. Но и остановиться у ларька они тоже не могли — ученикам категорически запрещалось покупать еду и есть за пределами школы. Если бы кого-то поймали у этого ларька, отвели бы в учительскую. Могли, чего доброго, и на день отлучить от школы.

И…

Подойдя к перекрестку, школьники замедлили шаг, жадно вдыхая запах, вынужденные доволь-

---

[5] Примечания: 5

Традиционные японские печенья в форме рыбки с начинкой из сладкой фасолевой пасты.

ствоваться лишь доносившимся до них слабым ароматом.

Одзу, который в тот день шел немного поодаль от других мальчишек, испытывал те же чувства. Растущий организм требовал постоянной подпитки, и к трем часам на него нападал зверский голод. Он закрыл глаза, вдыхая сладковатый запах.

Тут кто-то хлопнул его по плечу. Одзу обернулся. Это был Хирамэ.

— Десять сэн есть?[6] — часто моргая, пробормотал он.

— Есть.

— Купи печеньки!

— Нельзя! — Одзу покачал головой. — Если какой-нибудь учитель заметит, огребем по полной программе. А среди старшеклассников есть стукачи. Меня накроют, сто процентов.

— М-м… — с недовольным видом промычал Хирамэ, хлопая глазами.

— А почему нельзя поесть, раз хочется?

— Потому что это неприлично.

— Покупать тайяки неприлично? Почему?

---

[6] Примечания: 6

Денежная единица в довоенной и послевоенной Японии. Выведена из оборота в конце 1953 г. в связи с обесцениванием японской валюты. 100 сэн равнялись 1 иене.

— Потому что мы уже в средней школе учимся.

— Если тем, кто в средней школе, неприлично, то кому прилично?

Одзу глядел на рыбью физиономию Хирамэ с моргающими глазками и не знал, что ответить.

Когда они миновали ларек с печеньями, Одзу почувствовал еще какой-то запах. Странный. Это пахло от Хирамэ.

— Ты это… вообще моешься?

— Я? Не люблю я это дело.

Вышли на шоссе, и Одзу спросил:

— Ты на электричке?

Он сам добирался до школы на старенькой коричневого цвета электричке из одного вагона, которая ходила по рельсам, проложенным вдоль шоссе.

— Ну да! — кивнул Хирамэ. — Я живу в Нисиномии. Схожу на Нисиномия-сантёмэ.

— Хм! А я в Сюкугаве.

— Сюкугава? Так нам в одну сторону.

Одзу, однако, не слишком вдохновляла перспектива тащиться с этим душным парнем в одном вагоне. Он знал, что тем же маршрутом разъезжаются по домам после уроков и девчонки из гимназии Конан. Они набивались в электричку на предыдущей остановке. Какие у них будут

физиономии, когда унюхают пахнущего маринованной редькой Хирамэ?

Ох уж эти девчонки в белых школьных матросках! Обтянутые матросками круглые плечи, оформившаяся грудь. Одзу почему-то весь деревенел, когда оказывался с ними в одном вагоне. Они были почти ровесники, но если девчонки день ото дня становились все краше, то мальчишки наоборот — прибывало прыщей. Менялся голос. Иногда Одзу хотелось куда-нибудь спрятать свое корявое тело от девчоночьих взглядов.

На остановке уже ждали электричку пять-шесть мальчишек из Нады.

— Мне к обеду ужас так есть хочется, — грустно проговорил Хирамэ.

— Все равно — чего животом-то бурчать?

Стуча по рельсам, к остановке со скрипом подкатил облезлый вагон. Одзу зашел через переднюю дверь, стараясь держаться подальше от Хирамэ, но отвязаться от него не сумел. Шмыгая носом и хватаясь за кожаные поручни, Хирамэ протиснулся за ним. На переднем сиденье, крепко сжав колени, сидели три девчонки в белых матросках и юбочках.

— А тайяки-то там что надо, — сказал Хирамэ, не замечая смущения Одзу. — Я вообще сладкое

люблю. Калпис, дориконо[7]…

— А-а…

Девчонки, еле сдерживаясь, чтобы не прыснуть от смеха, стрельнули в мальчишек глазами и тут же отвели взгляд.

— Завтра контрольная по математике.

Одзу попытался увести разговор в сторону от печенья, на котором зациклился Хирамэ.

— Да ну? — Хирамэ только моргнул. — Завтра обязательно попробую купить тайяки.

— Смотри, как бы кто-нибудь из учителей не увидел. Не будь дураком.

— Да никто не заметит. Возьму и куплю.

— И когда ты покупать собрался?

— Э-э… Во время уроков, — спокойно проговорил Хирамэ.

«Он что, совсем ненормальный?» — мелькнуло в голове Одзу.

Девчонки, хотя и не смотрели в их сторону, наверняка все слышали. Это можно было понять по презрительным усмешкам, промелькнувшим на их розовых, как наливные яблоки, лицах.

Электричка загрохотала на повороте, Хирамэ слегка покачнулся, и на пассажиров так и пах-

---

[7] Примечания: 7

Названия популярных в довоенной Японии прохладительных напитков.

нуло маринованной редькой и потом. Девчонки сморщились.

«Да… Вот как бывало».

Поезд, покинув Нагою, шел по холодной стылой долине Мино. Глядя на тянувшуюся за окном вагона цепочку невысоких мрачных гор, Одзу вспоминал лица старых приятелей, которых уже нет на этом свете, и горько улыбался.

«Чудной он был парень».

Интересно, что сейчас поделывает Хирамэ, если он жив. Превратился в такого же потертого, плешивого, средних лет типа, как я?

«А на следующий день этот малый притащил в школу кошку».

Именно так. На следующий день была контрольная по математике. Перед началом уроков Хирамэ снова повторил, обращаясь к Одзу:

— Я все-таки куплю тайяки.

— Кончай! Ничего у тебя не выйдет.

— Выйдет! Я принес кошку, в коробке сидит.

— Кошку?!

— Ну да. Спрятал ее за площадкой, где из луков стреляют.

— Зачем тебе кошка понадобилась?

Хирамэ хитро ухмыльнулся, тряхнул головой.

Первым уроком шла история, на втором должна

была быть контрольная по математике. Пухлый учитель по прозвищу Фугу[8] написал на доске условия задач и раздал всем листы для контрольной работы.

Одзу взглянул на доску: из четырех задач две — вообще темный лес. Даже смысл понять нельзя. Он огляделся по сторонам. Сидевший справа Хасимото делал ему знаки: подскажи, мол. Одзу покачал головой: что он мог подсказать? Кто-то тяжело вздохнул…

В этот момент за окном раздалось протяжное «мяу!». Услышав жалобное мяуканье котенка, зовущего маму, мальчишки на миг замерли, но тут же тишину нарушил чей-то смех.

— Ну-ка тихо! — прикрикнул Фугу.

— Мяу! Мяу! Мяу!

Котенок надрывался под самым окном класса.

— Сэнсэй! — Один из учеников поднялся, скорчив сверхсерьезную физиономию. — Надо с ним что-то делать. С этим котенком. Как контрольную писать, если он все время мяучит?

— Точно! — поспешили поддержать товарища остальные мальчишки. — Размяукался тут во

---

[8] Примечания: 8

Крупная рыба из семейства иглобрюхих, желудок которой в момент опасности имеет свойство быстро заполняться водой или воздухом, в результате чего рыба раздувается как воздушный шар.

все горло.

Было видно, что Фугу растерялся. Он подошел к окну и, перегнувшись через подоконник массивным телом, глянул вниз.

В этот момент Одзу уловил движение сзади, где сидел Хирамэ. Он и представить не мог, что этот мутноглазый парень способен двигаться так стремительно. Кроме Одзу никто больше не заметил, как Хирамэ выскользнул из класса.

Учитель обернулся на вредных мальчишек, обвел их осуждающим взглядом и приказал сидевшему на передней парте:

— Эй! Пойди и выброси его куда-нибудь.

— У меня тогда времени на контрольную не останется. Так нечестно!

Его сосед, прыщавый мальчишка по имени Сонода, поднял руку и с насмешкой в голосе предложил:

— Сэнсэй! Я могу выбросить кошку, если вы мне «отлично» поставите…

Ученики класса С получали удовольствие от вида растерянного, не знавшего что делать учителя. Хорошо бы котенок мяукал погромче и пожалобнее. Хорошо бы эта дурацкая контрольная сорвалась. Никогда прежде мальчишки не были так едины, никогда не воплощали в жизнь

принцип своей школы — «Умей употребить энергию во благо себе и другим», сформулированный Кано-сэнсэем.

— Вы… — с подозрением в голосе вымолвил Фугу, обводя взглядом класс, — нарочно сюда кошку принесли. Так ведь?

— Что вы на нас наговариваете! — запротестовал кто-то пронзительным голосом, и весь класс возмущенно загудел.

— Мы-то тут при чем!

— Так, значит? Понятно.

Учитель математики сделал знак рукой, чтобы успокоить разворошенный пчелиный улей:

— Все! Тишина! Продолжаем контрольную.

— А с кошкой что делать?

— Я сам ее выброшу. И не пытайтесь списывать, пока меня не будет. Это бесполезно. Я сразу пойму, кто списал.

Он обернулся в дверях, словно говоря: «Запомните хорошенько», и нехотя вышел в коридор.

В классе поднялся невообразимый шум. Кто-то кричал кошке, чтобы мяукала громче, кто-то поспешно пытался списать у соседа ответы, а сосед ругался на него: «Да не лезь ты! Я ж просто так написал, что в голову взбрело».

Лишь одному Одзу было как-то не по себе в

охватившей класс кутерьме. Может статься, выскочивший из класса Хирамэ и Фугу-сэнсэй столкнутся лбами в коридоре. Если это случится, Хирамэ запросто могут отправить в «отпуск», хотя он только-только к ним перевелся.

«Ну что он творит!»

Одзу никак не ожидал, что этот туповатый с виду моргун окажется таким шустрым и нахальным.

Котенок перестал мяукать. «Кис-кис-кис!» — послышалось под окном, и учитель математики поднял котенка за шкирку двумя пальцами.

— Сэнсэй! Отнесите его подальше! — крикнул в окошко один из учеников.

Дверь в класс тихонько отворилась, и показалась постриженная ежиком голова Хирамэ. Его лицо было мокрым от пота. В руке он держал бумажный пакет с тайяки.

— Вот! Купил!

— Ну дурак! — щелкнул языком Одзу. — А если бы тебя заметили?

— Но не заметили же.

— Ты на Фугу не налетел там?

— Я увидел, что он идет, и быстренько спрятался. Ух, даже дух перехватило.

Сладкий аромат печенья с задней парты

поплыл по классу. У Одзу в животе что-то буркнуло.

— Дай одну штучку.

— Не-а… — хладнокровно отрезал Хирамэ. — Кто не работает, тот не ест… Хочешь штучку — гони пять сэн.

На второй день после контрольной Фугу отлупил Хирамэ перед всем классом.

В то время в отличие от наших дней учителя частенько распускали руки с учениками. Телесные наказания были обычным делом не только в Наде, но и в других школах. Отцы не ходили выяснять отношения, когда их детям доставалось от учителей, а школьники уже на следующий день после наказания как ни в чем не бывало снова начинали шалить и проказничать. Такие были времена.

В тот день Фугу вошел в класс в возбужденном состоянии.

— Встать! — скомандовал староста класса Саката. Все привстали со своих мест со страдальческим видом и тут же плюхнулись обратно на стулья.

— Сегодня…

Фугу положил на стол контрольные, которые писали два дня назад, и обвел класс осуждающим

взглядом.

— Перед началом урока хочу вам кое-что сказать. Я никогда не говорил, что вы должны писать контрольные на «отлично». Но вот я проверил, что вы сделали в последний раз. И что? Какое там «отлично»! Самый лучший результат в классе — ниже пятидесяти баллов[9].

Втянув головы в плечи, словно черепашата, мальчишки слушали наставления учителя. В классе С подобные нотации звучали чуть ли не каждый день, поэтому никто к ним всерьез не относился и не слушал. Все тайком зевали, ожидая, когда учитель закончит читать мораль. Так ведут себя люди, которые, стоя под козырьком, ждут окончания дождя.

— В классе А такие задачи щелкают за двадцать минут. А вы? Говорю — как об стенку горох. И вам не стыдно?

«А чего стыдного-то?» — прошептал Одзу. Наверняка все остальные шептали про себя то же самое.

«Ну чего ты раскипятился?.. К чему вся эта суета?»

Вот что было у всех на уме. Зубрежкой пусть

---

[9] Примечания: 9

В японских школах действует 100-балльная система оценок.

«ашники» занимаются, а мы сами по себе, потихоньку-полегоньку…

— Однако сейчас меня возмущает не ваша низкая успеваемость. Для меня это не новость. Я уже привык, что в классах C и D учатся лентяи и отстающие.

Хм-м. Из-за чего тогда он так разошелся?

— Что меня возмутило… — Фугу сделал паузу. — Нашелся человек, написавший в контрольной работе легкомысленные и издевательские ответы. Слушайте меня внимательно. Хирамэ! Подойди ко мне!

Все удивленно обернулись назад. Хирамэ заморгал и подошел к учительскому столу.

— Твоя фамилия Хирамэ?

— Да.

— Расскажи всем, что ты написал в контрольной работе.

Хирамэ молчал, насупив свою рыбью физиономию. Фугу взял листок с контрольной работой, лежавший сверху стопки, и приказал:

— Будешь читать?

— Э-э… — Держа листок в руке, Хирамэ тихонько спросил учителя: — Мне как читать: вслух или про себя?

— Читай вслух.

— Я… — Хирамэ покачал головой. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. — Мне стыдно читать. Я написал, чтобы вы прочитали, а не чтобы всем показывать.

— Не юли! Если тебе так стыдно, что ты даже читать не хочешь, зачем ты это написал?

Весь класс с любопытством и интересом наблюдал за диалогом Фугу и Хирамэ.

— Ладно. Я прочитаю. Решите следующее уравнение. — Хирамэ еле слышно пищал, как комариный рой, забившийся под карниз крыши. — Дано: прямоугольный треугольник со сторонами x, y и z, как на рисунке, x^2 плюс y^2 равно z^2.

— Это вопрос. Какой ответ ты написал?

Хирамэ опустил глаза и молчал. Класс затаил дыхание и тоже молчал.

— Я спрашиваю: что ты написал?

— Вот…

— Не «вот»! Как ты ответил на вопрос?

— Ну… я, э-э… Я ответил: «Правильно. Я тоже так думаю».

Одзу сначала не понял, что говорит Хирамэ. Судя по отсутствующим взглядам других учеников, они тоже ничего не понимали. И вдруг до всех дошло.

Позавчера в контрольной Хирамэ на все вопро-

сы написал: «Правильно. Я тоже так думаю». И больше ничего.

Все так и покатились со смеху. В истории класса С было много случаев, когда ученики выводили учителей из себя, но никто из них не писал такого в контрольной работе.

— Что за смех?! — заорал на мальчишек Фугу. Прежде никто его не видел в такой ярости. — Как можно так издеваться над человеком, который вас учит?! Всему же есть предел! Хирамэ! Встать смирно!

Своей здоровенной ручищей учитель отвесил Хирамэ оплеуху. Звук получился такой, будто разломили сухой рисовый крекер.

— Будешь час так стоять!

Понятно, что остаток урока ученики класса С вели себя смирно. Никто не кидался шариками из жеваной бумаги, не пускал по кругу сомнительные фотокарточки. Опустив глаза и сдерживая зевки, мальчишки рассеянно взирали на цифры на доске, напоминающие заклинания.

Время от времени Одзу посматривал на Хирамэ, стоявшего у учительского стола. Несмотря на то что ему только что со всей силы закатили оплеуху, в его тусклых глазах ничего не изменилось. Его жалкая фигура напоминала осла, привязан-

ного к дереву на полуденном солнцепеке.

«Интересно, что у него сейчас в голове?» — подумал Одзу.

Рисуя на доске цифры и треугольники, Фугу то и дело сверлил Хирамэ глазами. Похоже, случившееся вывело учителя из себя. Но даже под этими пронизывающими взглядами выражение тупой безропотности на лице Хирамэ не менялось.

— Ну и зачем ты так выпендрился? — спросил Одзу, когда тянувшийся мучительно долго урок все-таки закончился, учитель вышел из класса, а Хирамэ вернулся на свое место.

— А я все равно думаю, что правильно ответил, — пробормотал Хирамэ, глядя в пол.

Мужчины и женщины с семи лет вместе не садятся[10]

С того дня между Хирамэ и склонным к раздумьям Одзу началось странное приятельство.

В душе Одзу был наполовину убежден в том, что Хирамэ полный идиот, но другая половина его натуры испытывала что-то вроде зависти к новоявленному приятелю, который обладал отсутствующими у Одзу чертами — нахальством, хитростью и способностью дурачить людей. Двойственность ощущений была присуща не одному только Одзу, весь класс стал испытывать к неряшливому, постоянно моргающему новичку такие же чувства.

— Ты все-таки настоящий чудила. — Одзу и Хирамэ стали вместе возвращаться домой после уроков. Сколько раз Одзу, обводя задумчивым взглядом не слишком опрятного приятеля, ворчал: — Ты уверен, что у тебя все дома?

— Я-то уж точно не псих, — надувшись, возражал Хирамэ.

---

[10] Примечания: 10
Японская пословица.

— Может, и так, но кроме тебя от учителей столько оплеух больше никто не получает. Тебе не больно?

— Больно, конечно. Но в старой школе меня столько же колотили, так что я уже привык.

— Вот сегодня на военке зачем ты это сделал? Знал ведь, что достанется, а сделал. Почему?

— Ну… вроде того. — Хирамэ, моргнув по своему обыкновению, кивнул. Но, несмотря на это, его унылое, ничего не выражавшее лицо ясно говорило, что полученное наказание не вызывает у него ни стыда, ни горечи.

Занятия по военной подготовке проводились после обеда. Носивший в школе кличку Бегемот отставной фельдфебель, всегда державший в руке стрелу без оперения, заставлял класс С передвигаться ползком, повторять упражнение снова и снова. Мальчишки ползали по засыпанной мелким гравием спортивной площадке с винтовками в руках до тех пор, пока боль в руках и коленях не становилась невыносимой.

— Будете ковыряться как раздавленные лягушки — заставлю повторять еще и еще! — орал за спинами ребят Бегемот, скрипя сапогами по гравию. — Вот в классе А ребята что надо, не вам чета. Видно, горбатых только могила исправит!

«Ну чего разорался? Отвяжись! Поползай тут, когда в животе пусто!» — ворчали мальчишки про себя, не отваживаясь произнести что-нибудь вслух. После такой тренировки инструктор дал команду приготовиться к стрельбе. Ученики вразнобой защелкали курками, взяв на прицел стоявший на краю спортплощадки сарай, где хранились винтовки, и росшие там сосны.

— Приготовиться к атаке! Штыки к бою!

«Еще чего! Еще и бежать теперь?! Хоть бы скорее звонок!»

— В атаку!..

Одзу вместе со всеми рванул вперед. Он слышал, как рядом неловко топочет Хирамэ. Вдруг топот прекратился. Мальчишки выстроились в шеренгу, началась перекличка, и тут выяснилось, что новичок исчез, растаял, словно призрак.

— Одного не хватает! — с удивлением и все больше взвинчиваясь, воскликнул Бегемот. — Где он?

Десять минут спустя Хирамэ вытащили из-за сарая. Он туда спрятался, когда ребята бросились атаку.

— Я устал. У меня ноги не сгибаются, — часто моргая, стал оправдываться Хирамэ, и, конечно, Бегемот тут же заехал ему по голове своей ручи-

щей, больше похожей на медвежью лапу.

В тот день Одзу и Хирамэ вместе ехали в электричке.

Ухватившись за свешивавшиеся сверху кожаные петли, они напряглись, ожидая увидеть девчонок из гимназии Конан, но в вагоне почему-то не оказалось ни одной форменной матроски.

— Может, зайдешь ко мне? Рядом с нашим домой храм Эбису, — заманивал приятеля Хирамэ. — И еще ларек, где продают кусикацу[11] и леденцы. Класс!

Эбису — самый старый и большой синтоистский храм в Нисиномии, на содержание которого выделяются средства из казны. Одзу помнил, как мама водила его туда в первый день Нового года[12].

— Старикан, который торгует в ларьке, берет деньги по количеству палочек. Он плохо видит, и я как-то раз уронил несколько палочек на землю и стою, будто я ни при чем. И старикан ничего не заметил.

---

[11] Примечания: 11

Свиные котлетки с луком, которые насаживают при приготовлении на деревянные шпажки на манер якитори.

[12] Примечания: 12

В Японии существует традиция хацумодэ — посещения в первые дни января синтоистских храмов и святилищ, куда обычно берут и детей.

Держась одной рукой за петлю, Хирамэ стал изображать, как другой рукой запихивает в рот кусикацу. Проголодавшемуся Одзу показалось, что он ощущает аромат соуса и масла, на котором жарят кусикацу. Он резко покачал головой:

— Хватит тебе! Попробуй-ка появиться у этого ларька в школьной форме. Нас обязательно кто-нибудь засечет.

— Давай оставим ранцы и фуражки у меня.

— У тебя?

— Ага! Там сейчас только мама и старшая сестра.

— А отец? На работе?

— Отец… — В глазах Хирамэ впервые за все время появилась грусть. — Он умер. Когда я был маленький.

— Ой! А твоя сестра учится?

— Нет. Она вышла замуж, но ее муж сейчас в армии.

В окне вагона проплывали ряды домов, освещенных унылым послеполуденным солнцем. Одзу вспомнил, как накануне их сосед уходил в армию, как родня и жители ближайших улиц махали ему флажками. Япония, словно в болоте, погрязла в войне, которую она вела в стране, расположенной далеко за морем.

— Пойдем съедим по штучке. Есть десять сэн?

— Есть-то оно есть, но…

— Если не хватит, стащим у сестры какую-нибудь книжку, отнесем к букинисту.

— Ты такими делами занимаешься?

— Занимаюсь. Иногда.

С глухим стуком электричка остановилась на какой-то остановке, и в вагон с криками ворвались парни из другой школы. Это была средняя школа К., ученики которой по какой-то причине не ладили со сверстниками из школы Нада.

— Ха! Вкус калписа — вкус первой любви? Хорошо сказано! — Один из парней заметил Одзу и Хирамэ и крикнул еще громче: — Эй, надовцы! Чего уставились?

Поводом для агрессии послужило то, что Хирамэ, моргая, рассеянно смотрел на вошедших.

— Не обращай внимания, — тихо проговорил Одзу. — Сделай вид, что их нет вообще.

Однако молчание надовцев только раззадорило их противников:

— Ну и вонища! Они тут напердели, что ли? Задохнуться можно.

Остальные пассажиры раздраженно молчали. Одзу шепнул Хирамэ: «Выходим!», и они шагнули к двери, которая была как раз напротив. Если

дойдет до драки, им точно накостыляют. Драться придется с тремя здоровыми парнями, и на Хирамэ особой надежды нет.

Как только электричка остановилась у сосновой рощицы, росшей вдоль реки Асиягава, Одзу быстро соскочил с подножки. За ним неуклюже слез Хирамэ.

По выбеленному руслу реки струился хилый поток. Через рощу на велосипеде проехал какой-то дядька.

— Эти пацаны… они идут за нами, — хрипло прошептал Хирамэ, оглядываясь. — Что делать-то?

— Говоришь, что делать? — разозлился Одзу. — Ввяжемся в драку — они нам навешают. Потому что сильнее. Ты в себе уверен, если придется драться?

— Не-а. Я привык, что меня колотят, так что мне все равно.

— Все равно ему!.. Зато мне не все равно!

Справа тянулась изгородь. В этих местах располагались большие особняки богатеев. На выгоревшей под солнцем дороге, которая пролегала вдоль реки, почему-то не было ни души.

— Эй, вы, надовцы! Стойте! — послышались голоса преследовавшей Одзу и Хирамэ троицы. —

Стоять, говорят!

— Чего? — Одзу обернулся, ничего другого не оставалось. — Чего вам надо?

— Думали, можно на нас пялиться и вам сойдет?!

— Да вы сами стали пялиться!

— Так, значит? Лады! Вы начали — мы закончим!

Один из парней подбежал к Одзу и Хирамэ — ранец колотил его по спине — и преградил им путь:

— Ну-ка давайте! В речку быстро!

— Не дождетесь, трусы! Вас трое. Хотите трое против двоих?

— Ишь ты! Тогда давай один на один! — Парень, похоже, знал толк в драке. Он скинул ранец, прислонил его к сосне и спрыгнул в заросшее травой и усыпанное мелкой галькой речное русло.

— Ну иди сюда! Один на один!

У Одзу не было выхода — пришлось снять ранец, скинуть китель. Уверенности, что драка закончится в его пользу, не было, но уж раз дошло до такого, дело требовалось как-то довести до конца.

Он стал спускаться по берегу, и в это время Хирамэ схватил с обочины камень и швырнул

его в противника Одзу.

— Уй-я! — отбив камень рукой, крикнул парень. — Этот гад камнями бросается. Сволочь!

Двое его приятелей схватили Хирамэ сзади и заломили руки. Он забился и запищал, как раздавленная лягушка.

Одзу прыгнул на соперника, но тот увернулся и заехал Одзу по коленке массивным башмаком. В следующий миг, вцепившись друг в друга, они покатились по земле.

— А ну-ка прекратите! — раздался громкий окрик. На том берегу реки откуда ни возьмись возникла женщина, наверное, шла куда-то по хозяйственным делам. — Кто-нибудь! Тут мальчишки дерутся!

Через пять минут…

Одзу лежал на отлогом речном берегу и смотрел в небо. Напуганные появлением домохозяйки, парни из школы К. быстренько надавали Одзу и Хирамэ пинков и тумаков и умчались как вихрь. Чувство досады и жалости к себе, которое испытал Одзу из-за того, что его избили, оставило в его душе след, как от горячего утюга. От этой раны все еще поднимался дымок унижения.

— Козлы! — прошептал он, подложив обе руки под голову и глядя в голубое небо. — Попаде-

тесь мне в следующий раз, каждому из башки треугольник сделаю! — Одзу, однако, хорошо понимал, что природная робость не позволит ему отомстить, даже если он опять встретится с этими парнями. И от того, что он это понимал, было еще досаднее. — Запомни это!

— Да ну их! — услышал он рядом голос Хирамэ, как всегда тусклый и безучастный ко всему, несмотря на то что их обоих здорово отлупили. — Было бы из-за чего напрягаться.

— Значит, тебе на все наплевать? Ты же нашу школу позоришь! — Одзу не приходило в голову, что говорить о чести школы в нелепой ситуации, в которой они оказались, просто смешно. — Неужели у тебя нет ни капли привязанности к родной школе?

— Какая еще привязанность, когда драка идет? — моргая, проворчал Хирамэ.

— Ладно, твое дело. Но когда-нибудь я заставлю их заплатить за все.

— Ты? И как же ты это сделаешь?

— Подумаю, как сделать. Я вообще люблю думать.

Одзу поднялся на ноги и посмотрел на Хирамэ. Китель у того был порван на плече, на тыльной стороне ладони кровь.

— Глянь! У тебя кровь течет!

— Наплевать! Пошли отсюда.

— Носовой платок есть?

— Не-а.

— У тебя китель порван.

— Эх ты! Сестра опять беситься будет.

Мальчишки покинули место битвы. Хирамэ на ходу, как собака, зализывал царапину на ладони. До шоссе, где была остановка трамвая, предстояло долго идти по белой дороге вдоль реки; вокруг по-прежнему ни души.

— Не больно? — обеспокоенно поинтересовался Одзу. Хирамэ заморгал и покачал головой. Одзу попытался подладиться под товарища:

— Сядем в электричку — люди заметят. Может, зайдем в аптеку, купим бинт?

Вдалеке остановилась электричка, из нее вышли две школьницы в матросках с красными портфелями в руках и зашагали навстречу Одзу и Хирамэ.

— О нет! Это же девчонки из гимназии Конан. — Одзу напрягся, перевел взгляд в сторону реки. Он очень остро, до боли, чувствовал людей, но в крайней ситуации не мог посмотреть человеку прямо в глаза.

Когда они проходили мимо девчонок, Одзу уло-

вил неопределенный сладковато-кислый аромат, и еще ему показалось, будто он всей кожей ощущает белизну матросок.

— Ой-ёй! — воскликнула одна из школьниц. Тогда у Одзу и в мыслях не было, что в эту секунду решалась судьба и ход всей жизни Хирамэ.

— Ой-ёй! — За три года, что Одзу проучился в средней школе[13], с ним ни разу не разговаривала ни одна девчонка из Конан.

Но сейчас…

— Ой-ёй! — произнесла девчонка в белой матроске, глядя на Одзу и Хирамэ. — Этот мальчик ранен. У него кровь!

Одзу от удивления застыл на месте, будто кол проглотил.

— Э? — Хирамэ в свойственной ему манере поспешил спрятать кровоточащую руку за спину.

— Ты так всю одежду испачкаешь.

Заговорившая с ними девчонка была загорелой, с большими глазами. Открыв их еще шире, она обращалась к Хирамэ по-свойски, совсем

---

[13] Примечания: 13

В Японии внедрена трехступенчатая система школьного образования: шесть лет — начальная школа, три года (до реформы 1947 г. — пять лет) — средняя школа (первые две ступени являются обязательными) и последний этап — старшая школа, в которой продолжают обучение на добровольной основе. Как правило, большинство выпускников старших школ поступают в различные университеты.

как к брату. Такого просто быть не могло. В то время для подростков разного пола считалось неприличным не только прогуливаться вместе, но даже просто о чем-то друг с другом поболтать.

— У тебя есть марля? Ты вроде взяла сегодня в медпункте… — обернулась девчонка к подруге. — Надо ему дать.

— Угу! — Подруга, маленькая и тонкая, что-то достала из портфеля. — Вот. — Она протянула Хирамэ кусок белой марли. — Держи.

— С… с… — заикался растерявшийся Хирамэ. — Спасибо.

— Ой! Ну кто так завязывает? Дай-ка я сделаю.

Большеглазая подошла к Хирамэ, находившемуся на пике замешательства, и забрала у него марлю. Стоявший в изумлении Одзу наблюдал эту сцену, не веря своим глазам.

— Вот теперь хорошо. До свидания.

И девчонки ушли. Хирамэ даже не успел их поблагодарить. А мальчишки еще какое-то время стояли столбом, не в состоянии вымолвить хоть слово.

— Как тебе? — наконец проговорил Одзу. На грязной правой руке Хирамэ красовалась марлевая повязка такой белизны, что даже глазам стало больно. — Это было что-то, скажи!..

— Угу…

— Чего ты угукаешь? Я поверить не могу! Бьюсь об заклад, в нашей школе нет ни одного человека, за которым бы так ухаживала девчонка из Конан.

— Ты думаешь?

Фигурки девушек были уже далеко. Они так и не обернулись.

— Ну что ты вытаращился как идиот?! Пошли.

— Эти девчонки… — прохрипел Хирамэ, — в каком они классе, как думаешь?

— Откуда мне знать? Может, в девятом или в десятом. Лучше скажи, что ты чувствовал, когда она встала рядом и стала руку перевязывать?

— Это… я был как во сне.

— Вот именно! Вот именно! Это было что-то, я тебе скажу!

Они уже сели в вагон, а Хирамэ лишь моргал и не мог выжать из себя ни слова.

— Вот как можно отличиться! Ободрал руку — и пожалуйста.

— Угу.

— Что значит «угу»? Больше ничего сказать не можешь? Все-таки у тебя с головой не в порядке.

Вот как оно было. С этого все началось.

Поезд приближался к Киото. Миновав озеро,

въехал в тоннель. Пассажиры снимали с полок багаж и готовились к выходу. Воспоминания о том, что было тридцать с лишним лет назад, оживали в душе Одзу в сопровождении горьковато-сладкой ностальгии. Он с болезненной ясностью представил невзрачное лицо Хирамэ, исходивший от него невыразимый запах, все, что хранилось в покрывшихся многолетней пылью воспоминаниях юности.

«А ведь мы тоже такими были», — думал Одзу, провожая взглядом проходивших мимо него к выходу длинноволосого юношу и девушку, судя по всему, его подружку.

Что же было дальше?

Дальше? Вроде они направились к Хирамэ.

Сойдя с электрички на остановке Нисиомияннитёмэ, они пересекли заросший сорняками пустырь. Так Одзу впервые оказался у Хирамэ дома. Он жил в одном из четырех стоявших в ряд одинаковых домов, крайнем справа. Одзу запомнил, что, когда они открыли стеклянную дверь, им навстречу поплыл слабый запах уборной. В комнате Хирамэ, куда они поднялись по темной лестнице, было метров семь. У него на столе выстроилось несколько бутылок, заполненных землей.

— В них живут муравьи. — Хирамэ осторожно, словно имел дело с ценными предметами, указал на них пальцем. В бутылках на самом деле суетливо копошились муравьи.

— Ходы роют, видишь?

— Ну и запашок здесь у тебя!

— Сестра тоже так говорит. Ругается. Я еще мышь держу, только про это никто не знает.

На первом этаже кто-то закашлялся. Наверное, сестра.

Хирамэ аккуратно вытащил из ящика стола маленькую картонную коробку. В ней в изгрызенных капустных листьях свернулся мышонок с красными глазками-бусинками.

— Его зовут принц Кари.

— Это который из приключений Данкити[14]?

— Тот самый. Его в храме Эбису продавали.

— Ты все смешал в кучу. Поэтому от тебя так пахнет.

Из-под лестницы донесся голос сестры:

— Идите за чаем.

— Не хотим. Мы сейчас пойдем в Эбису. Дай мне деньжат.

Такой ответ разозлил сестру:

---

[14] Примечания: 14

Серия популярных у японских детей комиксов, созданных художником Кэйдзо Симадой в середине 30-х гг. XX в.

— Дубина! Не смей так со мной говорить!

— Она всегда так, — пожал плечами Хирамэ. — Истеричка.

Одзу плохо помнил, что произошло тогда в Эбису. Они оставили велосипеды на необъятном пустыре и сразу услышали голоса жуликов-торговцев, предлагавших поддельную мазь. По соседству с ними под порывами ветра колыхались два-три тента, под которыми продавали одэн[15] и кусикацу.

— Как бы узнать, как зовут эту девчонку из Конан, — пробормотал Хирамэ, незаметно бросая на землю очередную шпажку от кусикацу. — Увидеться бы с ней еще разок.

У Одзу внутри шевельнулась зависть.

— Ну встретишься ты — и что?

Старичок-продавец, посыпавший мясо мукой, поднял голову и щелкнул языком:

— Я могу пропустить одну палочку, ну две, но это уже слишком. Ты уже пять штук сбросил…

Одзу помнил все до сих пор. С того дня Хирамэ взял обыкновение время от времени, когда по пу-

---

[15] Примечания: 15

Многокомпонентное народное блюдо, тушенное в бульоне и заправленное соевым соусом. Поскольку строгого рецепта одэн не существует, его содержимое может серьезно отличаться в зависимости от региона и вкусов.

ти из школы домой они приближались в тряском вагоне к Асиягаве, поворачивать к Одзу рыбью физиономию и с умоляющим видом просить:

— Эй! Давай сойдем вместе?

— Завтра же контрольная. Я хочу домой поскорее.

— Это много времени не займет. Всего пять электричек. Ну хорошо, три. Если она не приедет на третьей, я сдаюсь.

— Предположим, ты ее встретил… и что дальше?

Одзу сошел с электрички вслед за растрепанным и неопрятным приятелем, всем видом показывая, что делает это против воли.

Сосновая рощица росла вдоль берега Асиягавы. По обе стороны реки тянулись владения магнатов, в которых даже посреди дня царили тишина и покой. Окружавшие их заборы отбрасывали четкие тени на выбеленный гранит, которым была вымощена дорога.

Одзу делал вид, что ему страшно неохота следовать за приятелем, но на самом деле он тоже очень хотел снова увидеть тех девчонок. Чтобы они так же поухаживали за ним, как в тот раз за Хирамэ.

Укрывшись в тени росших по берегу реки сосен,

школьники в молчании стали дожидаться, когда к остановке подойдет следующая электричка…

Тряский, лязгающий всеми сочленениями вагон был выкрашен коричневой краской. Он напоминал старуху, волочившую на себе тяжелую поклажу и еще ребенка в придачу. Задыхаясь на ходу, вагон втянулся на отлогий подъем и тупым клацаньем застыл на остановке. Из вагона вышли несколько человек и разошлись в разные стороны.

— Ее нет, — моргнув несколько раз, печально пробормотал себе под нос Хирамэ.

Одзу бросил на него сердитый взгляд:

— А я тебе что говорил? Бесполезно ждать.

— Но ведь в тот раз они здесь сошли… так что, наверное, где-то здесь живут. А раз так — должны ходить по этой дороге.

На первый взгляд, Хирамэ рассуждал вполне резонно. Поэтому мальчишки, больше не говоря друг другу ни слова, стали дожидаться второй электрички. Ожидание оказалось напрасным — в этой электричке девочек тоже не оказалось, и глупый спор начался снова.

— И вовсе они здесь не живут. В тот раз могли приехать сюда по какому-нибудь делу.

— По делу? — с печальной миной возразил

Хирамэ. — По какому же, интересно?

— Откуда мне знать? Может, к подружке в гости или на урок по цветам или пианино. Девчонки в таком возрасте ходят на такие уроки.

— Пианино?.. — Хирамэ уселся на землю на береговой насыпи и вздохнул. Он выговорил это слово так, словно девчонки, обучающиеся игре на пианино, стали для него подлинным символом блаженства.

Молодежи, учащейся сейчас в старших классах, душевное состояние, которое испытывали их сверстники более тридцати лет назад, скорее всего, покажется чем-то глупым и далеким, не имеющим к ней отношения. Однако в головах того поколения еще глубоко сидела мысль, что с семи лет мальчики и девочки должны быть разделены. В то время юноше было нелегко даже просто заговорить с девушкой, не говоря уже о том, чтобы дерзнуть взять ее за руку.

Они ждали три дня. Пять дней. По какой-то причине девчонки больше не появлялись…

Во время этого бесполезного ожидания Одзу обнаружил у Хирамэ редкое упрямство, которое, судя по его внешнему виду, не должно было быть ему свойственно. В конце концов упрямство было вознаграждено — они все-таки отловили этих

девчонок.

В тот день они проводили глазами уже третью электричку, в которой опять никто не приехал. Одзу, разозлившись на собственную глупость, решил больше не заниматься этой бессмыслицей:

— Все! Я домой!

Он стал спускаться по насыпи к реке, оставив за спиной все еще медлившего Хирамэ. В этот момент вдалеке показалась четвертая электричка. Она едва тащилась в гору с уже знакомым ребятам унылым клацаньем.

— Погоди!

— Ну уж нет! С меня довольно этой дурости!

Вагон со скрипом подполз к остановке. Пустись Одзу бегом, он, возможно, успел бы вскочить в вагон до отправления. Но надежда все еще теплилась в душе, и из-за нее его ноги сделались как ватные.

Одна за другой с электрички сошли три школьницы в матросках. Разглядеть их поначалу было трудно — солнце слепило глаза, но когда они повернулись и двинулись в его сторону, о чем-то болтая, Одзу немедленно понял, что две из них есть те самые девчонки.

Одзу в растерянности оглянулся назад. Хирамэ, в своем стиле, быстро укрылся в тени стоявших на

берегу реки сосен. Одзу тоже бросился к соснам.

Девчонки, естественно, должны были заметить, как он метнулся в сторону, и узнать в нем одного из мальчишек, которым тогда дали марлю, если, конечно, помнили его. Однако они по-прежнему вышагивали плечо к плечу и что-то обсуждали. Будто ничего не замечая вокруг, прошли мимо прятавшихся за соснами Одзу и Хирамэ.

— Поэтому я тебе и говорила: надо быть осторожнее, — услышал Одзу, не видимый за стволом дерева. Сомнений не оставалось: это был голос той самой загорелой большеглазой девчонки.

На какое-то время наступила тишина. Потом рядом с Одзу, словно вылезающая из земли картофельная гусеница, зашуршал Хирамэ.

— Ползем за ними! — прошептал он. Одзу заметил, что на лбу приятеля выступил пот.

Словечко «ползти» на школьном жаргоне, распространенном тогда в районе Хансин, означало «следить за девчонками», как черепаха, преследующая зайца. Просто ходить за ними, не говоря ни слова, — вот что такое «ползти».

Девчонки ушли уже далеко. Побелевшая дорога, следуя берегом реки, прямо уходила вперед. Они быстро переступали по ней видневшимися из-под форменных юбок стройными ножками в

черных чулках.

— Значит, ползем… — Одзу проглотил слюну. — И что дальше?

— Я не знаю. Ползем пока.

— Скажи им что-нибудь.

— Я? — Хирамэ неуверенно покачал головой. — Никак… не могу.

Девчонки вроде бы не видели, что их преследуют. Спустя некоторое время две из них свернули направо, помахав руками третьей — загорелой большеглазке.

Она остановилась, поправила что-то в портфеле. Одзу и Хирамэ тоже замерли на месте. Девочка пошла дальше, двое мальчишек последовали за ней в том же темпе. Расстояние между ними не менялось — не увеличивалось и не сокращалось. Так тогда было принято у тех, кто «ползал».

Девочка перешла по мостику на другой берег. Чтобы она их не заметила, Одзу и Хирамэ скорчились в тени ворот какой-то усадьбы.

Скоро она скрылась за обвитой плющом кирпичной оградой. Мальчишки, не сговариваясь, прыжками припустились следом.

Дом представлял собой смесь японской и западной архитектуры: к традиционному деревянному жилищу было пристроено здание в европейском

стиле. Таких фешенебельных домов в районе Сюкугава и Асия было достаточно.

— Здесь написано: «Адзума». Чудная фамилия. — Поглядев на воротный столб, на котором висел фонарь, Хирамэ вздохнул, и на его землистом лице появилась улыбка, будто он сделал важное открытие. — Значит, ее зовут Как-то Там Адзума!

Мальчишки прислушались. Но из дома не доносилось ни звука. Так тихо бывает только в пустом доме.

Хирамэ погладил кирпичную ограду, как что-то дорогое его сердцу.

— Ты что делаешь?

— Эта ограда… — моргая, пробормотал про себя Хирамэ. — Может, на нее опиралась моя девочка.

— Идиот! — Одзу по-настоящему разозлился, хотя сам не знал почему. По всей вероятности, его вывели из себя эти наглые слова — «Моя девочка!», Она еще ничья!

— Не говори «моя девочка»!

— Почему нельзя?

— Потому что это грубо, неприлично.

— Как тогда ее называть? Моя детка? Так еще хуже.

Хирамэ поглаживал ограду двумя пальцами,

пока не остановился перед вделанным в задние ворота ящиком, куда хозяевам доставляли молоко. Открыл его и вытащил полную бутылку.

— Ты что делаешь? Увидят же!

— Бутылочка! — с чувством прошептал Хирамэ. — Может, она прикладывала ее к губам, пила из нее.

— Дурак! Ты уверен, что она из нее пила? Может, ее папаша?

— А вдруг все-таки она…

В этот миг из дома послышался собачий лай. Визгливый, похожий на щенячий.

— Тоби! Тоби! — позвала собаку девочка.

Одзу и Хирамэ переместились ближе к тому месту, откуда доносился голос. Это был *ее* голос.

— Как же завидно!

— Что?

— Жить в таком доме, иметь собаку. А наша семья бедная. Какая уж тут собака! Мне даже свою мышь прятать приходится.

Да… Для двух неопрятных, неряшливых мальчишек этот дом действительно выглядел воплощением недостижимого счастья. Они еще ничего не знали о том, что такое счастье, о жизни вообще.

Сын

Деловая поездка длилась всего два дня. Вернувшись в Токио, Одзу заглянул в контору и поехал домой. У него почему-то было ощущение, что он отсутствовал очень долго.

— Где Эйити? — спросил он Нобуко, разуваясь в прихожей.

— Сегодня же пятница, — отвечала жена, принимая его ботинки и улыбаясь мужниной забывчивости. — У него ночное дежурство в больнице.

— А-а! — Одзу кивнул. — В самом деле.

Он хотел спросить еще кое о чем, но промолчал. Он помнил, что накануне отъезда в командировку из-за какой-то мелочи у него вышел спор с сыном, зашедшим после долгого перерыва к ним поужинать.

Прежде Одзу считал, что Эйити любит и уважает его, но пришло время — тот как раз готовился поступать на медицинский, — когда отца начало все больше возмущать отношение его отпрыска к жизни. Одзу казалось, что карьерный успех превратился для сына в главную цель жизни, хотя в

медицинском мире вряд ли все согласились бы с таким подходом.

В отличие от младшей сестры Юми, Эйити, перейдя в старшую школу, взялся за учебу со всей серьезностью. За счет своей усидчивости он смог поступить в медицинский университет К., но растерял всех друзей. Его приятели, часто заглядывавшие к ним в дом, постепенно отдалялись все дальше.

— Это потому, что они не такие, как я, — повторял Эйити. — Они следуют по жизни со всеми удобствами благодаря своим старикам и их связям. А мне отец ничем помочь не может. Друзья друзьями, но в конечном счете надо о себе думать в первую очередь.

— Если так думать — жить будет уныло и одиноко, — бормотал Одзу в ответ на слова сына.

Тот холодно улыбнулся:

— Хочешь сказать, что таким добрякам, как ты, жить не одиноко? Да мне тошно смотреть на то, как ты живешь…

Одзу надолго запомнил это ответ.

Последняя перепалка между ними была в том же роде. За ужином разговор зашел о больнице. Эйити с насмешкой сказал что-то о престарелом пациенте, которого долго лечили, хотя шансов

на выздоровление не было, Одзу начал укорять сына. Сейчас он снова вспомнил об их споре.

Одзу переоделся. Жена налила ему в гостиной чаю. Просматривая накопившуюся за два дня его отсутствия почту, Одзу поинтересовался:

— Ну как дела? Какие новости?

— Да никаких. Ставни наверху заедают, хотела вызвать плотника, никто трубку не берет.

— У них людей не хватает. Сейчас кругом стройка идет. Какой им интерес со ставнями возиться.

Одзу громко отхлебнул из чашки, и жена вдруг вспомнила:

— Было кое-что непонятное. Три странных звонка.

— Странных звонка?

— Звонил телефон, я снимала трубку… и все, обрыв связи.

— Наверное, кто-то ошибся.

— Но когда я говорила: «Квартира Одзу», на том конце несколько секунд молчали. Будто ждали какого-то сигнала или еще чего-то. Юми из-за этого разнервничалась.

Вечером, когда Юми вернулась домой, вся семья, за исключением сына, сидела за обеденным столом.

— Никогда не думал, что даже врачам при-

ходится так долго маяться внизу социальной лестницы. — За ужином Одзу был в хорошем настроении, то и дело поднося ко рту чашечку с сакэ. — Большинство парней в его возрасте уже прилично зарабатывают, а он все никак не может встать на ноги.

— А что он может сделать? — встала на защиту брата Юми. — Сам выбрал этот путь. Он говорил, что, раз ты не доктор, он не может воспользоваться отцовским влиянием, чтобы устроиться на тепленькое место в какой-нибудь больнице, как это делают другие… Поэтому он нацелился на то, чтобы сделать карьеру в университете.

— Но в университете тоже пробиться очень тяжело. Лет десять-двадцать пройдет, пока доцентом станешь и допустят читать студентам лекции.

— Потому-то он так и бьется.

— Это хорошо, что он так много работает, — решила вставить свое слово Нобуко. — Только я беспокоюсь о его здоровье.

— Он всегда говорит, что хочет добиться своего, чего бы это ни стоило. — Юми отложила палочки и встала, чтобы поставить на стол новую бутылочку сакэ.

— Да… он такой, — с болью в голосе проворчал

Одзу.

— Совсем на тебя не похож. Умный мальчик. — Жена Одзу явно гордилась сыном. — Он так старается учиться.

— Некоторые люди во имя карьеры отгораживаются от всего. Какой толк будет, если он прославится в своем университете, но лишится всего тепла, которое есть в жизни?

— Времена изменились. Что сейчас остается молодежи? Не будешь отталкивать других — не выживешь. Что может сделать Эйити?

Одзу не стал ничего отвечать жене. Он всегда чувствовал, что в глубине души она недовольна тем, что муж не сумел сделать хорошую карьеру. Недовольство трансформировалось в настойчивое желание защищать сына, как она это делала сейчас.

— Если времена сейчас тяжелые, как ты говоришь, значит, в войну, когда мы были молодые, было лучше?

— Я не это имела в виду. Просто тогда темп жизни был неспешный.

Так ли неспешно проходили дни в то время? В Японии горели города, множество людей бежало от войны сквозь дым пожарищ, призванных на военную службу новобранцев, вроде Одзу, каж-

дый день избивали старослужащие…

— Ты все время ссылаешься на войну, папа! — Юми поставила на стол бутылочку сакэ. Она всегда занимала сторону матери. — Тогда время воспринималось совсем по-другому. Даже сравнивать нельзя.

В памяти Одзу промелькнуло рыбье лицо Хирамэ с блеклыми глазками. «Что бы ты сказал о сегодняшнем дне, если бы был жив?»

После ужина Одзу сидел, рассеянно уставившись в телевизор, когда зазвонил телефон.

— Наверное, это опять тот самый телефонный шутник.

— Я возьму… — Одзу пошел в коридор, где стоял телефон, и снял трубку. — Алло! Квартира Одзу.

Ответа не последовало. Как и говорила жена, человек на другом конце молчал. Было впечатление, что он в молчании ожидает какой-то реакции. Наконец с глухим стуком трубку положили на место.

По средам профессор Ии совершал обход больных.

В эти дни Эйити и другие молодые сотрудники выстраивались у входа в клиническое отделение и ждали, когда появится профессор. Особенно волновались те, за кем были закреплены пациенты.

В последний раз они судорожно прокручивали в голове накопившиеся за неделю данные о состоянии пациентов, об осмотрах и анализах. Старались запомнить и обдумывали, какими словами лучше изложить суть в докладе.

Наконец дверь в дальнем конце коридора распахнулась, и в сопровождении заведующего отделением Утиды появился профессор Ии. Его массивное тело обтягивал белый халат.

— С какого этажа начнем сегодня?

— С туберкулезного отделения на втором этаже.

Молодой медик со всех ног бросился вперед и нажал кнопку лифта.

Во время обхода в отделениях клиники царила необычная тишина. Процессия в белых халатах во главе с профессором проследовала по безлюдному коридору, скрипя по полу туфлями.

Замешавшись в свите, Эйити уперся взглядом в широченную спину доктора Ии. От профессорской спины и плеч исходила уверенность человека, являющегося главным авторитетом во втором хирургическом департаменте.

«Когда-нибудь ты тоже станешь таким», — внушал себе Эйити. Он представил себя на месте профессора Ии, как он, чуть приподняв правое

плечо, шагает впереди белохалатной свиты.

Профессор вступил в реанимационную палату, где лежал пациент после операции. Четыре дня назад ему удалили легкое. Лечащий врач по фамилии Маки торопливо семенил за светилом, держа в руке конверт с рентгеновскими снимками. Остальные члены группы сопровождения, встав позади, внимательно слушали диалог профессора с Маки.

— Динамика после операции положительная. — Маки вручил профессору подвешенный к койке термометр. — Кровотечение удалось купировать. Температура тоже снижается. Давление и нервная система в норме. Думаю, пункцию брать не нужно.

Профессор приложил к груди пациента новенький немецкий стетоскоп и кивнул.

— Вы сказали, после операции прошло четыре дня?

— Да.

— Сделайте завтра еще снимки. Полагаю, при такой температуре изъязвления трахеи опасаться не следует.

— Согласен.

Вынув из уха наушник стетоскопа, профессор обратился к пациенту:

— Ну, все идет нормально. Через неделю вам станет гораздо лучше. Все в порядке. Можете быть уверены.

Глаза пациента радостно заблестели. Профессор кивнул и вышел из палаты.

Процессия перешла в другое отделение. Здесь шесть коек стояли напротив друг друга. Лежавшие на них больные в стерильных масках как по команде повернули головы к вошедшим. Это была палата инфекционных пациентов, поэтому старшая медсестра распорядилась, чтобы на время профессорского обхода все надевали маски.

У изголовья старика встал лечащий врач Тахара.

— Анализы по-прежнему показывают наличие бактерий? — поинтересовался профессор Ии.

— Совершенно верно. Тест на прошлой неделе показал пять по шкале Гафки[16]. Четыре недели назад было три.

— Что ему даете?

— Исконтин и бетион. Хотя я считаю, что бетион нужно чем-то заменить.

Лица сотрудников клиники напряглись. Таха-

---

[16] Примечания: 16

Количественная характеристика наличия туберкулезных бактерий, первоначально разработанная немецким микробиологом и эпидемиологом Георгом Гафки (1850–1918).

ра, рядовой врач, предлагает заменить препарат, который прописал пациенту сам профессор. Иными словами, он выступил против распоряжения начальства.

— Нет, бетион сейчас — это то, что нужно. — В присутствии пациентов профессор Ии не позволял себе повышать голос, как он это делал, распекая персонал в лаборатории или кабинете. Но было видно, как кожа между бровями наливается неприятной краской. — Если мы будем все время менять препараты, у пациента станут вырабатываться резистентные бактерии, и у нас не останется методов его лечения.

Профессор специально произнес эти слова громче, чтобы все присутствующие слышали, и направился к следующей койке.

Ко времени, когда обход шести пациентов был завершен, всем членам инспекционной группы уже было ясно: настроение Старика (так обычно в их круге называли профессора) испорчено.

Завотделением Утида бросил на Тахару злой взгляд, говоривший: «Кто тебя за язык дернул лезть со своими замечаниями?!» Сотрудник, раз осмелившийся испортить профессору настроение, не имел больше шансов вернуться под лучи солнца, сколько бы времени ни прошло. Это было

известно каждому, но Тахара, намеренно или нет, совершил этот промах.

Процессии, напоминавшей шествие феодальных вассалов за своим сюзереном, потребовалось полтора часа, чтобы обойти четыре отделения и три специальные палаты. Обход закончился уже после полудня.

— Тахара! Можно тебя на минутку?

Утида проводил профессора Ии до его кабинета и, вернувшись, окликнул Тахару. Остальные сотрудники тут же встали с мест и отправились на обед.

Эйити сидел в кафетерии, ел в одиночестве рис с карри и ждал, когда появится Тахара. Хотя они учились в медицинском университете на одном курсе, в глубине души Эйити иронически относился к своему однокашнику, считая его посредственностью. Однако сейчас они с Тахарой вместе работали над докладом на тему «Химические методы лечения послеоперационной трахеальной фистулы», которую должны были представить профессору. Поэтому последствия дурацкой ошибки, которую совершил его соавтор, должны были коснуться и Эйити.

Он доел рис, запил его водой из стакана, и в это время у автомата, выдававшего талончики на пи-

тание, появилась сутулая фигура Тахары. Эйити помахал ему рукой, и тот, волоча ноги, направился к заставленному грязной посудой столу.

— Ты чего, обалдел? — со страдальческим видом спросил Эйити, постукивая ногтем по кончику сигареты.

— Э-э?

— Зачем ты сказал это Старику?

— Но… все же знают, что эффективность бетиона при лечении туберкулеза близка к нулю… — бессильно проговорил Тахара, опустив голову. — Моим пациентам это лекарство никак не поможет, сколько их ни корми. Вместо него лучше применять этамбутол.

— Старик говорит, что этамбутол можно применять только на критической стадии.

— Пациент с открытой формой, у него «пятерка» по Гафки, состояние критическое. И ты не хуже меня знаешь, почему Старик настаивает на бетионе. Он же получает деньги на исследования от фармацевтической компании, которая его выпускает.

Эйити молча зажег сигарету. Ему не надо было рассказывать, что целый ряд дополнительных проверок показал, что бетион бесполезен при лечении туберкулеза. Он относится к препа-

ратам класса тибионов, которые больше не используются даже в Германии, где их впервые синтезировали.

Однако персонал клинического отделения продолжал применять бетион, делая вид, что ничего об этом не знает. Потому что все знали, что средства на исследования для отделения выделялись той самой фармкомпанией.

— Но… — Эйити скривился и посмотрел на горящий кончик сигареты. Оба смотрели в окно и молчали.

— Послушай, Тахара, — пробормотал Эйити, не отводя глаз от сигареты. — Не надо себе вредить.

— Что ты имеешь в виду?

— Я хочу сказать, чтобы ты больше никогда не говорил об этом лекарстве.

— Но ведь я врач. Я лечу этого старика. Я за него отвечаю и хочу, чтобы он поправился.

— Все понятно. Я очень хорошо понимаю, что ты чувствуешь. Но ведь мы с тобой часть одной организации. Она называется клиника. Ты не сможешь сломать регламент.

— Я не собираюсь ломать никакого регламента…

— Тогда не надо создавать проблемы завотделением. Он имеет на тебя планы. Понимаешь

или нет? — Эйити сделал паузу. — Но если Старик на тебя разозлится, Утида ничего не сможет сделать.

— Утида мне то же самое говорил. — Тахара засмеялся с легкой грустью, налил себе жидкого чая. — «Если будешь так себя вести, ходу тебе не будет», — вот что он сказал…

— Вот видишь. Потому что это отразится на твоем будущем.

— Но как же мой пациент? — проговорил Тахара и умолк, поднеся к губам чашку с чаем.

— Подумай хорошенько. Я больше ничего говорить не буду. — Эйити встал и потянулся. — Ладно. Я пойду в библиотеку.

— Ты… умный парень.

Эйити обернулся на вырвавшиеся у Тахары слова:

— Что?

— Ты все можешь рассудить.

— Да?

— Ты обязательно сделаешь карьеру в этой клинике.

Ничего не ответив, Эйити вышел из кафетерия. Вдоль длинного коридора у окон собрались одетые в подбитые ватой кимоно пациенты и медсестры. По-видимому, во дворе работники

канцелярии изображали игру в волейбол.

«Ты обязательно сделаешь карьеру в этой клинике».

Слова Тахары все еще отчетливо звучали в ушах Эйити. Чего в них было больше: зависти или сарказма? Зависит от того, как к ним относиться.

«Все правильно. Я хочу сделать карьеру, — повторял про себя Эйити, представляя лицо Тахары. — А что в этом такого?» — Перед его глазами снова встал профессор Ии, уверенно шагающий по коридору. Лет через двадцать он, Эйити, будет вот так совершать обходы в сопровождении персонала клиники.

— Доктор Одзу из хирургии! Доктор Одзу! — зазвучало в динамике. — Свяжитесь с оператором. Доктор Одзу из хирургии. Доктор Одзу.

Эйити снял трубку внутреннего телефона, висевшего на стене в конце коридора.

— Одзу у телефона.

— Вам звонят, — услышал он голос дежурной на телефоне.

— Кто?

— Сестра Кэйко Имаи из терапевтического отделения. — Одзу почувствовал замешательство и колебание в голосе дежурной. — Она говорит… ей срочно надо поговорить с вами.

— Пожалуйста, соедините. — Одзу сжал трубку, подавляя неприятное чувство.

— Это я, — тут же послышался голос Кэйко.

— Что тебе? — холодно спросил Эйити. — Я сейчас занят.

— Сэнсэй, давайте встретимся сегодня вечером.

— Вечером? Я не смогу вырваться.

— Всего на десять минут.

После пререканий Эйити пообещал увидеться с Кэйко в пять вечера и повесил трубку.

«Вот коза навязчивая!»

Одзу представил плачущее лицо Кэйко. Когда она плакала, она становилась похожа на обезьяну. Противное зрелище. Он больше не чувствовал к медсестре ни малейшей привязанности. «А теперь еще вечер на нее тратить».

Не заходя больше в клиническое отделение, он направился на пост медсестры во второй корпус.

Одзу просматривал результаты анализов своих пациентов, когда появился Утида.

— Поди сюда на минутку, — вызвал он Одзу из комнаты. — Вот ведь удружил Тахара! И себе тоже! Старик по-настоящему вышел из себя.

— Я с ним говорил сейчас в кафетерии.

— Ну и что он?

Поколебавшись секунду, Эйити ответил:

— Как сказать… он, конечно, упрямый.

— Это правда. За такими глаз да глаз нужен.

— Мне очень жаль.

— Это я не про тебя. — Криво улыбнувшись, завотделением хлопнул Эйити по плечу. — Тебе нечего беспокоиться. Старик, похоже, в тебя верит. И мы на тебя очень надеемся.

— Спасибо. — Эйити наклонил голову и проводил взглядом Утиду, который стал спускаться по лестнице.

С часа до трех у пациентов был тихий час. В здании больницы стало тихо.

Сидя в библиотеке за раскрытой книгой, Одзу с тяжестью в душе думал о Кэйко Имаи, которая навязалась на этот вечер.

Отношения с Кэйко продолжались полгода. До нее у него случались интрижки с другими сестрами, но ни одна при расставании не причиняла ему столько проблем, как эта липучая Кэйко.

После библиотеки он снова зашел во второй корпус и обошел своих пациентов. Тихий час закончился, и в коридоры и палаты вернулась беспорядочная шумная суета.

Из пяти пациентов, за которых отвечал Эйити, у трех был туберкулез легких — двое мужчин

ожидали операции, еще один готовился выписываться.

Эйити, сказать по правде, уже мало интересовали туберкулезные больные. Из-за антибиотиков и ранней диагностики число пациентов сокращалось, курс лечения был строго определен. Перспектив у этой области не было.

Поэтому он выбрал своей дальнейшей целью лечение рака в свете теории Кребса[17]. В университете в ближайшем будущем планировалось создать онкологический центр. Одзу и его коллеги с нетерпением ждали, когда он будет построен. В будущем хирургия сосредоточится на онкологии, заболеваниях сердца и мозга.

Одним из его нынешних пациентов был пожилой мужчина с раком легкого. Топ-менеджер крупной компании. В скором времени ему, видимо, предстояла операция. Врачи, конечно, говорили пациенту, что у него туберкулез, хотя и знали, что все равно придется сказать его семье правду.

Эйити поднялся на третий этаж и вошел в

---

[17] Примечания: 17

Американский биохимик Эрнст Кребс-младший (1911–1996) выдвинул теорию о том, что причиной возникновения рака является дефицит витаминов (в частности, витамина B17) в организме, вызванный нехваткой существенных компонентов в пищевом рационе современного человека.

угловую палату. Молодая женщина, дочь пациента, старательно устанавливала в вазу большой букет.

— Добрый день! — Эйити улыбнулся и обвел взглядом палату. — Как самочувствие?

Пациент, превозмогая вялость, попытался встать с кровати.

— Лежите, лежите.

— Да так. Без изменений. Хотя после обеда закашлялся — и с кровью получилось.

Эйити приставил стетоскоп к груди старика. Стоявшая у него за спиной дочь сдерживала себя, сложив руки.

— Доктор! Он жалуется, что руки болят, — с тревогой в голосе проговорила она.

— Это может быть невралгия. — Одзу изобразил наигранную улыбку и тряхнул головой. — Для беспокойства нет оснований. Долго боль не продлится.

— Да?.. А это не рак? — Лежавший на спине старик внимательно посмотрел на Эйити. — У меня приятель умер от рака легких… Вот он жаловался на боли в груди и руках…

— Ну, при раке болевые ощущение куда серьезнее, — отвечал Эйити, все так же улыбаясь. — Не надо себя тревожить без нужды. Положитесь

на нас.

Облегчение и доверие нарисовались на лице дочери. «А девица очень даже ничего», — пробормотал про себя Эйити. Но тут перед ним возникли глаза Кэйко, встреча с которой предстояла вечером, и он быстро опустил взгляд.

— Доктор, наверное, придется делать операцию?

— Для этого вас и госпитализировали, ведь так?

— Если операция пройдет успешно, смогу ли я работать как прежде?

— Разумеется. Будет играть в гольф и вообще делать что хотите.

Эйити привык лгать раковым больным. Это тоже часть работы хирурга.

— Ну, будьте здоровы! — Выйдя из палаты, Эйити выбросил из головы судьбу этого старика. Здесь никто не мог себе позволить сочувствовать судьбе того или иного индивида.

Вечером он встретился с Кэйко Имаи в кафешке, что располагалась напротив входа в клинику. Народу было полно — все как раз расходились после рабочего дня. Кэйко, опустив голову, дожидалась Эйити в углу.

Когда он подошел, она подняла на него глаза и

печально улыбнулась.

— Извини.

— Ничего. Но у меня мало времени. Завотделением вызывает.

Эйити врал, надеясь побыстрее свернуть разговор. Он присел за столик.

Официант уже принял заказ, а Кэйко все молчала.

В белом медицинском халате и шапочке она выглядит очень молодо и свежо, но почему-то стоит ей переодеться в «штатское», как она тут же превращается в серую, усталую тетку, с сожалением думал Эйити. Честно говоря, он потерял к Кэйко всякий интерес и привязанность. У него было лишь одно желание — вырваться из этой кафешки, и чем быстрее, тем лучше.

— Ну, о чем ты хотела поговорить?

— Почему ты не хочешь меня видеть в последнее время? — заговорила Кэйко, укоризненно глядя на чашку с кофе, которую ей принес официант.

— Что значит «почему»? — Эйити не собирался скрывать своего недовольства. — Сколько раз уже я тебе говорил! Я занят на работе, у нас много операций.

— Неправда! — резко тряхнула головой Кэй-

ко. — Сестра Сэкиба из хирургии — моя подруга. На этой неделе была всего одна операция.

Эйити запнулся и тут же продолжал:

— Что бы там ни говорила сестра Сэкиба, но в клиническом отделении и кроме операций дел куча. Мы должны писать отчеты, готовиться к научным семинарам.

— Семинары и раньше были, но мы же встречались. — Кэйко помешивала ложечкой в чашке, по щеке катилась слеза.

— Ну как тебе не стыдно! — Эйити понизил голос, оглядываясь вокруг. — Чего плакать-то?

— Почему сразу нельзя сказать, если не хочешь меня видеть?

Эйити, которому не терпелось покончить с этим делом, сказал:

— Я думал, с тобой легче будет.

— Что ты имеешь в виду, интересно?

— Тебе не кажется, что ты малость зациклилась на себе? Названиваешь и совершенно не думаешь о моей ситуации. Ты хоть понимаешь, в какое положение меня ставишь?

— Извини, пожалуйста... — Кэйко, опустив глаза, согласно кивнула и тихо сказала: — Но я так несчастна.

— Ну я не знаю! С чего тебе быть несчастной?

Нам ведь было хорошо вдвоем. Разве нет?

— Я такой любви не хочу.

— Вот только не надо глупостей. Я не собирался влюбляться, когда стал с тобой встречаться. Все так делают, ты же знаешь.

«Как же мне надоела вся эта мутотень!» Эти слова готовы были сорваться с языка Эйити, но он сдержался. Вообразила, что мы любовники, только потому, что я переспал с ней три или четыре раза!

— Так или иначе, я хочу подвести черту под этим делом, чтобы ты меня больше не доставала.

— Я знаю! — Кэйко, до сих пор сидевшая с опущенной головой, вдруг вскинула на Эйити глаза, пылающие ненавистью. — Знаю!

— Что ты знаешь?

— Что недавно ты стал встречаться с дочкой профессора Ии. — В ее словах неожиданно зазвучало грубое кокетство. — Скажешь, нет?

Растерявшись, Эйити непроизвольно отвел взгляд.

— Что за чепуха?! Кто же распространяет эти слухи?

— Это не важно.

— Помню, я как-то танцевал с ней на вечеринке в клиническом отделении. Но не я один. С ней все

танцевали. Нечего слона из мухи раздувать, — торопливо оправдывался Эйити, опустив голову и избегая встречаться взглядом с Кэйко. — И самое главное — как можно говорить такие вещи о дочери профессора Ии?

— Ох, извините! Я всего лишь медсестра. Куда мне до профессорской дочки!

— Прекрати!

На голос Эйити обернулась сидевшая сзади парочка, похоже, любовники. Эйити, чтобы скрыть свое замешательство, зажег сигарету, хотя курить ему не хотелось.

— Люди видели, как ты прогуливался с ней в Сибуя.

— В Сибуя? Ах, ты про это? Профессор Ии распорядился, чтобы я вместе с ней купил ему чемодан.

— И ты всегда рад, как дрессированная собачка, выполнить приказ начальства, да?

Эйити разозлился и встал со стула.

— Все! Я ухожу! У меня нет времени здесь рассиживаться. — Он взял со стола счет и направился к кассе. Кэйко пошла за ним. Не обращая на нее внимания, Эйити заплатил за кофе и вышел на улицу.

— Прости меня! — жалобно молила Кэйко. Она

часто семенила сзади, не поспевая за его большими шагами. — Я не хотела этого говорить.

— Уже поздно. — Голос Эйити был холоден. — Я больше не желаю тебя видеть. Прощай!

Сигнал светофора на пешеходном переходе сменился с красного на зеленый, и толпа двинулась через улицу. Смешавшись с людьми, Эйити понял, что Кэйко больше не идет за ним.

«Ну вот и все! — пробормотал он про себя. — Однако кто ей разболтал про дочку Старика?»

Он представил лицо дочери профессора Ии — яркое, броское, с белой кожей. Действительно, они познакомились, когда он помог ей выбрать чемодан для Старика, который собирался в Нью-Йорк на медицинский конгресс. По пути из магазина они зашли выпить чаю. Но тогда…

Но тогда, и это тоже правда, Эйити вдруг пришло в голову, что его карьере пойдет на пользу, если он поближе познакомится с дочерью Старика.

Вечером, когда Эйити вернулся домой, родители и сестра уже поужинали и сидели в гостиной за чаем.

— Добро пожаловать! Ты ужинал?

— Я поел в клинике, — резко, как это вошло у него в привычку, бросил Эйити. В ванной он

тщательно вымыл руки, прополоскал рот.

Эйити был врачом и поэтому, а скорее из-за того, что у врачей так принято, забота о чистоте приобрела у него почти маниакальный характер.

— Отцу на работе подарили сладости. Хочешь? — предложила мать, видя, что сын собирается прямиком из ванной в свою комнату на втором этаже. Мать и сестра знали, что Эйити в последнее время как-то избегает отца.

— Да, иду.

Эйити вошел в гостиную, и Одзу заметил, что в его волосах еще поблескивают капельки воды. Ему показалось, что сын спал с лица, пока он был в командировке.

— Ночные дежурства много сил забирают, наверное? — желая как-то подладиться под сына, поинтересовался Одзу. Он еще помнил их недавний спор.

— Вот эта штучка очень вкусная. — Юми пыталась как-то связать не вязавшийся разговор между отцом и сыном. — Сладкое очень хорошо, когда человек устал.

Брат ничего не ответил сестре, только положил в рот конфету из коробки, которую принес отец.

— Операции сегодня были?

— Нет.

— Операции выматывают, наверное.

— Зависит от операции, — с безразличием отвечал Эйити.

— Наверное, у вас много онкологии оперируют.

— Не только. Мы же все еще мелкие сошки, поэтому вынуждены заниматься всем подряд.

— Сейчас анестезия получила большое развитие, пациентам стало гораздо легче. А когда я был в армии, прошла неделя, как прибыл в часть, у нас был парень, мой одногодок, ему вырезали аппендицит. В армии тогда анестезией не заморачивались, могу представить, как было больно, когда его резали.

Эйити ничего не отвечал, уткнувшись глазами в вечернюю газету. Опять эти беседы про войну? Отец по любому поводу вспоминает «наше время». Как будто кроме того времени у него другой жизни не было. У Эйити эти разговоры всегда вызывали неприязненное чувство.

— И вообще, в то время и лекарств-то почти не было, — поддакнула Нобуко, пытаясь как-то наладить разговор.

Эйити молчал, и Одзу переключился в своих мыслях на другое. «Да уж, в армии нас били каж-

дый день, и чувство боли со временем как-то притупилось. Нынешняя молодежь не знает, что такое терпеть».

В коридоре зазвонил телефон.

— Опять! — Юми встревоженно поднялась со своего места. — Сколько можно! Снимаю трубку — никто не отвечает. Зачем они это делают?

— Значит, ты не представляешь, кто бы это мог быть? — с тревогой проговорила мать. — Извращенец какой-то…

— Да уж!

«Может статься, это Кэйко звонит, чтобы мне досадить, — подумал Эйити. — Навязчивая особа, от нее всего можно ожидать».

Как ни скрывал я...[18]

Война охватила Европу, когда Одзу и Хирамэ перешли в десятый класс. Она больше не ограничивалась сражениями между Японией и Китаем.

В классе А многие вдруг собрались держать экзамены в морскую кадетскую школу и пехотное военное училище. По окончании десятого класса можно было поступать в старшую школу.

Конечно, Одзу и Хирамэ не было дела до этих поступлений и суеты, которую разводил класс А.

— Мы все равно никуда не поступим — ни в пехотное, ни в морскую школу.

Они бросили мысль не только о военных училищах, но и о серьезной старшей школе. Учителя тоже не питали особых надежд на то, что из от-

---

[18] Примечания: 18

Начало стихотворения японского поэта X в. Тайра-но Канэмори, входящего в число «Тридцати шести бессмертных», — составленный в Средние века список величайших поэтов Японии:

Как ни скрывал я
Влюбленность, но выдало
Секрет мой лицо.
И теперь спрашивают:
Что так тревожит тебя?

(Пер. В. Соколова)

стающих подопечных выйдет какой-то толк.

— Попытайтесь хотя бы перейти в следующий класс. Никто не говорит о том, чтобы вы поступили в первоклассную старшую школу. Даже обычная вряд ли вам по зубам. Идите в частный колледж, соответствующий вашим способностям. Лучше быть клювом петуха, чем хвостом быка, — ворчали учителя, в тоне которых смирение с неизбежностью смешивалось с утешением. Особый взгляд на подчиненных был у инструктора по военной подготовке и приписанного к школе офицера.

— Сейчас, когда настал критический момент, — начал инструктор Бегемот, выстроив в шеренгу Одзу, Хирамэ и других мальчишек из класса С, — слюнтяи вроде вас — это человеческие отходы! Многие парни из класса А думают о том, чтобы сменить школу, о которой они мечтали, и стать пехотными и морскими офицерами. Вам такое даже в голову не приходит. Вместо этого вы день за днем шатаетесь без дела, валяете дурака. Дармоеды, вот вы кто!

Он часто отпускал в адрес учеников подобные «комплименты».

— Старый козел!

— Настучать бы ему по башке!

Школьники шепотом вовсю костерили Бегемота, когда строевые занятия закончились и он приказал всем разойтись. Хотя, конечно, не нашлось никого, кому хватило бы смелости настучать по голове отставному фельдфебелю.

Но однажды Хирамэ опять отколол номер. Это произошло, когда в школе завыла сирена, возвещавшая окончание большой перемены на обед.

Хирамэ и Одзу валялись на лужайке около площадки для стрельбы из лука и разговаривали о той девочке по фамилии Адзума. Мальчики давно ее не видели, с того самого дня. Но несмотря на это, а точнее, именно по этой причине, они продолжали мечтать о ней.

— На днях я долго околачивался у их дома, но ее так и не увидел.

— Ну и липучий же ты… — Одзу уже устал от настырности Хирамэ, но, как ни странно, ревности не чувствовал. Скорее, он сопереживал своему невзрачному приятелю, с которым они вместе влюбились в одну девчонку.

— Пойдем в класс. — Одзу поднялся, и мальчики не спеша направились к школьному зданию. Проходя мимо оружейного сарая, они заглянули в приоткрытую дверь, в петлях которой висел замок, и увидели внутри Бегемота, записывавшего

что-то в тетрадь. Время от времени он проверял, как содержат оружие ученики.

— Бегемот! — прошептал Одзу.

— Ага! — моргая, кивнул Хирамэ, и тут его рука потянулась к двери и закрыла ее. Но этим дело не ограничилось. Та же рука со щелчком повернула ключ в замке.

— Эй! — в испуге вскричал Одзу. — Что ты делаешь?!

— Хм! — Хирамэ сам удивился. — А что я сделал?

— Что ты сделал?.. Замок закрыл. Теперь Бегемот оттуда не выйдет. Заперт в оружейной!

Школьное здание уже поглотило почти всех учеников. Так что кроме Одзу никто не видел, что произошло.

— Э-э… это руки сами сделали. Задвигались сами собой и закрыли замок, сами, машинально.

— Ты соображаешь, что говоришь? Бежим отсюда!

Мальчишки понеслись со всех ног. Когда они влетели в здание школы, Одзу так запыхался, что плечи ходили ходуном.

— Ну ты и заварил кашу!

— А чего такого-то?

— Заварил, заварил! Теперь он будет там си-

деть, пока его кто-нибудь не выпустит. Тебя ж из школы выгонят, если узнают!

— Не говори никому!

— Я-то не скажу, конечно… Но ты все-таки того…

На следующем уроке Одзу почти ничего не слышал из объяснений учителя по японской грамматике. У него и в обычных условиях были проблемы с пониманием, даже если он слушал урок. Но сейчас его мысли вообще витали где-то в другом месте.

Даже Хирамэ, вечно возившийся у него за спиной, сидел тихо как мышь. Съежился за своей партой и ждал, когда кончится урок.

Когда казавшийся бесконечным урок подходил к концу, в класс вошел служитель и что-то сказал учителю.

Учитель повернулся к ученикам:

— Кто-то из вас запер на замок оружейную комнату. Это правда?

Все тупо уставились на учителя.

— Кто-то закрыл оружейную комнату, когда преподаватель по военной подготовке проверял там оружие. Мне сказали, что ему пришлось целый час барабанить в дверь, чтобы его выпустили.

Весь класс так и залился смехом.

— Что тут смешного?

— Сэнсэй! — громко крикнул кто-то. — Вы же сами смеетесь!

— Я не смеюсь!

— Нет, смеетесь. Это его бог наказал. Вот что!

— И за что же он его наказал?

— За то, что он всегда обзывает класс С и класс D слюнтяями. Вот и наказал.

— Вы что говорите? Значит, это сделал кто-то из вас?

В классе поднялся свист и недовольные крики:

— Почему вы только на нас все сваливаете?

— Может, это «ашники» сделали!

— Все! Хватит! — Учитель растерянно махнул рукой. — Если вы говорите, что это не вы, хорошо… — Он повернулся к служителю. — Пожалуйста, скажите преподавателю по военной подготовке, что этот класс ни при чем.

Служитель кивнул головой и вышел. А учитель с насмешливой улыбкой сказал:

— Послушайте! Кончайте эти шутки с военруком и майором. Испортите себе ведомость, когда будет поступать в старшую школу.

Одзу облегченно вздохнул и обернулся назад. Хирамэ сидел и моргал, как всегда. Лицо его

оставалось бесстрастным, будто ничего не случилось.

В тот год и год последующий мир совершенно изменился. Германские войска, оккупировавшие Польшу, повернули в другую сторону, нанесли молниеносные удары по Бельгии и Голландии и стремительным броском заняли Париж.

— Вот это класс!

Однажды утром кто-то принес в класс цветную фотографию немецкого истребителя «Мессершмитт». Ребята собрались вокруг и стали рассматривать ее с округлившимися глазами. Каждый день газеты крупными иероглифами возвещали о победах доблестной германской армии. Одзу и его товарищи читали и чувствовали, как часто бьется сердце. Никто не подозревал, что наступит время и их страна, которая объединилась с Германией, будет вовлечена в смертельную схватку.

— Сейчас мудрой правительницей Азии является Япония. Европа находится под контролем Германии.

Окна актового зала сотрясались от аплодисментов. В школе выступал с лекцией облаченный в гетры корреспондент газеты, только что вернувшийся из Китая. Тогда школьники еще не слышали таких слов, как «милитаризм» и «фа-

шизм», и никто из них ничего не знал о том, какое сопротивление встречают японские войска в Китае и каковы истинные намерения рейхсканцлера Гитлера и нацистов. Поэтому они и представить не могли, что скоро все скатятся в темную пропасть. Дальновидные «ашники» двинули в военные училища, а нерадивые «цэшники» и «дэшники» искоса поглядывали на все это и, перейдя в десятый класс, расходились на каникулы.

Настроения в японском обществе становились все жестче — женщинам запретили делать перманент, члены Женской патриотической лиги стали раздавать в общественных местах листовки «Роскошь — наш враг!». Однако каникулы все же оставались каникулами. В день окончания ненавистных экзаменов в соснах, что росли в школьном дворе, звенели цикады, а в горячем синем небе плавились пышные кучевые облака.

Одзу вместе с Хирамэ и другими мальчишками выбежали из школы, их сердца переполняло чувство свободы.

— Каникулы!

— Ура!

— Что делать будем?

— На море!

Мальчишки запихали плавки в свои ранцы. В Хансине можно было найти достаточно мест для купания. Море тогда не было таким грязным, как сейчас. Всего несколько шагов — и ты на прекрасном пляже.

— Поехали на пляж в Асия, выпьем амэю[19].

— Может, *ее* там увидим.

— Может быть.

Оба, конечно, понимали, что это маловероятно. Они больше не встречали в электричке тех девочек. Причина заключалась в том, что в десятом классе добавился еще один часовой урок, и Одзу и Хирамэ стали садиться в электричку в другое время.

Вместо привычной электрички они сели на другую, которая ходила по линии Хансин ближе к побережью, и сошли у пляжа Асия.

Там уже собралось прилично народа, плескавшегося в волнах, на которых играло слепящее солнце. На белом песке пляжа выстроились камышовые кабинки, где мальчики сложили свои ранцы и переоделись. Не прошло и минуты, как Хирамэ уже присосался к бутылочке амэю.

— Вот ты разделся. Теперь посмотри на себя.

---

[19] Примечания: 19

Прохладительный напиток с добавлением солодового или рисового сиропа.

Неумытый какой-то. Может, помоешься здесь?

Одзу с жалостью смотрел на исхудавшего невзрачного приятеля. Но Хирамэ оставался невозмутим:

— Залезу в море — все смоется.

И они, раскинув руки, со всех ног бросились к морю, разбивавшему о берег белые барашки волн.

— Эй, поосторожней! Ты мне всю голову песком засыпал! — сердито закричал на Хирамэ мужчина, нежившийся на солнце.

Добежав до воды, они стали плескаться и резвиться, а потом поплыли брассом.

Зимние каникулы! Волна удовольствия дрожью пробежала по телу Одзу. Нет надоевших уроков. Не надо слушать учителя, от голоса которого клонит в сон, не надо мучиться на контрольных. А «ашники», очевидно, в это время готовятся к вступительным экзаменам, ну и бог с ними.

Хирамэ, плывший бок о бок с Одзу, вдруг рассмеялся.

— Ты чего?

— Что?

— Над чем ты смеешься?!

— Не слышу!

Проплыв еще немного, мальчики вернулись на берег.

— Нет, ты точно реханутый. Плывешь и смеешься… — сказал Одзу.

— Я опыт по физике проводил, — сказал Хирамэ.

— По физике? Ты? По какой физике?

— Ты слышал про ракеты? Говорят, у Германии есть ракетные самолеты.

Перед каникулами учитель физики в самом деле что-то там говорил о ракетах. У Одзу, конечно, не было почти никакого интереса к этой нудной теме…

— Поэтому, — сказал Хирамэ с серьезным видом, — я попробовал провести ракетный эксперимент.

— И чего ты сделал?

— Когда мы плыли, я перднул. И от этого действительно прибавил ходу.

Песок на пляже был горячий, как раскаленный металл. Какой-то человек играл с собакой у линии прибоя. Ребятишки сооружали горки из песка.

— Слушай! — Одзу неожиданно обернулся к Хирамэ. — Ты дальше в какую школу поступать собираешься?

— Ты же знаешь — мы бедные, — с легкой го-

речью проговорил Хирамэ. — Так что, может, и пробовать не буду. Дядя говорил, что может заплатить за школу, если я буду хорошо учиться. Но с моими отметками куда там…

Одзу смотрел на океан и облака и ничего не отвечал. Если Хирамэ не пойдет учиться дальше, через три года его призовут в армию, направят на освидетельствование. Невозможно было представить хилого Хирамэ в военной форме.

— Все-таки тебе лучше еще поучиться, — негромко сказал Одзу.

— Не люблю я учиться.

— Ну… я тоже не люблю.

Они помолчали. Жаркое солнце моментально высушило мокрые тела мальчишек.

— Ой! — вдруг воскликнул Хирамэ.

— Что такое?

— Она! — Хирамэ, открыв рот от удивления, устремил взгляд направо вдоль пляжа.

Это была *она*. В белой шапочке и черном купальнике. Она как раз собиралась зайти в воду со своей подружкой, той самой, с которой они шли берегом Асиягавы.

— Правда! — С губ Одзу сорвался то ли вдох, то ли вздох. — Это она!

Хирамэ вскочил и припустился бегом по пляжу.

Одзу последовал за ним.

Пробежав немного, они остановились и какое-то время издали с завистью наблюдали за тем, как девочки резвились в воде. Им хотелось заговорить с ними, но они никак не могли набраться смелости.

Белоснежные облака, похожие на кучки крошеного льда, плыли над горизонтом. Людские голоса смешивались с шумом разбивавшихся о берег волн и улетали, уносимые ветром. Зажмурившись, Одзу вдохнул в себя налетевший порыв ветра. Здесь, на пляже, не было ни скучных уроков, ни мандража перед экзаменами. Звуки войны тоже сюда не долетали.

Девичьи головки в купальных шапочках мелькали между волнами. Девочки заплывали все дальше в море.

— Поплыли! — Хирамэ нырнул в набежавшую волну. Одзу за ним.

Плыть мешали цеплявшиеся за ноги водоросли, да еще парни хлебнули соленой водички. А девочки оказались на удивление хорошими пловчихами, они с легкостью удалялись от берега.

Одзу чувствовал себя на воде не очень уверенно. Он уже заплыл далековато, заволновался и резко повернул обратно. Не заметив это, Хирамэ

продолжал погоню за девочками.

Подплыв к берегу и нащупав ногами дно, он оглянулся назад и увидел, что девочки держатся за буек, маячивший далеко в море.

А Хирамэ еще плыл.

«Что это он?.. — думал Одзу. — С ним все в порядке? Он же плавает не лучше меня. И все равно из кожи вон лезет, чтобы добраться до буйка. Неужели он так любит эту девчонку?..»

Волна выше обычной захлестнула Хирамэ. Его коротко остриженная голова показалась на гребне волны и исчезла.

«Что он делает?»

Одзу еще не понимал, что Хирамэ тонет. Он вдруг выпрыгнул из воды и дико заколотил руками. «Черт!» — мелькнуло в голове Одзу.

Хирамэ что-то кричал. Он кричал: «Помогите!» Следующая волна накрыла парня, но его голова и руки снова показались на поверхности воды.

Девочки оторвались от буйка. Они слышали крики Хирамэ и хотели ему помочь.

Одзу увидел мужчину в лодке и крикнул:

— Мой друг! Он тонет!

— Что?! Тонет?! Где?!

— Вон там!

К этому моменту девочки уже подплыли к Хи-

рамэ, но он так бился, что они не могли ничего сделать.

— Я уже здесь! Еще чуть-чуть! — Мужчина изо всех сил налегал на весла, направляя лодку туда, где то всплывали, то исчезали в воде три головы.

Под взглядами собравшихся на пляже мужчина выволок Хирамэ из воды, одной рукой тот обвивал шею своего спасателя. За ними, толкая перед собой лодку, на берег выбрались девочки.

— Ну кто так делает?! Куда тебя понесло, если толком плавать не умеешь? — ворчал мужчина с лодкой, прищелкивая языком и перепоручая приятеля Одзу. — Еще бы немного — и привет родителям.

— Угу!

Девочки подошли к распростертому на песке Хирамэ. Одзу покраснел как свекла и пробормотал:

— Извините!

— Хорошо, что так кончилось. — Голоса девочек, глядевших на постепенно приходившего в себя Хирамэ, все еще звенели от возбуждения. — Мы не знали, что делать. Он так молотил по воде! Ой! Мы же с тобой уже встречались! — удивленно воскликнули они.

— Ну да! — заморгал глазами Хирамэ. — Вы мне

тогда марлю дали.

— Ничего себе! У тебя все время какие-то проблемы.

Девочки беззаботно залились смехом. Их мокрые черные купальники четко обрисовывали округлые бугорки грудей.

Одзу набрался смелости и проговорил:

— Что-то вы последнее время не ездите на электричке.

— Как это — не ездим?

— Мы хотели поблагодарить вас за марлю, но больше там не видели.

— У нас в школе занятия сдвинулись, и мы садимся на электричку в другое время. А кроме того… — шутливо продолжила не Адзума (Одзу знал только ее фамилию), а ее подружка, — когда мы ехали в одном вагоне, от вас, надовцев, так пахло…

— Пахло?

— Ну да. И еще вы такие потные… Кошмар! Правда, Айко?

Айко Адзума чуть улыбнулась, но ничего не сказала.

— Это не от нас пахнет, — начал было Одзу и замолк. Ведь это от Хирамэ так пахло. «Прошу меня с ним не путать», — пробормотал он про себя.

— И почему вы говорите в электричке так громко и виснете на этих петлях, которые на поручнях? Вы же другим мешаете!

— Ничего такого мы не делаем, — запинаясь, вымолвил Одзу.

— А вот и врешь! Мы знаем, как вы вдвоем прятались за насыпью у Асиягавы. И потом проследили Айко до дома, шатались там туда-сюда.

— Не было этого!

— А еще украли бутылку молока!

Одзу сделался красный как рак и опустил глаза. Девочки смотрели на парней свысока, но они не имели ни малейшего представления о мужской психологии. Парни шумели в вагоне и следили за Айко только для того, чтобы привлечь их внимание. А у Одзу перед глазами все еще мелькала маленькая головка Хирамэ, который отчаянно греб в открытое море, хотя плавал еле-еле…

— Поплыли! — поторопила подружку Айко Адзума. Похоже, ей наскучил этот разговор.

— Хорошо. До свидания.

Девочки встали, отряхивая прилипший к белым ногам песок. Небо сверкало голубизной, с моря доносились голоса купающихся.

— Подождите! — Хирамэ сел и умоляющим голосом предложил: — Давайте мы вас угостим

амэю.

— Спасибо, не надо, — категорически отказались девочки. — Не хотим желудки себе портить.

Одзу и Хирамэ безропотно наблюдали за плескавшимися в море маленькими девичьими фигурками. Конечно, им хотелось бы еще поболтать с ними, однако Одзу с болью понимал, что Айко и ее подругу они совершенно не интересуют. Возможно, это были первые в его жизни муки любви. Но если это чувство называется любовью, то это странная любовь. Потому что у Одзу не было ни грамма ревности к Хирамэ, который сходил с ума по той же самой Айко. Скорее, он чувствовал своего рода родство с Хирамэ, разделяя с ним одни и те же радости и печали.

— Ладно. — Одзу непроизвольно издал то ли вдох, то ли вздох. — Ну ты и отколол номер, вон куда заплыл. — Там, где Хирамэ чуть не утонул, действительно было глубоко — не то что у берега — и волны большие. — А там совсем голову потерял.

— Угу!

— А девчонкам наплевать. Им до фонаря, что ты к ним туда поплыл.

Хирамэ, который лежал, уткнувшись лицом в песок, не ответил. К его тощей нескладной спине

прилипли песчинки. Спина была воплощением печали. Одзу остро, почти до боли, чувствовал это.

— Но мы, по крайней мере, узнали, как ее зовут. — Одзу попытался подбодрить Хирамэ. — Кое-чего добились. Айко Адзума. Чудное имя. — Он попробовал написать пальцем на песке ее имя. — Хотя из этого все равно ничего не выйдет.

— Это почему же?

— Потому что девчонки, стоит им только окончить школу, сразу выскакивают замуж. Найдут себе какого-нибудь индюка из Асия или Микагэ, а то и военного. Выпускницы Конан все такие. А нам, чтобы встать на ноги, сколько времени еще надо.

Положив подбородок на руки, Хирамэ молча слушал, что говорит приятель.

— Все… — грустно пробормотал он.

— Что, уходим?

— Не мы. Они вылезли из воды и пошли к переодевалке. Домой собираются.

— Что делать собираешься?

— Давай за ними.

— Они же разозлятся.

— Ничего, пойдем за ними.

Одзу понимал, что чувствовал Хирамэ. Прия-

тели знали, что девочки ими тяготятся, что они им не нравятся, и все равно не могли побороть желание пойти за ними.

Минут десять парни простояли за камышовыми кабинками, отбрасывавшими черные тени на белый песок. Сами они переоделись за несколько секунд.

У кабинок для переодевания росло несколько кустиков примулы. Над дынными корками, которые разбросал кто-то, вились мухи.

Показались Айко и ее подруга, одетые по-европейски, с сумочками в руках. Они скользнули взглядами по парням и сказали:

— Пока.

— Э-э… А вы куда?

— Домой, конечно.

— Мы с вами.

— Не надо! Надоело уже, нечего за нами ходить.

Дорога шла по берегу реки и была ярко освещена солнцем. Айко и ее подруга старались держаться в тени. В траве, которой поросло речное русло, звенели кузнечики.

Время перевалило за полдень; большие особняки, стоявшие вдоль реки, окружала тишина.

Одзу и Хирамэ охватывало отчаяние. Подруги

даже ни разу не обернулись, понятно, что идти за ними дальше — совершенно бессмысленно. Но от этого парни становились только упрямее. Вели себя как мальчишки, которые нарочно задирают интересных им девчонок.

Стоило подругам прибавить шагу, как Одзу и Хирамэ тоже сразу ускорялись. Шли медленнее — мальчишки тормозили следом. Расстояние между парами не менялось.

Особняки бросали черные тени на белую дорогу. Два работника устроились вздремнуть после обеда прямо под соснами, росшими по берегу реки.

— Вы отвяжетесь когда-нибудь? — Подруга Айко, видно, не выдержала и обернулась к преследователям.

Одзу и Хирамэ, остановившись, упорно молчали.

— Что вам от нас нужно?

— Ничего. Мы же ничего вам не делаем, — глухим голосом проговорил Хирамэ. — Чего вы злитесь-то?

— Мы на вас пожалуемся.

— Это кому же?

— В вашу школу!

— А нам все равно.

— Вы хулиганы!

— Чем мы хулиганы, интересно?

— Только хулиганы в наше время вот так гоняются за девочками.

Она повернулась к Айко и громко сказала:

— Бежим!

Девочки пустились бегом, Одзу и Хирамэ вприпрыжку за ними. Их сердца колотились в приятном возбуждении, как у гончих, пустившихся в погоню за зайцами.

— Эй! — крикнул Хирамэ на бегу. — Мы с вами просто поговорить хотим. Какое же это хулиганство? Почему бы нам не пообщаться? Мы вам ничего плохого не сделаем…

Подружки, ничего не отвечая, взбежали на мостик. Дом Айко находился на той стороне.

Вдруг на другом берегу из тени, отбрасываемой стеной особняка, отделилась фигура юноши в белоснежной военной форме. Он был в фуражке и с кортиком, пристегнутым к поясу.

Оду и Хирамэ с первого взгляда узнали белую форму кадета морской школы, поступить в которую у них шансов не было.

Юноша остановился и улыбнулся подбежавшим к нему школьницам. Они стали о чем-то разговаривать, как старые друзья. Девочки по-

смотрели на Одзу и Хирамэ — было видно, что они рассказывают о них своему знакомому.

«Что это? Что происходит?»

До парней не сразу дошло, в чем дело. Они не могли понять, откуда две школьницы знают лихого морского кадета.

Юноша в белой форме перевел взгляд на Одзу и Хирамэ. Взгляд его был суров. Глаза на дочерна загорелом лице смотрели пронзительно.

Одзу и Хирамэ так и застыли на месте, открыв рты. Им ничего не оставалось, как бесславно отступить и удалиться, словно побитым бродячим собакам.

Морской кадет в белой летней форме с кортиком на боку скрылся в погруженном в тень переулке. По обе руки от него шли Айко и ее подруга. Жара стояла страшная, цикады в саду одного из особняков трещали все громче.

— Кто этот тип? — Хирамэ сплюнул и присел на ствол сосны, росшей когда-то на берегу реки. — Он что думает, раз он кадет, ему можно так отбивать девчонок? Потому что сейчас военное время?

Одзу не доводилось видеть, чтобы Хирамэ так злился, и это его слегка рассмешило.

— Раз так… мы все в одинаковом положении.

— А вот и нет, — покачал головой Хирамэ. — Мы с тобой не военные, а он военный. Значит, он в другом положении.

— Может, он ее брат.

— Чей брат?

— *Ее!*

— Думаешь? — В глазах Хирамэ читалось облегчение. — Ну, если брат, что с ним сделаешь?

— Ты в самом деле… так втрескался в Айко?

— По самые уши. — Хирамэ было неловко признаваться, и он перевел взгляд на речное русло. — Услышу какую-нибудь модную песенку — сразу о ней начинаю думать.

— Брось ты это! Она о тебе даже думать не хочет. Сколько бы ты ее ни любил — все равно без толку.

— Есть! — Хирамэ резко поднялся. Выражение решимости на его лице поразило Одзу. — Я пойду в морскую кадетскую школу!

— Ты?! В кадеты?!

— Да, я! Стану таким же кадетом, как этот малый. Вот тогда-то она и задумается.

— О чем?

— Чтоб замуж выйти.

— За тебя, что ли?

— Ну да.

Одзу от изумления не знал, что сказать. Во-первых, он еще учился в школе, и женитьба казалась ему чем-то вроде сна — очень далеким. Он даже представить не мог, как Хирамэ будет жениться.

— Ты посмотри на себя, хилота! Куда тебе в кадетскую школу? Там медосмотр надо проходить. Да еще экзамены. Туда поступить не легче, чем в самую лучшую старшую школу.

— Буду бегать каждый день. Накачаюсь.

Что касается экзаменов, то Хирамэ, похоже, о них совершенно не задумывался.

Летние каникулы закончились, начался новый семестр, и Хирамэ снова появился в школе. Парень все так же моргал, от него по-прежнему несло потом, но выглядел загорелым и подтянутым. Он сообщил, что тренировался каждый день, устраивая пробежки по окрестностям. Слушая его рассказ, Одзу представлялась картина: на волнах подпрыгивает маленькая голова приятеля, отчаянно барахтающегося в воде. И он знал, что Хирамэ говорит правду.

— Сегодня я ей письмо отправил, объяснение в любви, — признался Хирамэ. — Написал, что постараюсь во что бы то ни стало поступить в морскую кадетскую школу.

Но ответа от Айко Хирамэ не получил. И на его

лице вновь поселилась печаль.

Сближение

Эйити любил подниматься на крышу клинического отделения и осматривать сверху ряды белых зданий больничного комплекса.

Сегодня после ланча он опять стоял на крыше один, опершись о перила, и смотрел вниз. Позади лечебных корпусов возвышалась большая труба, из которой поднимался белый дым. По площади, на которой были высажены деревья и цветы, проходили медсестры и врачи в белых халатах, а также пациенты, одетые в больничные халаты и теплые кимоно.

За лабораторным корпусом выстроились коричневатые здания университетского городка. На спортплощадке студенты перебрасывались мячом.

За десять лет, что прошли здесь, с тех пор как он поступил в медицинский университет, этот вид стал для Эйити привычным. Можно сказать, в этих стенах началась его жизнь и ему предстоит жить в них и дальше. Не будет большим преувеличением сказать, что миром Эйити была эта больница и здесь предстояло решиться всей

его судьбе.

— Я люблю больницу в вечерние часы, — как-то сказал ему Тахара. — Наступает вечер, и одно за другим начинают зажигаться окна. Больница становится похожа на огромный теплоход, плывущий по морю ночью. И за каждым из этих окон рождаются дети, умирают люди. Все они ведут бой с болезнью, злом, от которого страдает человечество. В такие минуты я всегда думаю, что врач — тот человек, который приходит на помощь этим людям.

В душе Эйити смеялся над сентиментальными сентенциями Тахары.

— У этой помощи есть пределы, — поддразнивал он Тахару. — Врач не может принимать слишком близко к сердцу страдания пациентов.

— Почему же?

— Чтобы поставить верный диагноз и назначить пациентам правильное лечение, врач не должен потонуть в своих подопечных. Бывают моменты, когда приходится быть бессердечным.

— Я знаю, но… — с грустью тихо проговорил Тахара. — В конечном счете врач все равно чувствует любовь к своим пациентам.

— Но врач не может полностью отдавать себя пациентам, ублажать их. Я бы даже сказал, это

правильно, если врач относится к пациентам, как часовщик к часам, которые он ремонтирует.

— Но пациенты же люди! — покачал головой Тахара. — Не часы. Пациент страдает не только от болезни. За этим стоит жизнь! И если мы не принимаем ее во внимание, мы лечим…

Сомнения Тахары раздражали Эйити:

— Врач не может брать на себя столько ответственности. Он не утешитель страждущих, не священник. Пациенты поступают в больницу, и меня кроме их болезней ничто другое не интересует. И если я стану думать об их жизни сверх того, у меня появятся сомнения относительно методов лечения… С этим невозможно справиться.

— Ты сильный, — с завистью ответил Тахара. — Мне никогда таким не стать.

Для Эйити не имело значения, сильный он или нет. В его глазах люди, подобные Тахаре, выглядели малодушными и излишне сентиментальными.

«В любом случае в этом мире я… — окидывая взглядом с крыши больничный комплекс, проговорил про себя Эйити, — когда-нибудь непременно сделаю карьеру. Обязательно. Любой ценой…»

Послеполуденное солнце расцветило оран-

жевыми пятнами сушившееся на крыше белое белье. Поднырнув под него, Эйити отворил тяжелую металлическую дверь, и на него пахнуло дезинфекцией, запахом которой пропитались все больничные корпуса.

Когда Эйити проходил мимо открытой двери кабинета медсестер, главная сестра, держа у уха телефонную трубку, повернулась к нему.

— Да, доктор Одзу здесь, — проговорила она в трубку.

— Одзу-сэнсэй! Это Утида-сэнсэй. Он хочет вас видеть прямо сейчас.

— Завотделением? Что ему понадобилось?

Эйити забеспокоился — вдруг начальник собрался сделать втык за какого-нибудь пациента — и через залитый солнцем двор поспешил в отделение. Утида был один, сидел на вращающемся стуле.

— А-а! — Завотделением бросил сигарету в мятую жестяную банку и встал. — Ты не сходишь в офтальмологию, в приемный кабинет?

— В офтальмологию?

— Ага. Дочка Старика заявилась на осмотр. Ей в глаз что-то попало: то ли металлические опилки, то ли что. Без предупреждения пришла. Я уже позвонил в офтальмологию Саэки, но… ты тоже

туда сходи, посмотри, чтобы все прошло гладко.

— Конечно. — Эйити кивнул и вышел из кабинета начальника.

— Может, потом ее надо будет домой отвезти.

— Дочку Старика?..

— Вдруг ей наложат на глаз повязку. Как она до дома доберется? Я собирался Тахару попросить, но он туповат в таких делах. Лучше тебе, если сейчас с пациентами ничего серьезного нет.

— Да нет… Вроде все в порядке.

Шагая по коридору, Эйити вспоминал лицо девушки, с которой ходил в универмаг покупать чемодан для профессора Ии, собиравшегося в Америку. Она сказала, что всего два года как окончила университет. Покончив с делом, они зашли в кафе выпить чая, и дочь профессора Ии рассказывала Эйити о Швейцарии, куда она ездила во время учения. С шутливым выражением на лице она беззаботно поведала ему, что больше всего на свете любит лыжи и джаз.

Подойдя к приемному кабинету, Эйити застегнул халат на все пуговицы и мягко отворил дверь. Из-за ширмы до него донеслись голоса доктора Саэки и молодой женщины.

— Полагаю, глазное яблоко не повреждено, но на всякий случай я назначу вам лекарство. У вас

нет аллергии?

— Нет.

— Не снимайте повязку какое-то время, хорошо? И вечером постарайтесь не смотреть телевизор…

С этими словами доктор Саэки поднялся и сказал сестре, какое лекарство надо подготовить. Молодая женщина поблагодарила его и, выходя из кабинета вместе с сестрой, увидела стоявшего за ширмой Эйити.

— О-о!

— Вот зашел на вас посмотреть. — Эйити с улыбкой обратился к Саэки: — Моя фамилия Одзу. Из второй хирургии. Завотделением просил заглянуть к вам.

— Очень любезно с вашей стороны, — с легким сарказмом проговорил Саэки. В коридоре Эйити сказал вышедшей вместе с ними сестре:

— Спасибо. Дальше я займусь этим делом.

— Но лекарство…

— Я сам разберусь с рецептом. В противном случае дочери профессора придется дожидаться в аптеке…

Он снял трубку телефона, висевшего на стене в коридоре, и, позвонив в больничную аптеку, попросил поскорее приготовить выписанное

лекарство. Эйити был дельный малый в делах такого рода.

— Не хотите ли заглянуть в офис вашего отца? Там сейчас никого нет — профессор Ии уехал в Министерство здравоохранения…

— Я лучше прямо домой. — Девушка слегка наклонила голову набок, неловко поправляя повязку на глазу.

— Хорошо. Тогда я пойду за лекарством. Какими иероглифами пишется ваше имя?

Удостоверившись в написании имени Ёсико, Эйити поспешил в аптеку.

«Я не должен упускать ни одного шанса, — говорил он себе. — Утида попросил меня доставить ее домой, потому что она дочь Старика. Но я должен использовать эту возможность, чтобы выдвинуться».

— Тут доза на три дня. — Вернувшись в пустой коридор, где его дожидалась Ёсико Ии, Эйити протянул ей пакетик с лекарством. — Это глазные капли, а это принимать внутрь.

— Все так серьезно?

— Вовсе нет, — рассмеявшись, покачал головой Эйити. — Будь я на месте вашего врача, я вообще никаких лекарств вам бы не прописывал. Сегодня важно поберечь глаз. Телевизор исключается.

Саэки-сэнсэй тоже вам об этом говорил…

— Ну надо же! — хихикнула Ёсико. — А я как раз вечером хотела одну передачу посмотреть…

— Какую?

— Будут передавать Сэмми Мерси. Как он играет на трубе! Я просто с ума схожу.

— Вы можете не смотреть, а только слушать, — сказал Эйити и, не теряя минуты, предложил: — Или я подарю вам его пластинку.

— О-о! — Девушка посмотрела на него с удивлением. — Но как же…

— Не отказывайтесь. Пойдемте прямо сейчас и купим. Я сегодня свободен.

Эйити по личному опыту знал, что лучший способ зацепить женщину — не дать ей времени на раздумье. Если бы он сказал ей что-то вроде: «Давайте я провожу вас домой», Ёсико наверняка восприняла бы это как обыкновенный подхалимаж со стороны ученика ее родителя.

Эйити пошел впереди. Из одного из кабинетов появилась медсестра, Эйити знал ее в лицо. Увидев его вместе с девушкой, она замерла, молча поклонилась и хотела уже идти дальше по своим делам, но Эйити окликнул ее:

— Подождите! — Он снял халат. — Можно вас попросить: занесите мой халат в сестринскую, во

второй корпус.

— Конечно.

— И передайте старшей сестре, что меня сегодня больше не будет.

Сестра кивнула и отправилась выполнять поручение. А Эйити тут же думать забыл о своих пациентах.

У входа в больницу они взяли такси и отправились в Синдзюку[20].

— Ваш отец в самом деле удивительный человек. — Эйити посмотрел на Ёсико, сидевшую рядом, плотно сжав колени. — Нашей молодежи за ним не угнаться. Он не только проводит осмотр пациентов и делает операции. У него еще лекции и конференции каждый день. И за все эти дела он берется с такой энергией!..

Эйити прикинул, что любой дочери понравится, когда хвалят ее отца. Вечером Ёсико, вероятно, передаст отцу, как он о нем отзывался. Так что надо взвешивать каждое слово.

— Я называю вашего отца суперменом.

— Ну уж вы скажете! — Ёсико, глядевшая в окно машины, громко рассмеялась. — Он вечно занят. Мама всегда на него жалуется. Она говорит, что

---

[20] Примечания: 20
Фешенебельный район Токио.

он минуты не может посидеть спокойно.

— И дома он тоже такой?

— В том-то и дело! Он терпеть не может сидеть без дела. Даже по воскресеньям он вызывает кого-нибудь из клинического отделения, чтобы поиграть в гольф или теннис. А в его возрасте…

— Да? — Эйити почувствовал легкое беспокойство. — И с кем же из нашего отделения он играет?

— А вы не знаете? — простодушно поинтересовалась Ёсико, прикоснувшись пальцами к повязке. — В гольф — с доктором Утидой или доктором Кандой, а в теннисе его партнеры Ёсикава-сан или Курихара-сан.

Утида, Канда и Ёсикава считались авторитетными людьми в клиническом отделении. Они были намного старше Эйити, намного раньше окончили университет. Так что с ними понятно. Но Курихара…

«Неужели этот тип вхож в дом Старика?»

Курихара пришел в клиническое отделение годом раньше Эйити. Его отец был президентом крупной фармацевтической компании. Как доводилось слышать Эйити, года два назад Курихара-старший попал к ним в больницу с язвой желудка, и профессор Ии целиком взял важного

пациента на себя — лично провел обследование и прооперировал его.

— Курихара-сан часто у вас бывает?

Такси пробиралось к Синдзюку по запруженным транспортом улицам, время от времени останавливаясь на светофорах. Думая о Курихаре, Эйити представил флегматичное лицо буржуйского сынка, и его рот скривился, когда он спросил о нем.

— Да. Он очень хорошо катается на лыжах и обещал как-нибудь взять меня с собой.

— Здорово!

Эйити сказал «здорово», но ему стоило большого труда скрыть свою досаду.

«В отделении много молодых работает, — сказал про себя Эйити. — Но если Старик пускает в свой дом Курихару… может, он видит в нем женишка для своей дочки?»

Эйити помрачнел и какое-то время молчал. Если у тебя за спиной стоит папаша, ты всегда в выгодном положении. А мне, думал он, мой папаша-неудачник ни на грош ничем не помог. Вот и приходится пробиваться самому.

— Вы играли в теннис с Курихарой?

— Ну да.

Эйити представил Ёсико и Курихару в белых

спортивных костюмах с ракетками в руках.

Они вышли из такси в Синдзюку. В отделе пластинок книжного магазина К. купили тот самый диск.

Но теперь Эйити, пребывавший совсем недавно в приподнятом настроении, страдал от уязвленного самолюбия. Оказывается, кроме мелких сошек вроде него, в клиническом отделении были люди, которые могли свободно общаться с профессором Ии и его семьей. И вполне может статься, что когда-нибудь среди этих людей сложится группа, которая возьмет под контроль судьбу Эйити и всех, кто ниже них.

Эйити сидел напротив Ёсико в кафе в большом книжном магазине и улыбался одним лицом.

— Значит, тебе нравится труба?

— Еще как! Будь я мужчиной, я бы обязательно этим занялась.

Напротив Эйити и Ёсико так же сидели за столиками с кофе и соком мужчины и женщины и о чем-то шептались.

— А на концерты вы ходите?

— Редко. Потому что дома меня пилить начинают, если я поздно прихожу.

— С Курихарой ходите? — с безразличным видом поинтересовался Эйити, поднося чашку с

кофе к губам.

— Да, он раза два меня водил. Но ему больше нравится классическая музыка. Он пластинки собирает. У него классная коллекция.

Стараясь преодолеть охватившие его недовольство и досаду, Эйити быстро вычислял в голове, как действовать дальше. Самое правильное было бы стать одним из тех, для кого открыт дом профессора Ии, думал он. Еще один вариант — убрать с пути Курихару и самому завоевать эту девушку. Но излишне торопиться сейчас нельзя.

— Сколько еще мне носить эту ужасную повязку? — вдруг спросила она.

— Пока не пройдет воспаление, если оно есть. Но как сказал доктор Саэки, глаз не поврежден, так что, думаю, через пару дней можно будет снять. Но перед этим позвоните ему.

— Слава богу! В следующую субботу у меня смотрины. — Ёсико проговорила эти слова как маленькая девочка и рассмеялась как ребенок. — Я должна встретиться с женихом. Его подружка приведет. Как вы думаете: надо мне с ним встречаться, хотя я с самого начала решила ему отказать?

— Ёсико-сан! — Эйити впервые назвал дочь своего шефа по имени. — Наверное, у вас есть

кто-то другой, кто вам нравится?

— Вот уж нет. Начнем с того, что я страшная эгоистка.

Кафе стало заполняться людьми, поэтому они решили уйти. Эйити предложил Ёсико проводить ее до дома, но та покачала головой: у нее еще есть дела, и потом она сама доберется на такси.

Расставшись с девушкой, Эйити с сожалением подумал, что за прошедший день большого впечатления на Ёсико он не произвел, следа в ее душе не оставил. Он потратил драгоценное время в такси и кафе на избитые, банальные разговоры. И упустил представившуюся ему редкую возможность.

«А раз так, — сказал он себе, — ты будешь таким же жалким балластом, как Тахара…»

Прошло три-четыре дня золотой осени. Клиническое отделение прожило их тихо и однообразно. Не было ни серьезных операций, ни резких изменений в состоянии пациентов.

Однако в душе Эйити начали происходить изменения. Его стало раздражать присутствие Курихары, которого до сих пор он почти не замечал.

В глазах Эйити и его молодых коллег Курихара ничем особенным в отделении не выделялся.

Снисходительное выражение на лице выдавало в нем сына почтенных родителей. Он был в хороших отношениях со всеми, мягок в обращении, улыбчив и в то же время не имел ничего примечательного, привлекающего внимание. Эйити не помнил, чтобы Курихара хоть раз высказал что-то оригинальное на научной конференции или собрании в клиническом отделении. Люди его сорта, поработав немного в университетской клинике, обычно шли по стопам своих отцов и получали место директора больницы или частной клиники. А раз у Курихары за спиной стояла крупная фармацевтическая фирма, Эйити и его коллеги полагали, что в будущем он переберется туда.

После встречи с Ёсико этот папенькин сынок стал раздражать Эйити. У него было предчувствие, что Курихара, хотя тот об этом даже не подозревал, станет одним из препятствий на пути его карьеры.

«Ну, погоди у меня! — бормотал про себя Эйити всякий раз, когда Курихара попадался ему на глаза в отделении или кабинете сестер. — Если ты знаком с дочкой профессора, это еще не значит, что станешь здесь крупной фигурой…»

Но избавиться от беспокойства в душе, лишь

повторяя эти слова, не получалось, и неприятный осадок не проходил.

Казалось, золотая осень будет и дальше протекать тихо и спокойно, но ее плавное течение было прервано непредвиденным событием.

Утром, когда Эйити направлялся в кабинет медсестер, старшая сестра, запинаясь, окликнула его в коридоре:

— Э-э… Одзу-сэнсэй! Тут такое дело… Пациент Тахары-сэнсэя…

— Тот пожилой?

— Ну да. Мне сказали сменить ему лекарство. Вместо бетиона, которым его лечили, давать этамбутол.

— Сменить лекарство? Кто вам это сказал?

— Тахара-сэнсэй. Но ведь я помню: Ии-сэнсэй распорядился давать бетион. Как вы думаете, он согласился, чтобы поменяли лекарство?

Эйити молчал.

— А вдруг нет? Тогда мне потом дадут нагоняй.

— Хорошо. Я разберусь. А пока не говорите, пожалуйста, об этом другим докторам.

Он живо представил картину: Старик, совершающий обход отделения, и вступивший с ним в спор Тахара.

«Идиот!.. Зачем такие глупости делать?..»

Тахары в отделении не оказалось. Эйити пошел его искать и заглянул в библиотеку. Тахара устроился в уголке, уткнувшись носом в книгу.

— Эй!

Эйити потащил своего непрезентабельно выглядевшего приятеля на темную лестницу.

— В чем дело?

На груди Тахары поверх несвежей сорочки криво висел галстук.

— Это ты распорядился давать этамбутол?

— Да, я.

Кивнув, Тахара посмотрел на Эйити так, будто изучал его.

— У завотделением разрешение получил?

— Не получил.

— А тебе не кажется, что лучше было бы получить? — скромно предложил Эйити.

— Но за этого пациента, — с нехарактерной для него твердостью тряхнул головой Тахара, — отвечаю я. Поэтому сам решил, какое давать лекарство.

— Старик и Утида узнают, не поймут.

— И не надо. Бетион не приносит никакой пользы моему пациенту…

— Не в этом дело.

— Нет, именно в этом!

Тахара пошарил в кармане сигареты, но там их не оказалось. Эйити протянул ему только что купленную пачку «Peace»[21] и, чиркнув зажигалкой, дал ему прикурить.

— Послушай… я обыкновенный врач. Мне тяжело пичкать больного лекарством, от которого нет никакого толку. Даже если его выписал Старик…

— Но что будет, когда Старик и шеф узнают?

— Я готов, — грустно усмехнулся Тахара. — С того дня я многое передумал. Хотя будет преувеличением сказать, что я этим переболел.

— Ты не можешь принимать решения один. Мы рядовые сотрудники второго хирургического отделения.

— Поэтому я должен был сказать профессору, что бетион не помогает. Перед всеми.

— Знаю.

— Но все молчали. И не просто молчали. Я от Утиды еще втык получил.

Глядя на тлеющий кончик сигареты, Тахара тихо проговорил, обращаясь скорее к самому себе, чем к Эйити:

— Потому-то у меня не оставалось другого пути.

---

[21] Примечания: 21
Марка японских сигарет.

— Ты должен отыграть назад.

— Нет! Я все решил.

— Да? Раз так, то я больше не вмешиваюсь. Мы с тобой вместе пришли в отделение, вместе работаем над докладом, поэтому я и волнуюсь. Но если ты так решил, я умываю руки.

— Тебя это никак не касается. Это только моя проблема.

С этими словами Тахара бросил на пол окурок, раздавил его нечищеным ботинком. И его сутулая фигура скрылась в читальной комнате.

Эйити покинул библиотеку в раздумьях: ничего никому не говорить или сообщить заведующему отделением. Если все ему рассказать — получится, что он выдал Тахару. Промолчать — могут обвинить в том, что знал, но не сказал. То есть молчаливо одобрял.

«Я не хочу иметь неприятности из-за этого дела».

Эйити вернулся в больничный корпус. Погруженный в свои мысли, он кивнул рабочим, занимавшимся уборкой и дезинфекцией здания.

«Вот что надо сделать!»

Ему пришла в голову идея. Точно!.. Надо посоветоваться с Курихарой. Возложить ответственность на этого тюфяка.

Это будет его маленькая месть Курихаре. «Как бы там ни было, Курихара мой сэмпай[22], — думал Эйити. — Мне захотелось услышать совет старшего товарища. Ничего странного».

Время ближе к полудню — самое оживленное в больнице. В коридоре отделения приема амбулаторных больных пациенты, сбившись, как стадо овец, дожидаются, пока их вызовут по имени. На руках у матери плачет младенец, снуют неугомонные сестры. Картины, которые Эйити наблюдает каждый день.

— Когда кончает прием доктор Курихара? — поинтересовался он у амбулаторной сестры.

— У него еще два пациента.

— Не могли бы вы ему сказать, что я жду его в холле?

Попыхивая сигаретой в коридоре, Эйити отсутствующим взглядом посматривал на пациентов. Мужчина средних лет терпеливо дожидался своей очереди за чтением журнала или газеты; парень с повязкой на шее был погружен в какие-то тревожные мысли.

— Извините.

Эйити обернулся на голос. На него с улыбкой

---

[22] Примечания: 22
Старший товарищ, старший по курсу.

смотрела элегантная женщина, одетая в кимоно.

— Это кабинет дохирургического обследования?

— Точно так.

— Большое спасибо, — вежливо поблагодарила женщина, устроилась в уголке пустого дивана и закрыла глаза. У нее был страшно усталый вид и неважный цвет лица.

Эйити ждал минут пятнадцать, пока открылась дверь кабинета и на пороге возникла полноватая фигура Курихары.

— У тебя ко мне дело?

— Да, — смиренно кивнул Эйити. — Я хотел попросить твоего совета. Ты ведь сейчас в отделение пойдешь?

— Да, собираюсь.

— Тогда давай по дороге поговорим. — Эйити понизил голос, шагая рядом с Курихарой. — Дело касается Тахары.

И он рассказал Курихаре, что произошло.

— Тахара только головой трясет. Уж не знаю, чего делать…

— Но… — Курихара остановился. Узкие глазки на его пухлом лице моргнули и уставились на Эйити. — Зачем ты мне это рассказываешь? Наверное, надо было обратиться к Утиде-сан.

Было видно, что Курихара в замешательстве. Он не мог сообразить, зачем Эйити, с которым его до сих пор ничто не связывало, понадобился его совет.

— Если я скажу заву, Тахара просто выговором не отделается. — Эйити сделал печальное лицо. — Мы же с ним на одном курсе учились… А сейчас вместе готовим отчет, поэтому хотелось бы как-то потихоньку все уладить.

— Но это же все равно выйдет наружу. Даже не знаю, что сказать. Ведь, если он уперся, как ты сказал, видимо, от своего не откажется, даже если я стану уговаривать.

— Наверное. Я надеялся, ты придумаешь что-нибудь, как старший товарищ…

— Я ничего не могу сделать.

— Может, замолвишь словечко перед профессором Ии?

— Почему я?

— Ну, я слышал, ты часто бываешь в его доме… — потупившись, хрипло выдавил из себя Эйити.

Для него не осталась незамеченной довольная улыбка, расплывшаяся при этих словах по щекам добродушного Курихары.

— Откуда ты знаешь?

— Собственно говоря, дочь профессора сказала об этом на днях, когда была здесь на осмотре. Она с такой радостью говорила, что ты собираешься взять ее кататься на лыжах.

— Профессор очень много сделал для моего отца… Но даже если я ему что-то скажу, не думаю, что из этого выйдет толк. Старик такой человек.

— И все-таки, может, попробуешь? Я в самом деле не знаю, как поступить. Долго думал и решил, что ничего не остается, как обратиться к тебе.

Не вынимая руку из кармана халата, Курихара посоветовал не возлагать на него особых надежд. Эйити поклонился, и они разошлись.

«Здорово я это провернул…»

По пути во второй корпус Эйити оценивал про себя результаты состоявшегося разговора.

Теперь у Курихары есть лишь две линии поведения. Либо молчать, либо сообщить завотделением. Если промолчит, встанет вопрос, что он, как сэмпай Эйити, обо всем знал и молчаливо одобрял. А спросят у Эйити — он всегда сможет оправдаться: мол, я сообщил Курихаре.

С другой стороны, если Курихара расскажет обо всем Утиде, информация достигнет ушей профессора Ии, и Тахара получит по заслугам. Тогда те, кто сочувствует несчастному Тахаре, будут

осуждать Курихару за донос. В любом случае в такой ситуации больше всех пострадает именно он. Однако этот добродушный мальчик ни о чем не подозревает.

«Какой я все-таки нехороший человек… — иронизировал про себя Эйити с легкой усмешкой на губах. — Но мой папаша не президент компании, как у Курихары. Мой папаша неудачник. Как еще я могу выдвинуться?»

После обеда Эйити обошел своих пациентов, убедившись, что с ними все в порядке. Во время обхода это был верный своему долгу доктор, лечащий врач, на которого пациенты могли положиться во всем.

— Доктор, когда я поправлюсь, я хотел бы, чтобы вы обязательно приехали отдохнуть ко мне на дачу в Ито, — говорил Эйити после осмотра больной раком старик, не сводивший глаз со своей дочери. — И еще прошу вас непременно наведаться в нашу фирму, посмотреть клинику.

— Отлично! Тогда и поговорим, — рассмеялся Эйити. — А пока давайте поправляться, чем быстрее, тем лучше.

Хотя Эйити знал лучше всех, что этому больному недолго осталось.

Вернувшись в клиническое отделение, он не

застал там ни Утиду, ни Курихару. Место Тахары тоже пустовало. Остальные сотрудники со скучными лицами занимались своими делами. Все молчали, но, похоже, были в курсе того, что сделал Тахара.

Через некоторое время появился завотделением. Поглядев на Эйити, он состроил кислую мину и покачал головой.

По этому движению Эйити понял, что дело приобрело наихудший оборот. И Тахару, вероятно, запихают теперь на периферию, в какую-нибудь маленькую лечебницу для престарелых или больницу.

У Эйити было ночное дежурство.

Обязанность дежурного врача, если в состоянии больных не происходит резких изменений, — обходить палаты вместе с ночной сестрой после того, как в девять часов в отделении выключали свет.

— У вас все в порядке?

Лица пациентов плясали в голубом луче фонарика, который держала сестра. В некоторых палатах еще работал телевизор.

— Быстренько ложимся и засыпаем.

— Не могу заснуть. Дайте, пожалуйста, снотворную таблетку.

Послушав, как пациенты обмениваются репликами с сестрой, Эйити вернулся в кабинет дежурного врача. Там стояла такая же кровать, как в больничных палатах, и простой шкафчик для одежды. И все.

Вымыв руки, Эйити открыл сумку, сделал глоток виски из плоской бутылочки и начал читать книгу.

В дверь постучали.

— Кто там? — насторожился он.

— Тахара.

Эйити открыл дверь. Перед ним стоял Тахара. Вид у него был усталый.

— Ты где был? Я уж подумал, у тебя с пациентом что-то случилось.

— Извини.

— Что ты хочешь сказать?

— Извини, что с утра своими проблемами тебе голову заморочил. Все это время я беседовал с шефом на разные темы.

— И что? — Эйити плеснул виски в стоявший на умывальнике стакан и предложил Тахаре:

— Выпей. А я из бутылки… Ну и что он тебе сказал?

— Я увольняюсь, — безжизненным голосом сообщил Тахара.

— Увольняешься?!

— Утида сказал, что есть вакансия в частной клинике в префектуре Фукусима и почему бы мне там не попробовать. Он утешал меня тем, что в провинции я наберусь опыта, а потом, когда вернусь сюда, мне это пригодится… Короче, меня выбрасывают за ненадобностью. Как я и думал.

— И что ты ему ответил?

— Согласился. Что я мог еще сказать? Они же уже все решили.

Какое-то время они молчали. Приложившись к бутылочке, Эйити проговорил:

— Прямо не знаю, что сказать.

— Не переживай. Не послушав твоего совета, я подумал, что должен сам разобраться с этим делом. Но я, конечно, тебя подвел с нашим докладом. Извини.

— Не бери в голову…

— Но я все равно ни о чем не жалею, — пробормотал Тахара, опрокидывая в рот виски. — Мне было бы еще тяжелее, если бы я продолжал давать пациенту бетион.

— Каждый живет по-своему.

— Согласен. — Тахара кивнул. — В Фукусиме я хочу работать для своих пациентов. Во имя этого я готов потратить жизнь. Мне это больше

подходит, чем быть врачом для самого себя.

— Врач для самого себя? Хм-м. — Эйити слегка скривил губы. — Ну что же, тогда жми, не сдавайся.

Выпуск

Теперь, когда прошло много лет, Одзу смутно, за одним исключением, помнил, что происходило между ним с приятелем и Айко Адзумой с конца летних каникул до Нового года.

А запомнил он второе письмо с признанием в любви, написанное Хирамэ. Впрочем, нет. Строго говоря, Хирамэ написал его сам не целиком. Часть он содрал из приложения к женскому журналу, который читала его сестра. Приложение называлось «Как писать письма». Еще надергал слов из популярных песен. А Одзу прочитал и поправил что получилось.

«Была бы Луна зеркалом — в ней я хотел бы видеть отражение твоего лица». Этот пассаж он позаимствовал из песни «Если бы Луна была зеркалом».

«Я пишу это письмо вечером, когда кончился дождь. В саду тихо, воздух пропитан запахом листьев, и мои мысли почему-то обращаются к тебе». Эти напыщенные фразы Хирамэ стянул из журнального приложения.

Подумать только: письмо начиналось с оборо-

тов «Почтительно приветствую» и «Извините, что сразу перехожу к делу», а кончалось «Преданный Вам». Хирамэ откуда-то их списал, и в то время до нас не доходило, как смешно и нелепо выглядит «Почтительно приветствую» в письме с признанием в любви.

На переменах, когда в классе никого не было, Хирамэ несколько раз переписывал свое письмо начисто, пока не добился устраивающего его результата, и потом пошел вместе с Одзу опускать его в почтовый ящик.

Конверт, на котором Хирамэ, как курица лапой, написал: «Префектура Хёго, уезд Муко, поселение Асия, Айко Адзуме», со стуком провалился в ящик. Приятели с облегчением вздохнули.

— Интересно, станет она его читать?

— Конечно, станет.

— Даже если не станет, не выбросит же?

— Думаю, не выбросит.

Но на всякий случай Хирамэ погладил почтовый ящик. Наверное, так ему было спокойнее.

После этого дня Одзу стал торопиться в школу.

— Ну что? Получил ответ?

— Пока нет.

— Мы отправили позавчера. Значит, должна получить сегодня. Еще день ей надо, чтобы про-

читать и написать ответ. Так что еще пару дней подождать придется.

Но прошло пять дней, потом шесть. Как и в первый раз, ответа от Айко Адзумы Хирамэ не получил. Каждое утро, увидев Одзу, он только качал головой и моргал.

Что касается Одзу, то он, как ему было свойственно, испытывал одновременно и боль и облегчение. Если бы Айко Адзума откликнулась на послание Хирамэ, Одзу было бы горько.

«Я не получил от тебя ответа. Если тебе трудно отправить мне письмо, в следующий понедельник к пяти часам повесь, пожалуйста, белую тряпку на сосну возле статуи Дзидзо[23] на берегу Асиягавы. Если тряпка появится — значит, твой ответ да».

Примерно такими словами — только еще корявее — Хирамэ написал Айко Адзуме еще одно послание.

В понедельник вечером приятели сошли с электрички на остановке у Асиягавы и пустились бегом по берегу к сосне, о которой писал Хирамэ.

На дереве ничего не висело. Ни белой тряпки, ни даже половой, вообще ничего.

---

[23] Примечания: 23

Одно из наиболее популярных японских буддийских божеств.

Когда они перешли в десятый класс, классный руководитель раздал ученикам по листу бумаги, попросив написать названия учебных заведений, где они хотели бы учиться дальше.

В классах А и В справились с этим заданием быстро — там все уже давно решили, в какие школы они будут поступать. Но Одзу и его одноклассники долго ломали голову над этим вопросом.

В то время среди «неберущихся» старших школ на первом месте были 1-я школа в Токио и 3-я школа в Киото. За ними следовали 2-я в Сэндае, 6-я в Окаяме и 5-я в Кумамото. Понятно, что для тех, кто учился в классе С, эти школы были не по зубам. Делать было нечего, и Одзу записал на первом месте старшую школу в Химэдзи и еще частный колледж Р.

На следующий день стало ясно, что вся учительская знает о сделанном учениками выборе. На первом уроке Светотень с вечно строгим видом заявил:

— Кхм… В отличие от класса А вы все оказались очень скромными в своем выборе. Действительно, лучше синица в руке, чем журавль в небе. Какая бы ни была школа, каждый сможет стать выдающейся личностью, если приложит

старание. И английский художник Тернер… — Светотень, как всегда, попытался воодушевить учеников примером своего любимого Тернера.

Но Фугу-сэнсэй был явно озадачен, когда, стоя за кафедрой, спросил Хирамэ:

— Ты написал, что хочешь поступить только в морскую кадетскую школу. Ты это серьезно?

— Да.

— Но послушай. Туда попасть так же трудно, как в самые лучшие школы. Если хотя бы треть выпускников класса А туда поступит, уже будет хорошо. Мне кажется, у тебя ничего не получится.

Хирамэ пробормотал что-то в ответ так тихо, что никто его не услышал.

— Что ты сказал?

— Я сказал: «У кого есть воля — тот своего добьется».

Весь класс громко рассмеялся. Не смеялись только Одзу, который знал, что у Хирамэ на сердце, и Фугу-сэнсэй.

— «У кого есть воля — тот своего добьется». Но у тебя же нет воли. Такие слова говорят люди, способные прилагать усилия.

— Да.

— Почему бы тебе не попробовать что-нибудь

полегче, как все?

Хирамэ надулся и молчал.

— Ну что же, в конце концов, это твое дело… — вздохнул Фугу-сэнсэй.

Во время перемены Хирамэ сказал Одзу:

— Знаешь, я не только из-за нее собрался в морскую школу. Я тебе говорил, что дядя обещал оплатить мою учебу, а я не хочу от него милости. А в морской школе деньги не берут.

Одзу изначально знал, каков будет результат. Скорее всего, девяносто девять процентов было за то, что Хирамэ провалится на экзаменах.

Но бывают же всякие чудеса. Например, у экзаменатора в морской кадетской школе окажется плохое зрение, и вместо двадцати баллов он засчитает восемьдесят. Или ответы, которые Хирамэ отметит наобум в экзаменационных листах, вдруг по случайности окажутся правильными. Оставалось надеяться только на один процент везения или чуда.

— А медосмотр ты пройдешь?

— Со зрением у меня нормально.

— Одного зрения мало. Надо еще вес прибавить.

— Знаю. Я каждый день по пять чашек риса съедаю.

Экзамены в морскую кадетскую школу проходили в два тура. Первый тур испытаний проводился в августе в экзаменационных центрах по префектурам. Это была проверка физической годности, строгая система отсева, при которой претендентам со слабым зрением или болезнями, с недостаточным весом и ростом указывали на дверь.

Тем, кто проходил через это сито, в декабре устраивали проверку уровня школьной подготовки. Тестирование включало знание английских букв и цифр, классической литературы, физики, химии и целого ряда других предметов, так что экзаменуемые должны были иметь представление о большем количестве дисциплин, чем их товарищи, сдававшие экзамены в старшую школу.

Хирамэ, такому задохлику, удалось немного нарастить мясо. Наверное, усиленное питание помогло. Впрочем, надо признать, что на фоне кандидатов в морские кадеты из класса А его субтильное тело все равно заметно проигрывало. Одзу закрыл глаза и попытался представить Хирамэ в щеголеватой форме и фуражке морского кадета с кортиком на поясе. Но сколько ни старался, ничего не получалось…

Наконец наступил август. Год пролетел с того дня в разгар летних каникул, когда Хирамэ чуть не утонул на пляже в Асия.

Утро выдалось такое же жаркое, как год назад. Солнце светило нещадно. Одзу решил проводить своего приятеля до префектуральной средней школы, где был устроен экзаменационный центр.

Может, потому что время было военное или многие захотели просто попробовать свои силы, но число желающих держать экзамены, валом валивших через школьные ворота, оказалось так велико, что у Одзу перестали слушаться ноги. Парни со всего Кобэ, одетые в форму цвета хаки, выстроились в ряд и шагали в ногу в направлении стадиона. Даже «ашники» из школы Нада смешались в кучу и испуганно наблюдали за этим грозным шествием.

«Нет, Хирамэ ни за что не поступит».

В глазах Одзу любой из пришедших на экзамены выглядел куда способнее его приятеля и телосложением гораздо больше отвечал требованиям, предъявляемым к будущим морским кадетам.

— Слышь! — Одзу напрягал все умственные способности, чтобы как-то помочь другу. — Ты

смотри, не ходи там в туалет.

— Это еще почему? Я как раз отлить хотел.

— Дубина! У тебя же вес уменьшится, если отольешь!

— Серьезно? — Хирамэ радостно кивнул. — Погоди здесь!

— Ты куда?

— Ты дал мне классную идею. Сейчас залью еще водички.

Лавируя между собравшимися в школьном дворе парнями, Хирамэ подбежал к фонтанчику с питьевой водой и вытащил ремень из штанов.

— Ой-й! Не могу больше. Сейчас живот лопнет. — Он вернулся с капельками воды на губах.

Прозвенел тягучий звонок. Собравшиеся на залитом солнцем стадионе выстроились в очередь, видавшее виды деревянное здание школы стало поглощать их одного за другим.

— Когда будут проверять объем легких, глубоко вдохни и не выпускай воздух.

— Да понял я! — Беспрерывно моргая, Хирамэ пристроился в конец очереди и скрылся внутри здания.

Жара утром стояла невыносимая. В ветвях сакуры, посаженной на углу школьного здания, надрывались цикады. Укрывшись в тени дере-

ва, товарищи экзаменуемых терпеливо ждали результатов. Как ни странно, из обветшавшего деревянного строения не доносилось ни звука.

Примерно через полчаса в дверях школы показались пять-шесть человек. За ними вышли еще двое или трое. На физиономиях у всех было смущение.

Один парень, заметив поджидавшего его приятеля, бросился к нему:

— Все! Срезался!

— Из-за чего?

— Глаза. Из-за зрения.

— То есть, раз ты по зрению не прошел, экзамены сдавать не разрешат?

— Сказали: можешь идти домой.

Похоже, эта парочка не очень-то и расстроилась. Вот если бы парень срезался на экзамене по какому-нибудь предмету, это был бы позор, а его не пропустили из-за близорукости. Это не так обидно. Ну сходил человек на медосмотр в морскую кадетскую школу, ну не прошел. Что ж тут такого?

По близорукости отсеялось человек двадцать, после чего на какое-то время наступила тишина. Голоса цикад, засевших в стволе сакуры, звучали все громче.

«Интересно, что с ним там сейчас делают?»

Одзу представил, как его тщедушный приятель стоит перед врачами голый и моргает, а они меряют ему рост, ставят на весы. Может, в эту самую минуту они как раз говорят ему, как до этого заявили парням, у которых нашли близорукость: «Можешь идти домой».

Но выходили все новые неудачники, а Хирамэ среди них не было.

«А вдруг… — Сердце Одзу заколотилось, точно это ему приходится держать экзамен на физическую готовность, — вдруг он как-то ухитрился обвести врачей вокруг пальца…»

Близился полдень. Вдруг из разных дверей школы повалил народ. Больше половины пришедших в тот день на медкомиссию были забракованы. Тем, кому удалось преодолеть это препятствие, на следующий день предстояло пройти полное обследование у терапевта.

— Тогда я пойду в школу управления.

— Там медкомиссия не такая строгая.

Среди подобных самоуничижительных реплик Одзу уловил такой разговор:

— А тот парень бзикнутый, скажи?

— Да уж! Это который обоссался? От мандража, наверное.

— И чем дело кончилось?

— Не знаю. Я только видел, как его начальник медкомиссии крыл.

«Хирамэ… — сразу понял Одзу. — Точно! Это Хирамэ!»

Медкомиссия в основном закончилась, и все вереницей потянулись со школьного двора. Глядя на тех, кто выходил в ворота с радостно выпяченной грудью, безошибочно можно было сказать, что они справились с задачей. Другие покидали школу с недовольным видом, шли, шаркая ногами. Сразу видно, что их зарубили. А Хирамэ все не выходил.

«Несчастный парень…»

Одзу представил своего неуклюжего приятеля, выпившего слишком много воды, чтобы прибавить в весе, и залившего мочой пол. Какой стыд он испытывал под насмешливыми взглядами парней, когда его распекал председатель медкомиссии. И все ради Айко Адзумы. Хирамэ пошел на это, потому что хотел, чтобы Айко полюбила его.

Одзу остался во дворе один. Наконец через пять минут из школьных дверей показался возбужденный Хирамэ. Он поднял руки кверху и крикнул издали:

— Я прошел!

Глаза Одзу округлились.

— Что?! Прошел?! Ты?..

— Да!!!

Лицо Хирамэ, обычно мало что выражавшее, сияло нескрываемой радостью.

— Не верю! Ты врешь!

— Да не вру я!

— Ты так долго не выходил… Вот я и подумал, что ты провалился. А тут еще парни вышли, говорили, что кто-то там обоссался. Я был уверен, что это ты.

— Так… это я и был. Я там все залил. Мерили силу, когда руку сжимаешь. Ну, я так сжал, что из меня — раз! — и полилось.

Одзу уставился на Хирамэ:

— Но тогда у тебя все штаны должны быть мокрые.

— А вот и нет. Мы же там разделись догола. Все сняли. Так что со штанами порядок.

— Давай рассказывай, как было.

У Одзу не укладывалось в голове. Как этот худосочный парень, опозорившийся на медкомиссии, умудрился пройти первый день суровых испытаний?

Хирамэ начал полушепотом свой рассказ.

В актовом зале всех построили по номерам: с первого по сотый, со сто первого по двухсотый.

— Раздевайтесь! — грозно приказал старшина, назначенный председателем медкомиссии.

— Э-э… и трусы тоже снимать? — робко поинтересовался кто-то из ребят.

— Да! Чтоб ничего не было, — последовал ответ.

Хирамэ терпел уже давно. Он выпил столько воды, что, казалось, живот того и гляди лопнет. А когда дошло до того, что пришлось раздеться и продемонстрировать перед всеми свое беззащитное худосочное тело в чем мать родила, как терпению пришел конец.

Надо во что бы то ни стало продержаться до взвешивания, думал Хирамэ. На весы встал парень, стоявший в очереди первым.

— Годен! Пятьдесят три килограмма.

Хирамэ нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Когда подошла его очередь, старшина пристально посмотрел на него и с выговором, характерным для жителей Кюсю, пробурчал:

— А это чё за пузан такой?

Хирамэ боялся, что старшина догадается о его хитрости с водой, но когда тот сказал спокойным голосом: «Годен! Сорок девять килограммов»,

вздохнул с облегчением.

Все произошло десять минут спустя. Во время проверки силы рук требовалось схватиться за металлические ручки силомера и объявить, сколько единиц показывает стрелка индикатора. Хирамэ застонал и сделался красный как свекла.

Как только он напрягся, нижняя часть тела будто онемела. Хирамэ вообще перестал ее чувствовать. И в следующее мгновение по коленям потекла моча, стала растекаться по полу…

— Это что такое?! — возопил старшина так громко, что все собравшиеся на медкомиссию посмотрели на него. — Ты чего на пол поливаешь?

Колени у Хирамэ подогнулись. Ему хотелось провалиться сквозь землю. А моча тем временем струилась по полу ручьем.

— Что же ты творишь! — орал председатель комиссии. — Убирать кто будет?!

Хирамэ натянул штаны и выскочил из актового зала в коридор. Схватил в туалете ведро и тряпку и вернулся обратно.

— Извините меня! Извините!

Он лавировал между заполнившими зал парнями, а они расступались в стороны, будто столкнулись с чем-то нечистым.

С кислой миной старшина наблюдал за тем, как

Хирамэ возил по полу тряпкой. У них за спиной раздавались смешки.

И в это время…

— Прекратить! — послышался голос.

Обернувшись, Хирамэ увидел приближающегося военного средних лет, одетого в белую морскую форму.

Окинув суровым взглядом смеявшихся, офицер сказал:

— Сейчас вы смеялись над промашкой, которую допустил ваш товарищ. Те, кто смеется над чужими ошибками, не имеют права учиться в морской кадетской школе. Никто из вас не пришел к нему на помощь. Вы не только не помогли, но еще и потешались над его неудачей. Этому нет оправдания.

Офицер говорил тихо, но слова его резали поживому, от чего в зале стояла мертвая тишина. Он перевел взгляд на Хирамэ, который в одних штанах все еще елозил по полу, как раздавленная лягушка.

— Я восхищен духом этого юноши, сжимавшего ручки силомера с такой силой, что у него случилось недержание. Старшина, поставьте ему зачет!

Офицер объявил свое решение громко, чтобы

слышали все, повернулся на каблуках и вышел из зала.

Несколько секунд вокруг Хирамэ висела тишина.

— Есть! На силомере — зачет. Дальше!

Старшина осклабился и распорядился:

— И ведро отнеси, откуда взял.

— Угу!

Схватив ведро, Хирамэ поискал глазами пришедшего ему на помощь офицера, но того нигде не было видно.

— Хм-м. — Выслушав приятеля, Одзу издал звук, похожий на вздох. — Похоже, он хороший мужик.

— Это точно. Из-за него я подумал, что служить на флоте совсем не плохо.

Одзу вдруг подумал, что Хирамэ и в самом деле может поступить в кадетскую школу. И может статься, посвятить свою жизнь Айко Адзуме, как в тот день на пляже Асия, когда он, несмотря на высокие волны, бросился за ней вплавь.

— Завтра что еще будут проверять?

— Рентген. С этим все в порядке.

— Тогда ты пройдешь, наверное.

— Пройду, конечно, — проговорил Хирамэ как ни в чем не бывало. — А в декабре будут экзамены

по предметам. Сдам — и стану морским кадетом! Надену белую форму, прицеплю кортик и заявлюсь к Айко домой.

Хотя летние каникулы еще не кончились, до Одзу дошли разговоры, что из пятнадцати учеников классов А и В шестерых зарубили на той самой медкомиссии. Класс С там представлял только один человек — Хирамэ, и он прошел.

Это вызвало бурное воодушевление.

Когда начался новый семестр, новость о том, что Хирамэ прошел предварительную проверку для поступления в морскую кадетскую школу (хотя это еще не экзамены), на которой срезались несколько «ашников», стала сюрпризом для всех в классе С.

— У кого есть воля — тот своего добьется. У человека должна быть воля, чем бы он ни занимался. У кого нет воли — тот ничего не добьется. — Светотень тут же принялся нахваливать Хирамэ перед всем классом. — Понятно теперь, что стоит постараться, и вы ни чем не уступите вашим товарищам из класса А? Так же, как Тернер…

Отношение одноклассников к Хирамэ, конечно, разом изменилось. Ведь никто из них и подумать не мог, что хилому и невзрачному Хирамэ каким-то образом удастся пройти медкомиссию для

поступления в морскую кадетскую школу.

— Когда я поступлю на флот, — разглагольствовал в своей манере Хирамэ перед одноклассниками, будто уже сдал декабрьские экзамены, — я, пожалуй, пойду в летчики. Не корабли будущее флота. Это будет эпоха войны в воздухе.

Германия разгромила европейские страны, имея в своем распоряжении превосходную авиацию — «Мессершмитты». Все об этом знали и все равно, слушая Хирамэ, согласно кивали головой. В любом случае его акции в классе значительно выросли.

Одзу заметил, как его приятель прямо на глазах становился другим человеком.

Он наблюдал сцены, каких раньше никогда не видел. В перерывах между уроками Хирамэ начал учить английские слова по словарю Акао[24].

— Учебник Ивакири по математике для меня сложноват. Есть еще такая книжка, с таблицами и картинками. Она поинтереснее. А по грамматике я читаю учебник Хосаки.

Одзу с изумлением слушал эти слова. Никогда

---

[24] Примечания: 24

Ёсио Акао (1907–1985) — основатель японского издательства «Обунся», специализировавшегося на выпуске учебных пособий для старших школьников. Перед Второй мировой войной написал и издал словарь наиболее распространенных английских слов, пользовавшийся большой популярностью.

он не слышал от одноклассников таких разговоров, никто не говорил о том, по каким учебникам надо готовиться к экзаменам.

— Ты… действительно взялся за учебу?

— А что мне остается? Если я не буду ничего делать, экзамены в декабре провалю.

До самого последнего времени Одзу казалось, что они с приятелем находятся примерно на одном уровне, но теперь Хирамэ в его глазах как-то неожиданно повзрослел.

— А ты… изменился.

— Любовь, говорят, меняет человека. Не влюбись я в Айко — думаешь, стал бы я так заниматься? Я сам на себя удивляюсь.

— Ты что, ее так любишь, эту Айко?

Айко Адзума. С тех самых пор Одзу и Хирамэ ее больше не встречали. Но несмотря на это, в сердцах обоих ее лицо рисовалось живо, как никогда. Хотя Айко, скорее всего, и во сне не могло присниться, что фактом своего существования она вызвала такую трансформацию в одном из парней.

Осень вступила в свои права. Гингко, что росли по обочинам шоссе, проложенного вдоль железнодорожного пути, рассыпали бесчисленные листья по пешеходным дорожкам. Пожелтела

листва на тополях в школьном дворе. Колоски мисканта, разросшегося по берегам Сумиёсигавы, подсохли и побелели.

Пришел декабрь. В последнюю минуту Одзу решил последовать примеру Хирамэ и взялся за словарь Акао, купил учебник «Математика в таблицах». При этом он понимал, что шансов поступить в старшую школу Химэдзи, первую из двух, которые он выбрал, у него нет.

Восемнадцатого декабря на станции Санномия Хирамэ сел в поезд, идущий в Хиросиму. Там ему предстояло держать экзамены в морскую кадетскую школу.

Хотя эти экзамены его напрямую не касались, три дня, предшествовавшие отъезду Хирамэ, Одзу не находил себе места.

Воображение рисовало ему заполненный тишиной экзаменационный зал, где склонились над листами с заданием приехавшие на экзамены парни. Среди них он видел Хирамэ, который сидел и часто моргал глазами. В классе в эти дни пустовала лишь парта Хирамэ. Учитель, делая перекличку, усмехнулся и кивнул:

— Ну да, он же у нас в Этадзиму[25] отправился.

Шли зимние каникулы, но в школе организовали дополнительные занятия для тех, кому было интересно. Так учителя демонстрировали отеческое отношение к подопечным, стараясь помочь им в подготовке к приближавшимся экзаменам.

На первом таком занятии в классе наконец появился Хирамэ. Его сразу окружили.

— Привет! Ну как все прошло?

— Ничего хорошего. В голове все перемешалось. Я и не заметил, как три дня пролетели.

— Так ты прошел или нет?

— Не знаю. Я вспоминать об этом не хочу.

Хирамэ выглядел страшно усталым, измочаленным. Глядя на него вместе с одноклассниками, Одзу понимал, какой отчаянный бой пришлось вести его другу, выжимая из себя ресурс, которым он не располагал.

— Кажется, я провалился, — тихо признался ему Хирамэ, когда они остались одни. — Я намучился и с математикой, и с грамматикой. Знаешь, как трудно было? Что-то написал, конечно… но экзаменаторы такие строгие.

— Но ведь ты везучий, — попытался подбод-

---

[25] Примечания: 25

Город в преф. Хиросима, где во время Второй мировой войны находилась морская кадетская школа.

рить друга Одзу. Но ведь за счет одного везения экзамены не вытянешь.

На дополнительных занятиях Хирамэ больше не появлялся. Одзу представил, как он сидит дома, переживая постигшую его неудачу.

Это произошло на третий день после начала дополнительных занятий.

Одзу возвращался домой из школы. По пути, на одной из остановок электрички, в вагон вошли три-четыре человека. Один из них, морской кадет в темно-синей форме, сделал суровое лицо и схватился за свисавший сверху кожаный поручень.

Одзу уже видел это лицо. Это был тот самый кадет, который разговаривал с Айко Адзумой и его подружкой, когда в прошлые летние каникулы они возвращались с пляжа Асия.

Одзу вдруг стало трудно дышать, будто огромная рука придавила грудь. Но кадет, похоже, его не вспомнил, просто смотрел в окно.

На остановке у Асиягавы он сошел с электрички, стараясь держаться прямо, как по стойке смирно.

Одзу почему-то кольнуло дурное предчувствие, но он никак не мог понять, в чем причина.

«Хирамэ провалился». Вот какая мысль посетила его в этот момент.

Наступило второе января.

Предчувствие Одзу сбылось. В этот день на пороге его дома неожиданно появился Хирамэ.

— Все! Я провалился.

Стоя в дверях, Одзу взял телеграмму из рук не переставшего моргать приятеля.

«Очень сожалеем. Попробуйте в следующий раз».

В глазах Одзу слова телеграммы, отправленной комендантом общежития, в котором жил во время экзаменов Хирамэ, выглядели как ряд безжизненных цифр.

— Пойдем на улицу.

Одзу не знал, как утешить Хирамэ. В эту минуту он был готов отдать все деньги, полученные в подарок на Новый год, чтобы излечить рану в сердце друга.

— Слышь, у меня деньги есть. Можем с тобой шикануть.

— Угу-у, — вяло протянул Хирамэ.

— Да брось ты! Всегда можно еще раз попробовать туда поступить. Ты медкомиссию прошел. Одного этого достаточно, чтобы себя уверенно чувствовать. Возьмешь годик, подготовишься…

— Ничего не получится. — Хирамэ бессильно покачал головой. — Я не могу больше висеть на

плечах у домашних. Отца нет, сестра вернулась домой. Сколько можно балбесничать?

— А как же дядя? Он же может заплатить за учебу?

— Если бы я хорошо учился, можно было бы попросить, но… Хотя это уже не важно. Вот окончу Наду, работать пойду.

— Работать?!

— Ну да. Кроме меня маму и сестру содержать некому…

Несмотря на Новый год, на улице было малолюдно. Над каждым домом развевался хиномару[26] — время военное.

— Пойдем в храм Эбису! — Одзу стукнул по плечу Хирамэ, который шел, опустив голову. — Можем наесться кусикацу до отвала. Деньги, правда, есть.

— Давай лучше вместо кусикацу поедем в Асия, — робко улыбнулся Хирамэ.

— К ней домой?

— Ага.

Пассажиров в электричке было против обыкновения совсем мало. Мужчина с красным, скорее всего, от выпитого на Новый год сакэ лицом что-

---

[26] Примечания: 26
Японский государственный флаг.

то напевал себе под нос, отбивая такт хлопаньем в ладоши.

— Но если ты пойдешь работать, с тебя снимут отсрочку от призыва. — Одзу заговорил о том, что должно было беспокоить приятеля больше всего. — Тебя же в армию заберут.

— Ну… тут уж ничего не поделаешь.

— Так ведь тебя и на фронт отправить могут.

— Что толку об этом думать? Я же все равно ничего не могу. Вот придет время — тогда и думать буду.

Они сошли на Асиягаве. Перешли мостик, глядя на пересохшее за зиму русло реки. Ворота многих особняков, которых в округе было много, все еще украшали большие композиции из бамбука.

Когда они подошли к дому Айко Адзумы, Хирамэ остановился перед воротами и, сосредоточенно глядя перед собой, сказал:

— Она должна быть здесь, — и неожиданно добавил: — Давай позвоним?

— Что? Позвонить хочешь?

— Ведь я больше ее не увижу. Просто хочу попрощаться.

Хирамэ нажал на кнопку звонка. За время, которое прошло, пока открылась дверь, Одзу несколько раз собирался сбежать. Но Хирамэ,

полный решимости, уходить не собирался.

Наконец появилась служанка. Она обвела подозрительным взглядом двух приятелей и отрезала:

— Барышни нет. Уехала в Киото.

Прошло три месяца.

Одзу вспоминал выпускной вечер.

В актовом зале, под девизом основателя школы Нада Дзигоро Кано «Умей употребить энергию во благо себе и другим», представители родителей и директор школы поздравляли выпускников. Построившись ровными рядами, они в молчаливой задумчивости с несвойственной подросткам сентиментальностью слушали обращенные к ним слова, вспоминая проведенные в школе дни.

Одзу, которому каким-то чудом удалось поступить в колледж Р., посмотрел на профиль стоявшего рядом Хирамэ. Конечно, в классах C и D были ребята, срезавшиеся на экзаменах в старшую школу, которым дальше предстояло готовиться к новой попытке. Были и такие, как Одзу, — поступившие на подготовительные курсы частных колледжей, где требования были не очень строгие. Хирамэ оказался единственным из всех, кто решил не учиться дальше и начинал самостоятельную жизнь.

После торжественной церемонии выпускники разбежались по классам, размахивая полученными аттестатами. Небо за окнами сияло голубизной, день выдался ветреный и прохладный.

— Пришло время расставаться, — мягко проговорил Фугу. — Странное дело. Говорят, что труднее всего забыть учеников, которые больше всего тебе досаждают. Наверное, по этой причине о вас я больше переживаю, чем о ребятах, которые учились в А и В.

— Разве так бывает? — перебил его кто-то.

— Странный вопрос! Я же от чистого сердца говорю.

— Значит, вы не рады, что наконец избавились от нас?

— Ну не без этого, конечно, — усмехнулся Фугу. — Уж вы из меня крови попили.

Все расхохотались. Это был освежающий смех, ребята смеялись и вспоминали все свои проделки и шалости, совершенные в классе за пять лет учебы. Занятия особо приятных воспоминаний не оставили, зато о том, как доводили учителей, помнили все.

— Вы уж постарайтесь, чтобы в Наду больше не брали типов вроде нас.

— Ага! — Фугу кивнул. — Хотя учителям не

очень интересно иметь дело с учениками, которые думают только об учебе и потом поступают в престижные старшие школы. Я очень не хочу, чтобы Нада превратилась в скучную перворазрядную школу. Прошу: не забывайте родную школу, навешайте ее иногда.

Он оперся руками о стол, постоял немного с опущенной головой и вышел из класса.

— Пошли! — предложил Одзу приятелю, и они вышли из школы.

— Больше я наш класс не увижу, — проговорил Хирамэ, моргая. — Да и с тобой мы, наверное, больше не встретимся.

— Такого быть не может! — Одзу покачал головой. — Я буду тебя навещать, приезжать на фирму, где ты будешь работать.

— Но до Ако[27] долго добираться.

Благодаря знакомству дяди Хирамэ приняли на работу в компанию по производству соли в городе Ако.

— Но есть же воскресенья.

— Я, конечно, буду рад.

Как всегда, они вышли из школьных ворот и зашагали вдоль берега Сумиёсигавы вместе с

---

[27] Примечания: 27
Город в преф. Хёго.

другими ребятами.

— Гляди! Что делают! Что делают!

Выпускники толпились у стоявшего на берегу ларька, где продавали тайяки. Печенье шло нарасхват. Увидев эту картину, Хирамэ закричал:

— Вот сейчас учитель вам вломит!

— Не вломит! — отозвался кто-то. — С Надой покончено. Теперь мы взрослые. С сегодняшнего дня!

Женщина

Прощальный вечер по случаю отъезда Тахары состоялся в ресторанчике, где подавали угря, недалеко от больницы. Впрочем, «вечер» — это слишком громко сказано, просто люди собрались, чтобы попрощаться с коллегой, которого вышвырнули из клинического отделения.

Было уже темно, когда Эйити закончил работу и направился в ресторан. В невысоких зданиях, магазинчиках и кафе, выстроившихся вдоль улицы, замерцали тусклые огни.

В отдельном кабинете собрались человек пять-шесть. Тахара сидел во главе стола. Ждали заведующего отделением и профессора Ии. Настроение у всех было подавленное. На столе стояли стаканы с пивом, но разговор шел несвязный, живости ему явно не хватало.

— Зато в Фукусиме чистый воздух и экология что надо. На лыжах будешь кататься, счастливчик!

Кто-то попытался приободрить Тахару, но тема развития не получила. Все слишком хорошо знали, почему его отправляют в ссылку на пе-

риферию.

Наконец появились Утида и Курихара. Они опоздали на полчаса.

— Извините за опоздание, — обратился к собравшимся Утида. — К сожалению, профессор Ии не смог прийти. Срочные дела. Просил передать всем привет.

Это был исключительный случай — чтобы Старик не пришел на прощальный вечер, когда сотрудник его отделения переводится в глубинку. Все собравшиеся за столом какое-то время сидели молча, опустив головы.

— Ну что же. Тахара-кун, несмотря на молодость, будет в Фукусиме одним из руководителей клиники. Хотелось бы, чтобы на этой базе он овладел методами ведения госпитального хозяйства в районном масштабе и решения вопросов медицинского обслуживания в сельской местности.

Наливая Тахаре пива, Утида заключил:

— И когда он вернется сюда, к нам, мы хотели бы, чтобы он применил результаты своих исследований на практике.

Со своего места в углу Эйити наблюдал за выражением лица Тахары. Он заметил, как на лице друга, слушавшего, что говорит про него шеф, промелькнула улыбка, за которой скрывались

слезы.

— Курихара! — Утида, огорченный всеобщим молчанием, повернулся к сидевшему с ним рядом Курихаре. — Ты классный лыжник. Часто, наверное, бываешь в Тохоку[28]?

— Не то чтобы часто… Бывал на горе Дзао несколько раз.

— Когда поедешь в следующий раз, возьми с собой Тахару. Это его вдохновит всерьез заняться лыжами.

— Конечно. Я как раз собираюсь туда поехать.

Глаза на крупном лице Курихары сузились, он кивнул. Похоже, он не заметил, что молодые сотрудники отделения смотрят на него осуждающе.

«О чем ты говоришь?» — наверняка думали они в этот момент. Все знали, что изгнание Тахары произошло из-за того, что Курихара доложил заведующему отделением о замене лекарства. Хотя Курихара и не мог поступить в этом деле по-другому, ему следовало более решительно заступиться за подчиненного.

«А вид делает такой, будто он совершенно ни при чем…»

---

[28] Примечания: 28

Северо-восточная часть о. Хонсю, где, в частности, находится преф. Фукусима.

Молодежь испытывала угрызения совести за собственное бессилие. И Эйити чувствовал, как это чувство вины перерастало в гнев и возмущение по отношению к Курихаре, и насмешливо хихикнул в душе…

В нормальных обстоятельствах после таких посиделок молодежь бы сказала: «Утида-сэнсэй! А теперь, может, сведете нас еще куда-нибудь?» И воспользовавшись этим, отправилась бы продолжать веселье, переходя из одного заведения в другое. Но в тот вечер все попрощались, помахали у дверей ресторанчика друг другу руками и быстро разошлись. Тахара, слабо улыбаясь, поблагодарил всех и скрылся на лестнице, ведущей на станцию подземки. Одзу проводил его взглядом.

— Одзу-кун! — услышал он позади голоса Утиды и Курихары. — Слушай, если у тебя нет никаких дел, может, составишь нам компанию?

Завотделением швырнул окурок на тротуар и раздавил его ботинком.

— Ну что, идешь?

— Да.

Троица не спеша прошлась немного по улице, потом поднялась по лестнице на второй этаж здания, на котором висела вывеска Shanson Snack.

За стойкой кроме одной влюбленной парочки

никого не было.

Курихара оглядел бар и сообщил шефу:

— Вон там в углу свободный закуток.

Когда они расположились за столиком, Утида заказал кампари-соду, Курихара и Эйити — виски, разбавленный водой. Из висевшего на стене динамика лился заезженный шансон, добавляя мрачноватой атмосфере заведения еще больше угрюмости.

— Ну а теперь что мы будем делать дальше?.. — Обращаясь к Эйити, Утида разом осушил стакан с красным кампари. — Молодежь, по-видимому, считает наши действия бессердечными… но для поддержания порядка в отделении других вариантов не было…

— Понимаю.

— Я так и думал, что ты поймешь. Но вы вместе с Тахарой должны подготовить доклад. Правильно?

— Да.

— Как же теперь без него?

— Проблемы есть, конечно, но я думаю, что и один справлюсь со сбором материала.

— Вот как?

Завотделением кивнул и, немного подумав, продолжил:

— Я еще не докладывал профессору Ии… но как ты смотришь на то, чтобы поработать вместе с Курихарой-кун, помочь ему? Конечно, с перспективой поучаствовать в подготовке отчета…

— Над которым работает Курихара-сан?

— Ну да. Скоро в нашей больнице появится онкологический центр, но требуется очень много подготовительной работы. Курихара-кун серьезно занимается изучением связей между противораковыми препаратами и операционным вмешательством. Не хочешь ли и ты поработать в этой области?

Эйити быстро прокрутил в голове слова шефа — скорее, даже не слова, а содержавшийся в них намек. Вот оно что! Профессор Ии распорядился, чтобы Курихара перекинул мостик между фармацевтической компанией своего отца и новым онкологическим центром.

— Когда примерно завершатся работы по созданию центра?

— Планируется в следующем году. Конечно, управлением центра должно заниматься главным образом наше отделение и никакие другие. В противном случае мы окажемся в затруднительном положении. Мы должны этого добиться и хотим, чтобы ты нам в этом помог. А я замолвлю

за тебя словечко перед профессором Ии…

Расставшись с Утидой и Курихарой, Эйити спустился в метро. Стоя на платформе в ожидании поезда, он обдумывал то, что ему говорил Утида.

Итак, в нашей больнице будет онкологический центр. Утида и Ии хотят, чтобы наше отделение, а не другие, его контролировало. Вот почему они так носятся с Курихарой, за спиной которого стоит крупная фармкомпания. Видимо, речь идет о сделке: они добиваются значительных финансовых вливаний в фонд проведения исследований в обмен на использование противораковых препаратов, выпускаемых этой компанией.

«Раз так, Старик будет все больше нуждаться в Курихаре».

Эта мысль вызывала неописуемую досаду. В представлении Эйити существовало две категории людей: которые преуспевают в жизни, не прилагая усилий, благодаря сиянию славы родителей и которые, сколько бы ни работали, все равно остаются в нижних слоях общества, потому что у них за спиной никто не стоит.

«Вот Тахара… Если бы у него была такая поддержка, как у Курихары, — думал Эйити. — Тогда уж его вряд ли бы выкинули из отделения как пару сносившихся башмаков и отправили в ссылку

на периферию».

«Значит ли все это, что мне всю жизнь придется пахать под Курихарой?..»

Он прикинул толщину стены, вставшей у него на пути. Она оказалась куда прочнее, чем он думал. И единственный способ сломать ее — обзавестись такой же поддержкой, какую имеет Курихара.

«Женщина… — с болезненной остротой подумал Эйити, держась рукой за кожаный поручень в вагоне метро. — Женитьба. Надо найти женщину, брак с которой поможет сделать карьеру».

И перед его глазами вновь промелькнуло невинное личико Ёсико Ии.

«Если бы только я мог на ней жениться!»

Однако в настоящий момент говорить об этом практически невозможно. Кому придет в голову связывать профессорскую дочь с каким-то жалким докторишкой?

Он вернулся домой поздно, родители, похоже, уже спали. Дверь открыла сестра Юми.

— Будешь ужинать?

— Не хочу, — угрюмо бросил Эйити. Ему хотелось сорвать на ком-нибудь зло.

— Дай воды.

— Ты опять выпил?

— Хватит уже! Воды дай!

— Тебе звонили. — Юми пристально посмотрела на брата. — Женщина. Назвалась Кэйко. Медсестра.

Эйити скорчил кислую мину и ничего не сказал.

— Просила, чтобы ты ей позвонил.

Он прошел в гостиную и залпом выпил стакан воды, который принесла сестра.

— Когда ты раздражен, с тобой невозможно разговаривать, — все так же стоя, сказала Юми. — Что-нибудь в больнице случилось?

— Оставь меня в покое! Иди спать!

В прихожей зазвонил телефон.

— Это, наверное, твоя медсестра… Я думаю, это она доставала нас звонками. Между вами что-то произошло?

Ничего не ответив, Эйити вышел в коридор. Снял трубку и услышал голос Кэйко: «Алло!»

Эйити повесил трубку, не сказав ни слова.

На следующий день профессор Ии обходил больных.

По обыкновению народ в белых халатах собрался вокруг профессора в коридоре лечебного корпуса, вдруг сразу погрузившегося в тишину. Вся группа всасывалась в какую-нибудь палату,

через некоторое время выдавливалась наружу и перемещалась в следующую.

Тахары среди этой братии больше не было. Пациентов, которых он курировал, передали доктору Умэмия.

Профессор Ии уверенно кивал, выслушивая жалобы больных, разговаривал с ними, не спеша прикладывая стетоскоп к груди и подбирая слова, гарантирующие выздоровление.

Страдавшему от рака легких директору компании, которого наблюдал Эйити, он тоже сказал, убирая стетоскоп:

— Вот поправитесь, обязательно сыграем с вами партию в гольф.

В глазах исхудавшего пациента вдруг мелькнул лучик надежды:

— Я поправляюсь и смогу играть в гольф?

— Разумеется. Но, конечно, при условии, если будете прислушиваться к моим указаниям и соблюдать режим…

Эйити в почтительной позе стоял рядом и слушал этот разговор, вбивая себе в голову, как нужно разговаривать с неизлечимо больными пациентами.

Но когда они вышли в коридор, Старик негромко сказал:

— Утида-сан! Надо постепенно готовить родственников, чтобы они узнали правду… Кто у нас в следующей палате?

— Здесь новая пациентка. Только вчера поступила, — поспешил с ответом Курихара, перебирая в руках карты пациентов. — Перевели в хирургию из терапевтического отделения. Пальпацией наличие опухоли установить не удалось, хотя реакция на D.K.I.K. позитивная. Снимки показывают некоторые патологические изменения.

Профессор с серьезным видом кивнул и остановился у двери отдельной палаты. На ней висела табличка с именем: «Айко Нагаяма».

Увидев целую гурьбу людей в белых халатах, пациентка приподнялась, поправляя на груди рубашку.

— Лежите, лежите, — мягко проговорил профессор Ии. — Как вам первый день в нашей больнице?

— Спала как убитая. Большое спасибо.

На осунувшемся лице пациентки — элегантной женщины с большими глазами — появилась грустная улыбка.

— Не могли бы вы согнуть колени?

Курихара и старшая медсестра помогли пациентке открыть живот для осмотра. Когда

перед молодыми врачами пришлось обнажить грудь, женщина залилась краской. Профессор Ии склонился над ней, делая вид, что ничего не замечает.

— Здесь болит? — спросил он.

— Да.

— У вас раньше были проблемы с желудком?

— Нет. Просто я быстро стала худеть.

— Понятно…

Какое-то время все молчали. Старик, насупив брови, изучал рентгеновские снимки желудка.

— Давайте сделаем два-три анализа. Для беспокойства нет причин. В худшем случае это язва желудка.

Но всем было понятно, что это ложь. Снимки четко показывали наличие аномалии.

Когда обход закончился и свита, как обычно, проводила Старика к выходу, профессор Ии неожиданно обернулся.

— Одзу-кун!

Старик редко заговаривал с людьми ниже его по положению в такие минуты, поэтому Эйити встревожился: не допустил ли он какой-нибудь промашки во время этого обхода.

— Я здесь! — отозвался он, выходя вперед.

— Слушай! — На энергичном лице профессора

появилась добродушная улыбка. — Хочу поблагодарить тебя за заботу о дочери, когда она глаз повредила. Просила передать тебе спасибо…

— Ну что вы! Какие пустяки. Как она себя чувствует?

— Будто ничего и не было.

Эйити не подозревал, что стоит Старику заговорить о дочери, как его обычно суровое лицо преображается, становится веселым и жизнерадостным.

Профессор и завотделением вышли бок о бок из здания и направились к главному корпусу больницы, где находилась лаборатория.

Сотрудники отделения пожали друг другу руки с таким видом, будто свалили с плеч большую тяжесть, закурили и разошлись в разные стороны. До полудня у них оставалось полчаса свободного времени.

«Вот оно как! — подумал Эйити, наслаждаясь переполнявшей его радостью. — Значит, она не совсем меня забыла!»

Надо использовать любую возможность. Если он будет сидеть сложа руки, связь между ними прервется. А то, что профессор заговорил с ним сегодня, — это же превосходный шанс… Надо это понимать.

Он взял трубку красного телефона, висевшего в коридоре. Поколебавшись несколько секунд, заглянул в записную книжку и набрал номер.

Подошла горничная. После небольшой паузы Эйити услышал голос Ёсико.

— Ах! — Девушка была удивлена неожиданным звонком. — Как поживаете? — Она поблагодарила Эйити за время, которое он уделил ей в больнице. — Мне так понравилась та пластинка!

— Вы к нам больше не наведывались, и я волновался. Как глаз?

— Все прошло.

Тема была исчерпана, и Эйити уже подумал, что придется повесить трубку, но Ёсико пришла ему на помощь:

— Я начала брать уроки гольфа.

— Гольфа?

— Вы играете?

— Нет. Все собираюсь начать, но разве бедный докторишка может себе это позволить…

— Не говорите так. Клюшки можно взять напрокат прямо на месте. Я у подруги беру.

Она подумала и простодушно предложила:

— Может, попробуем вместе? Давайте! В эту субботу…

Эйити положил трубку и облизал губы. «Здоро-

во, что я ей позвонил», — подумал он, испытывая приятное чувство выполненного долга…

В назначенную субботу Эйити отправился в район Сиба, в центр тренировки гольфистов. В окно такси он увидел Ёсико, стоявшую у входа. На ней были брюки и кепочка. Он помахал, девушка в ответ приподняла руку.

«Круто здесь все устроено», — пробормотал про себя Эйити, наблюдая, как на зеленом газоне мужчины и женщины машут клюшками, норовя загнать мячик в лунку.

Как и говорила Ёсико, клюшки здесь давали напрокат. Эйити в гольфе не разбирался совсем, поэтому купил только перчатки. Следуя указаниям девушки, взял себе клюшку вуд № 1.

— Я позову тренера.

— Тренера?

— Ну да. Здесь есть специальные инструкторы.

Через несколько минут появился загорелый парень и поздоровался с Ёсико.

— Давайте для начала повторим основную позу для удара, которую разучивали в прошлый раз.

— Вы тоже попробуйте. — Инструктор посмотрел на Эйити. Потом показал, как надо держать клюшку, как ставить ноги, как действовать клюшкой, и сказал:

— А теперь давайте вместе.

Эйити очень не хотел показаться Ёсико неуклюжим.

— У вас замечательно получается. — Парень похвалил Ёсико, наклонил голову набок и добавил, глядя на Эйити: — А вы, извините, похожи на аккордеон.

— На аккордеон?

— Ну да. Голова слишком низко. Держите ее естественно. И не надо двигать корпусом вверх-вниз, когда замахиваетесь. Вот так.

Парень положил свою клюшку на голову Эйити. Ёсико рассмеялась.

Обнаружив, что махать клюшкой — дело куда более сложное, чем казалось на первый взгляд, Эйити скис. Ёсико ловко запускала в воздух мячики с земли, в то время как он все время промахивался. Инструктор перестал обращать на него внимание и сосредоточился на Ёсико.

— Ну что же вы остановились? Сдаетесь? — решила подшутить над Эйити Ёсико, увидев, что он курит, зажав клюшку между ног.

— Похоже, я не гожусь для этого дела.

— Я бы так не говорил. Все новички сперва не попадают по мячику, — поспешил утешить его парень. — Вам надо избавиться от аккордеона, и

тогда все получится.

Эйити снова сжал в руках клюшку и подошел к мячику. Он смотрел на белый мячик, который вдруг превратился в белый теннисный мяч, и перед его глазами возникло лицо Курихары, размахивающего ракеткой.

«Черт!»

В первый раз Эйити ощутил, как клюшка приятно дернулась в его руках, и тут же раздался радостный возглас:

— Отличный удар!

Это был голос инструктора.

— Именно так! Замечательно!

Эйити криво усмехнулся и кивнул. Ёсико не должна знать, о чем он думал, когда смотрел на тот белый мячик.

— По звуку можно понять, что удар получился, — проговорила она.

Использовав две коробки мячей, они решили передохнуть в кафе при гольф-центре.

— А в вас есть спортивный дух. Из второй коробки — почти ни одного холостого удара.

— Да все мои удары неправильные, — усмехнулся Эйити. — Как они называются? Слайсы, по-моему. У меня все мячи летели в сторону. Парень сказал, что, если бы я так бил на поле, а не

на тренировочной площадке, мне бы пришлось за мячами в кусты лазить.

— И все равно у вас намного лучше получается, чем у меня.

— Сколько раз вы уже здесь были?

— Всего пять или шесть. В первый раз меня привел Курихара-сан.

— Вы всему учитесь у Курихары-сан?

В вопросе невольно прозвучала насмешка, однако Ёсико была непосредственна:

— Ну почему же? Только лыжам и гольфу.

— Наверное, среди всех сотрудников нашего отделения Курихара-сан самый близкий ваш друг?

— Ну… больше к нам почти никто не ходит.

Эта девушка еще ничего не знает о существующем в мире зле, думал Эйити. И наверное, ни разу не испытала любви и предательства мужчины.

— Чтобы попасть в дом профессора Ии, надо преодолеть высокий порог. Для нас вы кажетесь девушкой из другого мира.

— Но почему? Ведь это ужасно!

Ёсико нахмурилась и серьезно посмотрела на Эйити.

— Вы не испытывали в жизни по-настоящему серьезных трудностей. Наверное, выйдете замуж за молодого человека из богатой семьи… напри-

мер, такого, как Курихара-сан, и будете жить счастливо. Мы, нищеброды, в нашем отделении даже представить не можем такую жизнь…

— А мне такая жизнь не нравится! Конечно, быть несчастной я не хочу, но это ужасно, если придется катиться к счастью по накатанным рельсам.

Сложив руки, она положила на них голову и мило улыбнулась.

— В таком случае за какого человека вы хотели бы выйти замуж? — как бы между прочим поинтересовался Эйити, зажигая сигарету и отводя глаза.

— За какого?.. За рискового.

— Рискового?

— Ну да. Мне совсем не интересно, когда фрукт уже созрел.

Эйити показалось, что он уже где-то слышал эти слова. Конечно! Так часто рассуждают о женитьбе девушки, которые не знают жизни и никогда не переживали сопровождающих ее испытаний.

— Вам смешно? — спросила Ёсико, заметив на лице Эйити тонкую усмешку.

— Нет, что вы! — К Эйити быстро вернулась серьезность. — Я просто подумал, какие у вас основательные мысли.

— О! Я говорю о серьезных вещах, о которых не имею представления.

Взглянув на порозовевшее лицо Ёсико, он подумал, что, наверное, мог бы без особого труда соблазнить эту наивную девушку.

В тот день они вскоре расстались в гольф-центре. Но Эйити взял с Ёсико обещание, что они встретятся вновь.

Когда на следующий день Эйити появился в отделении, Курихара, который редко заговаривал с ним первым, наверное, потому что считался старшим, подошел к нему и сказал:

— Я слышал, ты играл в гольф с дочерью профессора Ии?

— Да. — Эйити немного растерялся. — Она позвонила и попросила.

— М-м…

Больше этой темы Курихара не касался, но Эйити заметил, как легкая тень недовольства пробежала по большому лицу маменькиного сынка.

— Кстати, как говорил доктор Утида, мы будем вместе заниматься исследовательской работой…

— С удовольствием. Я готов.

— К нам на днях поступила женщина. С подозрением на рак желудка…

— Знаю.

Эйити представил лицо женщины средних лет, с большими глазами, которую он видел в день, когда профессор Ии совершал обход. Ее имя… Ага! Айко Нагаяма.

— Думаю использовать ее случай в нашем исследовании. Куратором за ней закреплен я. Поможешь?

— Конечно.

Курихара кивнул с начальственным видом.

— Тогда завтра надо будет сделать гастроскопию. А пока осмотри ее как следует.

Пройдясь по палатам, где лежали пациенты, которые наблюдались у него, Эйити по указанию Курихары постучал в дверь палаты Айко Нагаямы.

Ответа не последовало, поэтому он тихонько приоткрыл дверь. На подоконнике стоял цветок в горшке; женщина спала, положив голову набок.

— Ой!

Шаги Эйити разбудили женщину, и она села в кровати, поправляя воротничок рубашки на груди.

— Как вы себя чувствуете? — Эйити встал посередине палаты и смотрел на цветок в горшке. — Красиво цветет, правда?

Он достал стетоскоп, вставил дужки в уши.

— Завтра сделаем гастроскопию, поэтому попрошу вас не завтракать.

— Э… А что с доктором Курихарой? — с беспокойством спросила женщина.

— Доктор Курихара тоже вас навестит, конечно. С сегодняшнего дня мы с ним вместе будем заниматься вашим освидетельствованием.

— Со мной все так плохо?

— Ну что вы! Просто Курихара-сэнсэй очень занят, я решил ему помочь. Меня зовут Одзу.

Услышав эту фамилию, женщина как-то странно на него посмотрела.

— А гастроскопия — болезненная процедура?

— Нет. Хотя, конечно, женщине неприятно, когда кто-то рассматривает ее желудок.

Она рассмеялась, как мать, над которой решил подшутить сын.

— В больнице не надо стесняться. Вы должны быть мужественны.

Эйити как-то раз услышал эти слова от Старика, разговаривавшего с молодой пациенткой, и решил повторить их перед Айко Нагаямой.

— Сколько килограммов вы потеряли?

— Килограммов пять-шесть, наверное. Я и сама как-то не заметила… Просто все стали говорить,

что я так похудела.

Эйити, прослушивавший пациентку, подвинул мембрану.

— Близкие обычно не замечают, когда кто-то из членов семьи худеет. Вам муж об этом сказал?

— Нет. — Она покачала головой. — У меня нет… мужа. Он умер… уже очень давно.

— Извините…

Такие разговоры не имеют особого смысла. Во время осмотра врач просто задает вопросы, чтобы пациент расслабился, почувствовал себя спокойно.

— От чего умер ваш супруг? Чем он болел?

— Он не болел. — Женщина улыбнулась. В ее улыбке была легкая грусть. — Он на войне погиб.

Эйити отложил стетоскоп. Он принадлежал к поколению, для которого слова «погиб на войне», «война» были чем-то из другого, далекого мира. Он всегда инстинктивно восставал против людей в возрасте своего отца, которые, о чем бы ни заходила речь, всегда поворачивали разговор на войну.

Осмотр закончился, женщина снова поправила рубашку на груди, и Эйити уловил тонкий аромат. Видимо, она душила свою рубашку, хотя в первый раз он этого не заметил.

— Мой отец тоже был на войне.

— Он служил на флоте?

— Нет, в сухопутных частях. С детских лет я слышал так много военных историй, что я больше их не воспринимаю. Я уже не могу реально переживать все это…

— Да, наверное… — На ее губах опять появилась улыбка. — Моя младшая сестра терпеть не может, когда говорят только о войне… «Ведь она уже давно кончилась!» — говорит она.

— Я с ней согласен. — Эйити сунул стетоскоп в карман. — Итак, завтрак завтра отменяется. После гастроскопии может немного подняться температура, но это нестрашно.

Оказавшись за дверями палаты, Эйити уже не помнил лица пациентки. Ему была нужна только карта, в которой фиксировалось состояние болезни. Ознакомившись с ней на посту медсестры, он позвонил по внутреннему Курихаре.

— Я ее осмотрел.

— Ну и как?

— Все как в карте написано. Завтра гастроскопию через фиброскоп будем делать?

— Да, я так планировал.

— Тогда я закажу антисекреторные средства. Атропин, пускопан. Может, еще опистан?

— Описта́н? Все-таки она женщина… у нее может быть повышенная чувствительность.

Курихара говорил тоном, каким начальство отдает распоряжения подчиненным. Эйити понял: каким бы замечательным ни получился отчет по их совместным исследованиям, в конечном итоге все заслуги достанутся старшему, то есть Курихаре. Так было принято у них в отделении.

«Я этого не позволю», — сказал он себе, положив трубку.

В тот день Эйити вернулся домой раньше обычного и увидел отцовы ботинки, аккуратно стоявшие в прихожей.

— Как хорошо, что ты пришел! — из кухни появилась мать. — Отец плохо себя чувствует, пришел пораньше. Его вырвало.

— Хм-м.

— Посмотри его.

— А что смотреть? Наверное, ничего серьезного.

Хотя Эйити был врачом, осматривать домашних, если кто-то заболевал, было для него в тягость. Подхватит сестра простуду — он ей: «Выпей лекарство и ложись спать». Вот и все рекомендации.

— Отец хочет, чтобы ты его посмотрел. Пожа-

луйста…

Переодевшись, Эйити нехотя вошел в комнату отца. Тот лежал под футоном на боку и читал вечернюю газету.

— Я слышал, тебя вырвало.

— Да вот… На работе вдруг живот скрутило. После обеда.

Эйити присел у изголовья отцовской кровати, отодвинув стоявший здесь же таз. В нем лежала газета, следов рвоты не было.

— Что ты ел на обед?

— Ко мне пришел клиент. Мы пошли в нашу столовую, ели лапшу.

— А как клиент? Тоже отравился?

— Не знаю. Мы пообедали, и он ушел.

— У кого-нибудь еще на работе рвота была?

— Нет, только у меня.

Эйити откинул футон и положил руки отцу на живот. Одзу с удовлетворением следил за каждым движением сына.

— Небольшое воспаление.

— Это же нестрашно? Возраст есть возраст.

— Ну да. — Эйити насмешливо улыбнулся. — При раке симптомы другие. Не ешь сегодня ничего и поспи. Лекарство, думаю, не понадобится…

— А ты можешь так, на ощупь, определить рак? — Отец остановил сына, уже собравшегося уходить.

— Примерно в тридцати процентах случаев. А еще по потере веса, цвету лица…

Эйити вдруг подумал о женщине, которую осматривал днем.

— Сегодня я обследовал женщину с подозрением на рак желудка. Пальпацией наверняка определить нельзя, но она сильно похудела. И это симптом.

— Ты можешь ей помочь?

— Как сказать… Если рак поразил лишь мембранные клетки, можно надеяться на полное выздоровление. Но у этой пациентки, похоже, уже метастазы…

— Как жаль! Ты ей, конечно, не сказал? Она пожилая?

— Того же возраста, что и ты. Вдова. По ее словам, муж погиб на войне. Ну, отдыхай.

Освободившись от отца, который был явно не прочь продолжать разговор, Эйити вернулся в гостиную.

— Ну как он? — спросила мать, расставляя посуду.

— Гастрит в легкой форме. Можешь успоко-

иться.

— Может, ему кашу рисовую сварить?

— Ничего не давай.

Он пощелкал программами в телевизоре, но сразу выключил. Запах этого дома, вся атмосфера вызывали у него отторжение.

Новый сотрудник

После того как Эйити вышел из комнаты, Одзу закрыл глаза и попытался заснуть. Он был доволен, что сын осмотрел его. В последнее время они почти не разговаривали, и Одзу был рад, что его отпрыск проявил о нем заботу, хотя бы когда он заболел.

«Все же в нем есть что-то хорошее».

Одзу сомкнул веки, положил руку на живот, который еще не успокоился. Его стало клонить ко сну. В полусне перед ним снова встала фигура Хирамэ.

«Так… через сколько месяцев после выпуска из Нады пришло письмо?..»

Одзу помнил, что после окончания школы связь между ним и Хирамэ на какое-то время оборвалась. И вот, когда он учился на подготовительном отделении в колледже Р., во время первых летних каникул, пришло письмо. На конверте был штемпель города Ако, где работал Хирамэ, а в письме фотография: унылая физиономия, напомаженные волосы, слегка мешковатый костюм.

«Каждый день мне читают лекции о береж-

ливости осакских торговцев. Я тоже собираюсь накопить много денег и стать богачом», — как курица лапой наскреб на обороте фотографии Хирамэ. В письме он писал, чему его обучали на фирме последние два месяца.

В первый день Хирамэ и двух других новых сотрудников вызвали к президенту.

— Ну-с, — начал пятидесятилетний, с маленькими усиками, мужчина. На столе перед ним лежали позолоченные карманные часы. — В чем дух нашей компании? В том, чтобы ничего не тратить зря. Ничего не выбрасывать. Делать сбережения. Я построил эту компанию на таких принципах. И я хочу, чтобы все мои сотрудники работали, руководствуясь этой целью.

Президент посмотрел на Хирамэ:

— Ты понял?

— Нет, — заморгал тот.

— Смотри. — Президент показал на свой костюм-тройку. — Сколько лет я ношу этот костюм, как думаешь?

— Два года, — ответил Хирамэ.

— Год. Три, — предположили двое других новобранцев.

— Неверно, — покачал головой президент. — Десять лет! Запомните, если будете покупать

костюм в рассрочку. Вернулся домой с работы — аккуратно почисть костюм щеткой, и он десять лет будет иметь приличный вид. Так что десять лет на новый костюм не рассчитывайте. Иначе ничего не накопите.

— Да, но… — с надутым видом протянул Хирамэ, — когда брюки долго носишь, они блестеть начинают.

— Тогда надо взять муку, посыпать на брюки, побить по этим местам мокрым полотенцем, и блеск исчезнет. Или вот мои ботинки. Я в них хожу семь лет. Ходите аккуратно, не ленитесь ухаживать за обувью — и она вам прослужит семь, а то и восемь лет. Это и есть дух нашей компании.

«Бережливость — дух нашей компании». Этим идеалом президента были проникнуты и сотрудники фирмы, и Хирамэ вместе с другими новичками, только-только поступившими на работу, приходилось декламировать по утрам:

1) Не надо ничего выбрасывать.

2) Перед тем как что-то выбросить, подумай, нельзя ли это как-то использовать.

3) Не смейся над мелкой монетой, как бы потом плакать не пришлось.

4) Даже пыль, накапливаясь, образует горы.

В конторе, которая занимала принадлежавшую фирме старую темную лавку, по строгому распоряжению президента нельзя было выбросить ни одной газеты, ни одной рекламной листовки, ни одного конверта от полученной корреспонденции.

— На обратной стороне листовок можно делать записи, — постоянно внушал он подчиненным.

— Или взять почту, которая к нам приходит. Выворачиваем полученный конверт — и в нем можно отправить наше письмо. Увидели на улице обрывок веревки — поднимите. Мы ему найдем применение. Это называется Кодекс торговца!

Звонить по телефону клиентам разрешали очень редко.

— Если до клиента можно дойти пешком, идите к нему пешком. Если клиент далеко и особой спешки нет, пошлите ему открытку. Телефоном можно пользоваться только в случае крайней необходимости.

Слушая наставления президента, Хирамэ вдруг почему-то подумал об одноклассниках из Нады. Если он хочет угнаться за теми, кто поступил в старшие школы, у него нет другого пути, как разбогатеть. Поэтому теория бережливости, кото-

рую исповедовал президент, вызывала у Хирамэ большой интерес.

«Так что я решил стать прижимистым, копить денежки, как наш президент, и выйти в люди, — писал Хирамэ своим корявым почерком. — Я не считаю, что деньги — это все, но когда у человека нет денег, его ни во что не ставят; без них невозможно встать на ноги. Чем скорее я это сделаю, тем больше надежд, что когда-нибудь *она* может посмотреть в мою сторону. Я ее не забыл, каждый день думаю о ней. Я не надеюсь, что она выйдет за меня замуж, но я хочу стать человеком, чтобы она не смотрела на меня сверху вниз, если мы еще когда-нибудь увидимся».

В следующем письме Хирамэ писал, что он все больше проникается уважением к своему президенту.

«Если надо угостить клиентов, он всегда их ведет в ресторан сукияки[29]. Знаешь почему?»

Скажем, на обеде должны быть пять человек, а президент заказывает в ресторане на троих. Потом он поручает Хирамэ или другому молодому

[29] Примечания: 29

Блюдо японской кухни, главным компонентом которого традиционно являются тонко нарезанные ломтики говяжьего мяса и овощи, которые варятся с соевым соусом и сахаром. Особенностью блюда является то, что оно употребляется в процессе варки за общим столом.

сотруднику купить в лавке мяса еще на двоих и тайком принести в ресторан. И когда официантка не видит, он подкладывает купленное мясо в ресторанные порции.

«Так можно, заплатив за троих, накормить пятерых. Президент смеялся, потому что за соевый соус и сахар в ресторане денег не берут. Ешь сколько хочешь. Я был в восторге».

Одзу читал эти письма с облегчением: Хирамэ чувствует себя нормально в новом мире. Не иначе как он относился к типу людей, которые приживаются везде.

И конечно, Одзу не приходило в голову, что его друг и вправду мог пропитаться духом меркантилизма, царившим в его фирме.

Поэтому когда он наконец, после долгого перерыва, увидел Хирамэ, удивлению его не было предела.

Хирамэ, сосланный из Осаки в Ако, вернулся домой на обон[30]. Одзу отправился его встречать на станцию Санномия.

Пока поезд медленно вползал на станцию, Одзу переживал о том, как отреагирует Хирамэ, увидев его в форме колледжа Р.

---

[30] Примечания: 30

Японский праздник поминовения усопших. Отмечается во второй декаде августа.

На противоположной платформе висел плакат, на котором большими иероглифами славились солдаты, отправляющиеся на войну. Под плакатом семья провожала наголо остриженного парня в костюме, ожидавшего своего поезда. С первого взгляда было понятно, что он отправляется на войну. Глядя на него, Одзу чувствовал, будто, оставаясь студентом, делает что-то нехорошее, и опустил глаза.

Наконец состав, на котором приехал Хирамэ, остановился у платформы.

— Эге-й!

Одзу увидел Хирамэ, высовывавшего из тамбура голову и махавшего ему рукой.

Лицо приятеля совершенно не изменилось — все такое же невзрачное. В костюме с чужого плеча и красных ботинках Хирамэ выглядел ребенком, которого нарядили во взрослую одежду. Его волосы были зачем-то напомажены и разделены на пробор. Не иначе как он просто решил отмочить хохму, на что был большой мастер.

— Я тебя не узнал. Честное слово. Ты прямо как певец вырядился.

— Правда? — Хирамэ с самодовольным видом поднес руку к галстуку. — Вот, думаю, мамаша удивится. Я все это в рассрочку купил.

— Ты каждый день так на работу ходишь?

— Шутишь? Покажись я в таком виде, президент мне такой втык сделает. Торговцу запрещено наряжаться. На работу надо ходить в рабочей одежде.

Хирамэ оглядел студенческую форму, в которой пришел Одзу, и вздохнул:

— Она мне все-таки больше нравится.

Приятели вышли со станции и отправились в пристанционное кафе-кондитерскую. Теперь они могли, как взрослые, свободно ходить в кафе, что в школе им запрещалось. И это тешило самолюбие Одзу.

После того как они устроились за столиком, Одзу достал из кармана сигареты «Золотой коршун», ногтем выбил одну сигарету из пачки:

— Закуришь?

Одзу хотел показать Хирамэ, что, после того как они окончили школу, курение уже вошло у него в привычку.

Хирамэ улыбнулся во весь рот и вытащил из кармана пиджака табачного цвета пачку. «Сияние». Дороже «Золотого коршуна».

— Это что такое? Шикуешь? — удивился Одзу. — В письме писал, что тебя одолел дух скупости… Что-то непохоже.

— Неправда твоя. Настоящий жмот именно так делает. — Хирамэ покачал головой. — Президент раскрыл мне глаза. Когда покупаешь дешевые сигареты, вроде твоего «Коршуна», куришь одну за одной и не жалеешь. Но если у тебя сигареты дорогие, ты себя сдерживаешь и почти не куришь. Кроме того, дорогие сигареты на людей впечатление производят. Так что одним выстрелом двух зайцев убиваешь.

Он открыл пачку и показал Одзу. Все сигареты были целы.

— Не выбрасывай спичку! — вдруг закричал Хирамэ. — Сгоревшие спички нужно аккуратно складывать в коробок. В мире нет бесполезных вещей. Взять эти спички. Ими же можно потом разжечь огонь, когда будешь греть фуро.

Пряча улыбку, Одзу слушал друга, слова которого очень напоминали директивы его президента. Он заглянул в лицо Хирамэ и по его выражению понял, что тот говорит совершенно серьезно.

В этот момент с улицы донесся шум толпы. В окно они увидели группу домохозяек с усталыми лицами из Женской лиги за национальную оборону, державших в руках бумажные флажки с восходящим солнцем.

— Кто-то уходит на войну, — пробормотал Хи-

рамэ. — Везде провожают призывников.

— Угу…

— Ужас. Нас тоже могут когда-нибудь забрать.

Одзу молча кивнул. Но он еще не мог представить себя солдатом. Они с Хирамэ были в разном положении. Между ним, студентом, имеющим право на отсрочку от призыва в армию, и Хирамэ, у которого этого права не было, открывалась целая пропасть.

— Когда же эта война кончится?

— Давай о чем-нибудь другом поговорим. — Одзу хотелось, чтобы встреча с Хирамэ, которого он не видел так долго, проходила повеселее. — То, что ты рассказывал про жмотство, куда интереснее.

— Ну да. Хочешь расскажу про тест, который придумал наш шеф? Он отлавливает новичка и задает ему чудную загадку. Как проверить, поглядев только на содержимое чьего-нибудь кошелька, разбогатеет этот человек в будущем или нет?

— И что же это за тест?

Людские голоса постепенно стихали в отдалении. В кафе вошел новый посетитель.

— Покажи кошелек.

— Кошелек? Мой?

— Ну да.

Одзу достал кошелек из брючного кармана. Хирамэ, не переставая моргать, изучил содержимое.

— Н-да. Ничего хорошего. — Он печально покачал головой. — Ты никогда не станешь богачом.

— Почему?

— У тебя здесь пять бумажек по десять сэн. И еще три по пятьдесят, так?

— Ну и что такого?

Вернув кошелек, Хирамэ заговорил негромко и спокойно, будто преподавал другу важный урок:

— Послушай, что говорит наш шеф. Люди легко тратят мелкие деньги. Разменял крупную бумажку, глянь: а уже ничего и не осталось. Собралось пять бумажек по десять сэн, обмениваешь их на монету в пятьдесят сэн. Две таких монеты — это уже одноиеновая купюра. Накопил десять иен — несешь в банк. Без такого подхода денег не сделаешь… это я точно знаю.

— Ты прямо без ума от своего президента.

— Это точно. Я думаю, он великий человек. Он по-настоящему, глубоко проникся своими идеями. До такой степени, что их почти на вкус ощущаешь.

Сам Одзу считал, что президент просто поме-

шался на деньгах, но мнения своего высказывать не решился. Он был искренне рад, что его друг, не сумевший продолжить учебу, был вполне доволен своим нынешним положением.

— Значит, хорошо, что так получилось? Что ты в эту фирму попал?

— Ну да. Я тоже так считаю.

Друзья собрались уходить. Одзу хотел было расплатиться, но Хирамэ остановил его:

— Нет уж, дай я.

— Но это же будет нарушением духа, который вы там у себя исповедуете.

— Сегодняшний день — исключение. Ведь когда-то ты угощал меня кусикацу в храме Эбису.

Хирамэ осуждающе взглянул на Одзу, когда тот швырнул пустую пачку от сигарет в мусорную корзину.

— Ну что ты делаешь?! Она бы еще пригодилась для чего-нибудь. Не бывает на этом свете бесполезных вещей.

Прошло несколько месяцев. Атмосфера военного времени сгущалась — ввели карточки на сахар и спички, рестораны и кафе стали работать только с пяти до восьми, в колледже Р., куда ходил Одзу, увеличили часы на военную подготовку. Но студенты еще жили студенческой жизнью.

Одзу постепенно привык к жизни на подготовительном отделении, хотя это далось ему нелегко. Появились у него и новые друзья. Они научили его, как можно прогуливать занятия и вместо них закатиться к кому-то домой и резаться в маджонг или сгонять где-нибудь партию в бильярд. Одзу пристрастился к курению и узнал, как втирать масло в форменную фуражку, чтобы она блестела как кожаная.

Так постепенно фигура моргуна Хирамэ растворялась в памяти Одзу. Он стал лениться писать другу, письма от того тоже прекратились.

Однажды ясным сентябрьским днем слушатели подготовительного отделения колледжа Р. отправились на работы на военный завод в Амагасаки. Уже год или два руководство колледжа раз в два месяца посылало на трудовую повинность своих студентов.

Одетые в форму для занятий военной подготовкой студенты под руководством заводских рабочих полдня таскали со склада тяжелые заготовки.

— Зачем нас заставляют этим заниматься? — недовольно ворчали все. — Какой толк стране от того, что студенты корячатся с этими железяками?

После того как с них сошло семь потов и они вдоволь наглотались на складе пыли, их наконец освободили от непривычного физического труда.

По окончании работы Одзу в компании друзей — их было четверо или пятеро — пошел на электричку. Они собирались поиграть в маджонг у кого-нибудь в общежитии.

Громко переговариваясь, юноши вместе с другими пассажирами вошли в залитый солнцем вагон. Одзу скользнул взглядом по окружающим, и у него невольно перехватило дыхание.

В середине вагона на скамейке сидела Айко Адзума.

Ее трудно было узнать. Это была уже не девочка в матроске, которая шла с портфелем в руке по берегу Асиягавы. Белоснежное кимоно, завитые перманентом волосы. Она разговаривала о чем-то с женщиной в годах, которая стояла рядом, держась за кожаную петлю. Не замечая, что за ней наблюдают, Айко изредка кивала и поглядывала в окно печальными глазами.

— Ты чего? — ткнул Одзу в бок один из приятелей. — В маджонг едешь играть?

— Угу.

Взгляд Одзу, однако, был прикован к Айко Адзуме. Как она похорошела и повзрослела! В его

памяти она жила обыкновенной девчонкой, ничем не отличающейся от остальных. Но теперь, после такого долгого перерыва, она совершенно изменилась — будто из куколки превратилась в прекрасную бабочку.

Электричка подошла к станции Котоэн, ехавшая вместе с Айко пожилая женщина поторопила ее и сняла с багажной сетки что-то, завернутое в фуросики[31].

Не подозревая о существовании Одзу, две женщины прошли мимо него к дверям вагона.

— Будь осторожна, — предупредила Айко пожилая женщина. — Упадешь, не дай бог, можешь ребеночка зашибить.

Айко улыбнулась, кротко кивнула и вышла из вагона. Двери закрылись.

«Ребеночка…» Эти слова засели в голове Одзу. «Ребеночка…» Значит, она уже замужем? У него было ощущение, будто он получил дубиной по лбу.

Несколько дней Одзу не мог решить, сообщать об этой встрече Хирамэ или нет. Понятно, что когда-нибудь Айко должна выйти замуж, и тем не менее для него стало настоящим шоком, когда он

---

[31] Примечания: 31

Квадратный кусок ткани, который традиционно используется японцами для заворачивания и переноски предметов.

увидел ее уже чьей-то женой. Одзу мог представить, какие чувства будет испытывать Хирамэ, когда до него дойдет это известие и он услышит, что Айко в положении.

Одзу уже все знал, а раз так, решил он, лучше будет написать Хирамэ.

«Дружище, хочу тебе сообщить кое-что. Только ты не падай. На днях я встретил Айко Адзуму. Она меня не заметила, но…»

Письмо с этими словами с глухим стуком упало в почтовый ящик, напомнивший Одзу тот момент, когда Хирамэ с таким же звуком опустил в ящик свое признание в любви.

Странно, но ответ пришлось ждать долго. Прошло три дня, четыре… Даже открытки не было. Одзу чувствовал, как ему передается все горе, которое испытывал Хирамэ после его известия. Он знал своего друга — наверняка тот сидел и, моргая, просто смотрел на полученное письмо. Одзу живо представил себе эту сцену.

«Почему я… — подумал вдруг Одзу, — всегда о нем беспокоюсь?.. Я студент, поступил учиться в колледж Р. У меня своя жизнь…»

И все же Одзу не мог избавиться от мысли, какая тесная связь существует у него с Хирамэ. Пусть временами он забывает о приятеле, пусть

между ними прерывается переписка, все равно те или иные обстоятельства всегда опять сводят их вместе…

Через десять дней наконец пришло послание от Хирамэ. Одзу удивился, что дешевый коричневый конверт был отправлен заказным письмом.

«Можно было на заказное и не тратиться…»

Распечатав конверт, Одзу обнаружил в нем квитанцию денежного перевода на десять иен. В письме было написано:

«Извини, что обращаюсь к тебе с просьбой, но не мог бы ты ей что-нибудь купить? Шеф не дает мне отгула, чтобы я сам приехал, поэтому прошу тебя. И передай ей, что я буду молиться, чтобы она разрешилась благополучно. Или младенцу купи что-то. Сделаешь?..»

Одзу решил, что эти десять иен Хирамэ прислал из своих сбережений. Тех самых, что скопил с таким трудом после того, как превратился в скрягу…

«Идиот!.. — хотелось сказать Одзу при взгляде на цифру на квитанции. — Может, уже хватит? Она о тебе и думать забыла. Зачем ты тратишь на эту Айко собранные с горем пополам деньги?..»

Ругая приятеля, Одзу почувствовал укол боли в груди — ему вспомнились пляж в Асия и ка-

чающаяся на волнах маленькая черная головка Хирамэ, отчаянно пытавшегося догнать Айко.

«С этим парнем хлопот не оберешься! — Одзу, сидевший один в своей комнате, щелкнул языком от досады. — Все! В последний раз! Больше его идиотские просьбы я слушать не намерен…»

Одзу понятия не имел, что бы такое купить на присланные деньги. Хирамэ написал, чтобы он достал что-то будущему ребенку, однако детская одежда распределялась по талонам, и без талонов в универмаге ничего не получишь. Наступило время, когда всего стало не хватать.

После долгих колебаний Одзу решил просто передать Айко заказное письмо приятеля. Он прислал всего десять иен, но если ей рассказать, как тяжело Хирамэ приходится работать в Ако, чтобы что-то накопить, она, конечно, поймет его чувства.

В субботу после обеда, не поддавшись на уговоры коварных друзей, он сел на электричку и сошел на остановке у Асиягавы.

Как и прежде, на дорожке, что шла вдоль реки, людей попадалось мало; в больших, построенных в европейском стиле особняках по обе стороны реки было тихо. Одзу обратил внимание на несколько особняков, где металлические ворота

заменили на новые, деревянные. Он знал, что это делалось по распоряжению властей, согласно которому весь металл должен был направляться на производство вооружения. И в отличие от прежних дней Одзу теперь шагал по дорожке один.

На этом пути жили разные воспоминания, связанные с Хирамэ. Русло реки, возле которого произошла стычка с приставшими к ним парнями, место, где они впервые встретили Айко, мостик, где они увидели морского кадета, — все эти места будили в сердце Одзу невыразимую ностальгию.

Подойдя к дому, где жила Айко, он почувствовал робость, но все-таки набрался смелости и решительно надавил кнопку звонка. Служанка, которую Одзу уже видел раньше, открыла калитку и высунула голову наружу.

— Айко-сан дома? — глотая слюну, спросил Одзу.

Служанка недоверчиво взглянула на него:

— А как вас зовут?

Одзу назвал себя и услышал:

— Она вышла замуж… И живет в Нигаве.

— Нигава — это недалеко от Такарадзуки?

— Да.

Одзу спросил адрес — служанка насторожи-

лась, но все-таки сказала:

— Район Цукимигаока в Нигаве.

Одзу поклонился и заспешил восвояси. Служанка бросила ему вслед:

— Эй… их фамилия Нагаяма.

Ей, видимо, показалось странным, что Одзу так засуетился, и она улыбнулась, опустив глаза.

«Ну и идиот же этот Хирамэ! — ворчал себе под нос Одзу, шагая по дорожке. — Впутывает меня в такие дела. Черт знает что такое!»

Одзу случалось пару раз бывать в этой самой Нигаве. Так называлась станция на линии Ханкю-Имадзу и жилой район. Там росло много сосен и протекала небольшая речушка, вдоль которой выстроились дома европейского стиля.

«Столько времени приходится на него тратить!..»

Ему стало жаль испорченной субботы, которую он потратил не на себя, а на любовную историю Хирамэ, хотя какая же это любовь, раз за нее нет награды. Но, несмотря на это, он не мог избавиться от чувства, что его постоянно моргающий приятель шепчет ему откуда-то: «Не говори так, прошу тебя!»

Уже в сумерках он сошел с электрички на станции Нигава. На крошечной пристанционной

площади стояло всего три здания — пекарня, книжная и зеленная лавка. Других магазинов в окрестностях не наблюдалось. По берегу речки с белым каменистым руслом, уступавшей в размерах Асиягаве, в окружении сосен выстроились фешенебельные постройки. Одзу посещал это место всего дважды, и оба раза у него было ощущение, будто он оказался где-то за границей, в коттеджном поселке в горах.

В пекарне под вывеской «Кимура» он поинтересовался, как дойти до Цукимигаоки.

— А-а! Вам нужен дом Нагаямы?

Владелец пекарни знал, где живет семейство, куда попала Айко, выйдя замуж.

— Идите по этой дорожке направо. Там будет большой пруд. А там спросите кого-нибудь.

Одзу прошел немного по дорожке, на которую указал пекарь, и увидел пруд среди деревьев. Он подошел ближе; оказалось, что водоем довольно большой, на берегу стояла табличка с надписью: «Прокат лодок».

Новая семья Айко обосновалась за высокой стеной, в доме, построенном по западным архитектурным канонам. Одзу, одолеваемый, как и в прошлый раз, искушением дать деру, приложил палец к кнопке звонка.

Дверь отворилась. На пороге стояла Айко. На ней был широкий девчачий пояс-оби, волосы подвязаны черной ленточкой.

— О!

В ее голосе прозвучало легкое удивление. Одзу, на мгновение забыв самого себя, смотрел на девушку, казавшуюся ему намного моложе, чем когда он видел ее в прошлый раз.

— Я тебя помню. Ты ведь учился в Наде, правда?

— Извини. — Не зная толком, что сказать, Одзу несколько раз качнул головой, как это делают кузнечики. — Недавно я видел тебя в электричке. Ты ехала из Амагасаки с пожилой женщиной, а я ехал в том же вагоне. Я написал об этом Хирамэ, и он просил передать тебе это.

Глядя на Одзу, Айко слушала его сбивчивые объяснения и еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

— Что-то я не очень понимаю. Хирамэ — это кто?

— Мой друг. Тот, что как-то чуть не утонул в Асия…

— Ага! — Она хихикнула. Похоже, вспомнила. — Может, зайдешь?

— Нет. Да. — Одзу застыл на месте со стра-

дальческим выражением на лице. — Если не помешаю, можно на пять-десять минут?

— Пожалуйста.

Айко опустила глаза. Снимая обувь в прихожей, Одзу боялся, нет ли у него дырок на носках.

— М-м… Я всего на пять минут.

Прошли из прихожей в гостиную, где стояло несколько кушеток, накрытых белой материей. На стене висели какэмоно[32] с иероглифами, которые Одзу не смог прочесть, и часы с большим циферблатом.

— Это… — робко заговорил он, — дом твоего мужа?

— Дом принадлежит родителям моего мужа, — очень серьезно ответила Айко. Когда она произнесла слово «муж», Одзу показалось, что она вдруг стала намного старше него.

— Мы не знали, что ты вышла замуж.

— Да…

В разговоре наступила пауза, Одзу, не зная, что сказать, достал из кармана почтовый перевод на десять иен. Квитанция уже изрядно помялась и потерлась.

---

[32] Примечания: 32

Картина или каллиграфическая надпись на продолговатой полосе шелка или бумаги; вешается вертикально или хранится в свернутом виде.

— Хирамэ просил… передать тебе это. Он сейчас на фирме работает. В Ако.

— Хирамэ… но почему? — спросила она недоуменно, наклонив голову. — Зачем ему это?

— Он… м-м… — У Одзу не хватало слов. Он не понимал, как объяснить поступок друга.

— Он пишет в письме, чтобы я что-нибудь купил твоему малышу. Но я не знаю, что можно купить, поэтому просто принес деньги.

— Но почему?.. Я никак не могу понять.

Одзу зажмурился и выпалил одним махом:

— Уже давно, на пляже Асия, он бросился в высокие волны, хотя толком не умел плавать. Помнишь? Хирамэ… не подумал, что с ним будет, так ему хотелось поговорить с тобой. Все эти годы он повторяет, что никогда не забудет, как ты дала ему марлю.

Закончив свою речь, Одзу открыл глаза. Айко сидела, положив руки на колени, по ее лицу было видно, что она в полном замешательстве.

Наконец она раскрыла губы и выдавила:

— Однако… я… не могу это принять. Ведь я о вас почти ничего не знаю.

— Но… может, все-таки возьмешь? Он написал, чтобы я обязательно тебе передал.

Одзу положил квитанцию на колено девушки,

но бумажка тут же соскользнула на пол.

Какое-то время они молчали. Одзу пристально смотрел в пол.

— Большое спасибо, — пробормотала Айко. Она вдруг опустила голову и протянула руку, чтобы поднять квитанцию. — Когда родится ребенок, я куплю ему что-нибудь…

Двое опять замолчали. Не в силах больше выносить тишину Одзу спросил:

— А когда ты ждешь?

Айко с облегчением улыбнулась:

— Через полгода. Еще не скоро.

— Представляю, как муж обрадуется.

— Да, но… он в Курэ[33]. Не знаю, приедет ли он, когда будут роды.

— В Курэ…

— Он служит на флоте.

«Значит, в тот раз…» — хотел было сказать Одзу, но рот сам собой закрылся. Он вспомнил смуглого морского кадета, появившегося в тот день на мосту через Асиягаву.

— Ну, — Одзу быстро поднялся, — я пойду.

— Подожди!

Айко вышла из гостиной.

---

[33] Примечания: 33

Во времена Японской империи центр военного судостроения и крупная база Императорского флота.

«Все! Деньги я передал. Но больше я таких вещей делать не буду», — предупредил про себя друга Одзу.

Когда Айко вернулась, в руке у нее была маленькая авторучка.

— Э-э… вот. Не мог бы ты передать это Хирамэ? Мне нечего ему подарить. Папа привез мне эту ручку из Шанхая, когда я училась в гимназии Конан.

Ручка была черная, маленькая. Одзу положил ее в карман и кивнул.

Вернувшись домой, Одзу положил ручку в коробку. Как сказала Айко, ручка была немецкая. Похоже, она ей часто пользовалась — писала ручка не очень хорошо. Но одно можно было сказать точно: Айко ее любила и годами писала ей в классе и дома, за уроками.

Перед тем как положить ручку в коробку, Одзу представил, что почувствует Хирамэ, когда ее получит. И еще он думал, почему Айко решила сделать Хирамэ такой подарок. Эта ручка, скорее всего, Айко больше не нужна, но наверняка она будет иметь в дальнейшей жизни Хирамэ большую важность.

Спустя неделю после того, как Одзу отправил другу ручку, от него пришло письмо, написанное

теми же каракулями. Хирамэ писал, что будет хранить ручку всю жизнь, и еще просил у Одзу извинения и обещал больше его не беспокоить. Прочитав до конца письмо, Одзу почувствовал, что сделал для друга все, что должен был сделать.

Осень кончилась. Однако Одзу и его друзья еще не понимали, что приближается момент, который перевернет их жизнь.

Утром в начале декабря Одзу разбудила мать.

— Просыпайся! Просыпайся!

— Колледж… — Одзу высунул из-под футона сонную физиономию, — после обеда пойду. Дай еще немножко поспать.

— Да проснись же! Началась война с Америкой!

Он вскочил с постели и схватил экстренный выпуск газеты, который протягивала ему мать. В глаза бросились черные иероглифы: «С рассвета 7 декабря Япония и США находятся в состоянии войны на Тихом океане».

— Ура! — воскликнул Одзу. — Началось!

— Что теперь будет? Тебя ведь тоже могут забрать? — Мать с тревогой посмотрела на него. — Какой ужас!

— Ну что ты говоришь?! Япония раздолбает

Америку!

Одзу проглотил завтрак и выскочил из дома. Может, в колледже больше знают о том, что происходит.

На станции Умэда из громкоговорителя гремел военно-морской марш. После марша по радио стали передавать новости, от которых пассажиры пришли в большое возбуждение. Новости кончились, и из толпы вдруг донеслись крики: «Банзай!»

В колледже никаких подробностей Одзу не узнал. По вопросу, который больше всего волновал студентов — отменят ли отсрочку от призыва, — похоже, пока никаких решений не было.

— Наконец настало время столкновения между цивилизацией японского духа и иностранной цивилизацией материализма, — объявил перед началом занятий преподаватель философии. Голос его срывался.

— Проблема преодоления чужеродного влияния тоже поставлена на карту в этой войне. Сегодня утром я подумал, что миссия Японии заключается в том, чтобы нанести последний, решающий удар по уже зашедшей в тупик иностранной культуре.

Однако Одзу и его товарищей куда больше этой сложной риторики интересовали поступающие одно за другим сообщения о военных успехах.

Фотография

В тот вечер Эйити, у которого было ночное дежурство, поужинал в грязноватом китайском ресторанчике и вернулся в отделение.

В опустевшем офисе стояли в ряд заваленные всякой всячиной столы. Среди пробирок, книг и пустых коробок из-под лекарств были оставлены пустые бутылки из-под виски, чашки.

Эйити сунул в рот сигарету. Обнаружив, что у него нет спичек, он огляделся по сторонам — может, у кого-то на столе валяется коробок. И заметил на столе Курихары банку с трубочным табаком.

Табак был американский. Курихара иногда курил в отделении сигары и трубку.

Без всякой задней мысли Эйити взял в руки банку, посмотрел, что на ней написано. Потом открыл крышку.

В банке оказалась маленькая фотография, покрытая тонким слоем табачной пыли.

На фотографии была женщина в пальто, за спиной у нее простиралось море. Она смотрела в камеру, щурилась на солнце и улыбалась. На обо-

роте снимка было выведено неустановившимся почерком: «На память от поездки в Симоду».

Эйити какое-то время смотрел на фотографию.

«Такое впечатление, что я ее где-то видел…»

Точно видел. Только не мог вспомнить где. Обнаружив фото, он сначала подумал, что это Ёсико Ии, но, посмотрев на снимок, убедился, что это не она, и вздохнул с облегчением.

Эйити уже собирался положить фотографию обратно в банку, но передумал и сунул ее в карман. Потом взял банку, выключил свет и вышел из офиса. Пройдя до конца безлюдного коридора, он выбросил банку в мусорную корзину.

«Заметит Курихара завтра, что банка исчезла?»

Если даже заметит, но вида не подаст, значит, женщина на фотографии ему не дорога, размышлял Эйити.

Он не считал, что делает что-то дурное. В его представлении это была всего лишь маленькая шутка. Особого любопытства или интереса женщина на фото у него не вызывала.

Но когда он поднялся по лестнице и бросил взгляд на пост медсестер, ему в голову пришла неожиданная мысль: «Хм-м. А может, эта женщина… одна из наших сестричек?»

— Как состояние пациентов? Есть изменения? — поинтересовался Эйити у молодой медсестры, заполнявшей журнал.

— Нет. Ничего нет.

Из палат по обе стороны коридора доносились голоса и звук работающего телевизора. На раздаточной тележке были сложены алюминиевые подносы.

«Вы не знаете эту сестру? Из какого она отделения?»

Эйити хотел было достать из кармана фотографию и задать эти вопросы ничего не подозревающей молодой сестре, корпящей над журналом. Он знал, что сестры постоянно сталкивались друг с другом в общежитии, даже если работали в разных отделениях.

— Я буду в дежурной палате. — Эйити передумал и вынул руку из кармана. — Звоните, если что.

Ночь прошла спокойно, наступило утро.

Эйити умылся, заглянул на пост медсестер, расписался в журнале ночных дежурств: «Дежурство прошло нормально», поставил личную печать и вышел из больницы. Выпил в кафе чашку кофе и вернулся в отделение.

Один за другим стали появляться сотрудники.

— Доброе утро! — привстав на стуле, приветствовал Эйити начальство.

— Как ночь прошла?

— Без изменений.

— Что у нас сегодня?

— После обеда совещание по намеченным на послезавтра операциям.

Курихары еще не было. Конечно, никто не заметил, что с его стола исчезла пустая банка от табака, а если бы и обратили внимание, ничего особенного не подумали бы.

Пришел завотделением и стал кому-то названивать. Потом с озабоченным видом вышел из кабинета, и наконец появился Курихара. Он поставил сумку, покопался на столе, выдвинул ящик. От Эйити не укрылось, что пропажа банки не осталась незамеченной. На лице Курихары промелькнуло удивление, он покрутил головой по сторонам.

— У меня на столе стояла банка. Никто не брал?

— Я не брал, — безжизненным голосом отозвался кто-то.

— Я точно помню, что оставил ее здесь вчера… — Курихара наклонил голову набок.

Эйити сунул руку в карман. Пальцы коснулись

обреза фотографии.

«Из какого же она отделения?»

Вряд ли Курихара стал бы расспрашивать о пропавшей банке, если бы карточка ничего для него не значила, думал Эйити. Он встал и вышел из комнаты.

Он точно где-то видел эту медсестру, но наверняка знал одно: она не из хирургии.

В коридоре Эйити искоса поглядывал на сестер, мимо которых он проходил. Нет, среди них ее не было.

«Может, спросить Кэйко Имаи?» — вот что вдруг пришло ему в голову. Но он тут же подумал, что нельзя хотеть от Кэйко слишком многого после того, как он с ней порвал.

В больнице стартовал очередной шумный день. Осмотр еще не начался, но в коридоре на кушетках уже ожидали своей очереди амбулаторные пациенты. В регистратуру тоже выстроилась небольшая очередь. Ни дня не обходилось в больнице без страждущих людей. И Эйити был одним из тех, кто облегчал людские страдания.

— Доктор Одзу! — вдруг услышал он чей-то голос. Эйити обернулся и узнал своего пациента из хирургического отделения, выписавшегося из больницы с месяц назад.

— О! Уно-сан! Как вы после операции?

— Все нормально. Вот пришел на рентген. Время подошло.

Эйити сделал серьезное лицо и кивнул:

— Только вам нельзя перенапрягаться после операции. Три месяца.

В пятницу одному пациенту удалили легкое. Три года назад ему сделали торакопластику[34], однако выяснилось, что с гнойными полостями в легком должным образом справиться не удалось. Состояние пациента ухудшилось, и легкое пришлось удалить.

Операцию делал завотделением Утида с тремя помощниками. Одним из них был Эйити.

Плевральные спайки оказались очень плотными, и их иссечение потребовало много времени. Операция началась в десять утра и продолжалась почти до четырех. Когда сестра вывезла еще не отошедшего от наркоза пациента на каталке в коридор, Эйити и его коллеги почувствовали, как они устали.

Умывшись, трое ассистентов Утиды вернулись в отделение. Промочили горло пивом, которое

---

[34] Примечания: 34

Торакопластика — операция, применяемая на грудной стенке с целью ее мобилизации и создания новых условий, влияющих на функцию легких, плевры или сердца.

принесли родственники прооперированного, и в это время вошел шеф.

— По-моему, у него все нормально. Надо было с самого начала отнять легкое, но в больнице, где он до этого лечился, все тянули с этим делом, а нам пришлось разгребать.

Он налил в свой стакан пива и залпом осушил его.

— Но мне кажется, есть опасность образования трахеальной фистулы, — бросил со своего места кто-то.

Трахеальная фистула — это осложнение, которое часто возникает после операции по удалению легкого, когда трахея поражена туберкулезом. Образование фистулы серьезно затрудняет лечение. Принятая практика в таких случаях — не удаление легкого, а проведение торакопластики.

— Потому-то туберкулез трахеи и надо подавлять посредством медикаментозного лечения. Рецидив у пациента, возможно, проявился потому, что там, где его прежде лечили, толком не разобрались с препаратами. Сегодня мы этот вопрос решили.

Утида торжествующе посмотрел на подчиненных:

— Я ухожу домой. — Он принялся наводить

порядок на своем столе. — Одзу-кун! Ты тоже можешь идти.

Конечно, Одзу тоже собирался домой. Все, кто участвовал в операции, были свободны, оставался только лечащий врач.

— Спасибо. Я пойду.

— Что это ты сегодня такой довольный? На свидание торопишься?

Эйити натянуто улыбнулся, положил в сумку книги. С прошлого дня он раз за разом напоминал себе, что его ожидает свидание с Ёсико в гольф-центре.

«Куда пойти после обеда?» — думал он. Разговоры в кафе его уже не привлекали. Кино этого молодого врача тоже мало интересовало.

«Надо обсудить с ней по телефону».

Он остановился у красного телефона-автомата, стоявшего в вестибюле больницы, и терпеливо дожидался своей очереди рядом с вцепившимся в трубку мужчиной средних лет.

Телефон наконец освободился. Эйити набрал номер, который помнил наизусть. Трубку взяла сама Ёсико.

— Ии у телефона. — Ее голос звучал музыкой в его ушах.

— Это Одзу… — начал он и продолжил: — Сегод-

ня мы договорились встретиться, помните?

Эйити произнес эти слова таким приподнятым тоном, который ему самому показался развязным.

— Где мы встретимся?

— Я не смогу… Извините, — проговорила она смущенно.

— Не сможете? Что-нибудь случилось?

— Папа сказал, что я должна пойти на ужин вместе с ним, Курихарой-сан и его отцом…

Услышав эти слова, Эйити всем сердцем возненавидел Курихару, этого верзилу с мясистой физиономией.

Эйити испытывал к нему отвращение.

Он ненавидел Курихару за то, что тот нанес удар из-за угла и лишил Эйити свидания с Ёсико, которого он добился с таким трудом и ожидал с таким нетерпением со вчерашнего дня — нет, целую неделю.

«Кухихара сделал это благодаря тому, что его папаша — президент фармацевтической компании».

Профессор Ии и отец Курихары собираются на ужин и берут с собой дочь и сына. Эйити не знал, где они будут ужинать, но мог представить, о чем пойдет разговор. О фондах на проведение

исследований в новом онкологическом центре, который будет создан в этом университете, о том, как в обмен на эти деньги профессор Ии будет проводить дополнительные клинические исследования антиракового препарата, разработанного фармацевтической компанией отца Курихары. После обсуждения этих вопросов разговор вполне может перейти на тему, как поженить Курихару и Ёсико.

Эйити представлял себе эти картины, и его кулаки сжимались от зависти. Не потому, что он терял Ёсико. Это была зависть человека, за спиной которого нет никакой поддержки, к преуспевающему сопернику, имеющему за спиной отца.

«А я?.. Если бы мой старик отличался какими-то способностями, мне бы не приходилось теперь пережевывать эти жалкие мысли.

А я?.. Я тоже хочу преуспевать, как и ты. Но мне приходится всего — от самого начала до конца — добиваться самому».

Все в нем кричало при одной мысли о гладкой курихариной физиономии, его узких глазках. В этот момент ему почему-то представилась рядом с Курихарой поникшая фигура Тахары.

«Конечно, на Ёсико Ии свет клином не сошел-

ся, — говорил себе Эйити. — Когда-нибудь я ее добьюсь, но...»

Такая месть будет для Курихары наиболее болезненной, думал он, понимая в то же время, что она повредит и его положению. Должна быть другая форма мщения — более тонкая, скрытая.

Эйити снова снял трубку телефона и связался с оператором:

— Пост медсестер в терапевтическом отделении, пожалуйста.

Он ощупал карман пиджака. Фотография была на месте. Проведя пальцем по обрезу снимка, проговорил другим голосом:

— Это пост? Имаи-сан, будьте добры... Как дела?

Эйити почувствовал, как у Кэйко на миг перехватило дыхание.

— Давно не виделись. Я сегодня не работаю. Может, поужинаем вместе?

Кэйко молчала. Похоже, пыталась догадаться, что задумал Эйити.

— Если ты занята, ничего не поделаешь, конечно, но... сегодня утром у меня была операция, все прошло замечательно, и у меня классное настроение. Ну как? Придешь?

— При-иду, — тихо ответила Кэйко.

— Отлично! Буду ждать тебя в Роппонги. Помнишь кафе, где мы как-то сидели? У тебя смена в пять? Тогда давай в шесть. О'кей?

Эйити не дал ей ничего сказать и повесил трубку.

«На Ёсико белый свет клином не сошелся, — повторил он про себя. — И потом, Курихара-сан, я не единственный негодяй в этой истории. Это ты меня толкнул на это…»

Кэйко Имаи появилась в кафе в Роппонги в шесть часов, как обещала. Застыла в дверях с напряженным выражением на лице и, увидев Эйити, молча села за столик.

— Давно не виделись, — с шутливой усмешкой проговорил он. — Пошли отсюда. Я страшно голоден. Операция сегодня прошла без сучка без задоринки, но я устал как собака, пока резал эту плевру.

Кэйко едва успела прикоснуться к чаю, который поставила перед ней официантка, как Эйити торопливо поднялся с места. Они вышли на улицу, по которой фланировала модно одетая молодежь; по закатному небу плыли прозрачные облака. Эйити очень бы хотелось, чтобы сейчас с ним была не Кэйко, а Ёсико.

Сказать по правде, он совершенно не любил

Кэйко Имаи, которая шла сейчас с ним плечо к плечу. Его лицо заливала бледность всякий раз, когда она прижималась к нему, словно они еще оставались любовниками. Откуда-то из глубины души поднималась неприязнь к девушке. Он очень жалел, что у него хватило глупости вызвать Кэйко на свидание. Чем скорее он от нее избавится, тем лучше.

В маленьком ресторанчике, где подавали суши, Эйити выпил сакэ, Кэйко работала палочками.

— Ты жалеешь, наверное.

Эйити молчал. Догадалась, что ли, что у него на душе?

— Что пригласил меня сюда…

«Само собой», — пробормотал про себя Эйити, но вслух произнес с дежурной улыбкой:

— Ты в своем ключе. В последнее время только об этом и спрашиваешь…

— Тогда почему ты повесил трубку, когда я тебе звонила?

— Сколько раз я уже тебе говорил: не надо звонить мне домой. Сестра… мать подслушивают.

— Раньше что-то никто тебя не подслушивал. Все ты врешь. Я знаю.

Эйити быстро скользнул взглядом по хозяину заведения. Тот орудовал ножом, показывая своим

видом, что он ничего не слышит.

— Если знаешь, зачем тогда пришла?

Медсестра молчала, крепко сжимая в обеих руках чашку с чаем. И неожиданно выпалила:

— Меня зовут замуж.

— Ого! — Глаза Эйити вдруг сверкнули. — Так это здорово, да? Смотрины уже были? Что он за человек?

— Он управляющий бензоколонкой.

— Если он хороший парень, выходи за него.

— Я так и думала, что ты это скажешь, — проворчала Кэйко, уставившись на чашку. — Ты, наверное, подумал: «Ну, слава богу!» Но так дело не пойдет.

— Почему это?

— Хочешь остаться чистеньким? Не выйдет. Я от тебя просто так не отстану!

Эйити хотел рассмеяться, но не получилось. «Она ведь это серьезно».

— Пойдем отсюда.

Он встал, держа в руке счет, и в голове его мелькнуло:

«Вот еще одна помеха. Курихара, теперь эта подруга… Эта парочка стоит у меня на пути, словно кирпичная стена».

Выйдя из ресторана, они остановили такси, у

которого на табло горели красные иероглифы: «Свободно».

— В Харадзюку, — сказал Эйити водителю, складывая руки на груди. В этом районе находился маленький спа-отельчик под названием «Марк», куда он несколько раз возил Кэйко. Так что она должна была хорошо понимать, что это значило, когда он сказал: «В Харадзюку». Понимала, но сидела молча, не возражая.

«Если бы Ёсико не отказалась от свидания, я не ехал бы сейчас в Харадзюку с этой девицей, — рассеянно глядя в окно на неоновые огни и подсвеченные вывески магазинов, думал Эйити. — Раз не получается с Ёсико, можно будет с Кэйко переспать».

— Скажи что-нибудь. Терпеть не могу, когда ты молчишь, — проговорила Кэйко шепотом, чтобы водитель не услышал, и потянулась, чтобы взять Эйити за левую руку. Помня, как она грозила не оставлять его в покое, он оттолкнул ее руку.

Миновав район Гайэн, такси выехало на проспект в сторону Харадзюку, потом свернуло на боковую дорогу и остановилось перед маленькой гостиницей. Эйити расплатился с водителем и, как он это обычно делал, быстро скрылся в дверях. За ним на удалении, пряча лицо в воротнике

плаща, последовала Кэйко.

Горничная проводила их в номер, где Эйити одним глотком осушил чашку безвкусного чая.

— Иди в ванную. — Движением подбородка он указал на крошечную ванную комнату.

— Ты уверен? — На губах Кэйко появилась тонкая саркастическая усмешка. — Неужели опять захотелось?

— Это ты про что?

— Ты же хочешь со мной порвать, разве нет?

— Порвать, не порвать… подумаешь, какое дело. Но если ты так думаешь, зачем пришла? Раз это тебя ранит — можем прямо сейчас отсюда уйти.

Эйити сунул в рот сигарету и посуровел.

— Я на это дело смотрю просто, без ажиотажа. Это все равно что вместе поужинать или сходить в кино. У нас в больнице многие молодые врачи крутят с сестрами. Ты же знаешь.

— А я не такая.

— Ну и дура. Чего ты выпендриваешься? Все это делают. Взять Курихару из клинического отделения… — С этими словами он опустил руку в карман и бросил на стол, весь в пятнах от чая, фотографию. — Вот с этой сестрой развлекается.

Кэйко с нескрываемым любопытством уставилась на фото.

— Ого! Это же Симада!

— Из какого отделения?

— Ухо, горло, нос… — Кэйко вдруг подняла на Эйити глаза. — Откуда у тебя эта фотокарточка?

Эйити выпустил изо рта струйку дыма и сказал безразлично, как бы между прочим:

— Она лежала в книжке, которую я взял почитать у Курихары. В нашем отделении все одинаковые. Я не могу понять: ты одна серьезно к этому относишься…

Часом позже…

Издалека донесся шум проходящей электрички. Эйити опять, как и пару часов назад, когда они приехали в это место, вышел первым и направился из отеля по темному переулку к улице, где можно поймать такси. Теперь, когда дело сделано, он с трудом переносил присутствие Кэйко рядом, хотя, занимаясь с ней любовью, такой острой неприязни он не ощущал. Даже близость ее дыхания теперь вызывала у него раздражение.

«Впрочем, я ничего не потерял. — Эйити слышал за спиной шаги Кэйко. — Нужную информацию она мне выложила. Точно! Чтобы женщину разговорить, надо с ней переспать…

Он вспомнил, какие слова нашептывал Кэйко

на ухо, обнимая ее.

В такси Эйити почти не открывал рта. Когда они подъезжали к станции Харадзюку, он протянул Кэйко тысячеиеновую банкноту:

— Я домой на электричке… Тебе на дорогу до общежития хватит.

Эйити повернулся и зашагал к станции. Кэйко что-то сказала ему вслед, но он ничего не ответил.

«Значит, ее зовут Нобуэ Симада… Сестра из уха, горла, носа…»

Дойдя до станции, он, чтобы не забыть, записал это имя в блокнот. У него еще не было никакой мысли, как воспользоваться тем, что ему стало известно, но в любом случае теперь он знал секрет Курихары.

Часы на платформе показывали одиннадцать. Ёсико Ии с отцом, наверное, уже вернулись домой. И Курихара наверняка тоже дома.

От одной мысли, о чем ворковали между собой голубки в окружении своих папаш, Эйити закипал от ревности. Должно быть, компания трапезничала в каком-нибудь пафосном ресторане в Акасаке или на Янагибаси. Он как будто воочию увидел картину: все четверо подливают друг другу сакэ под ослепительно сияющими

люстрами. Услышав, как скользит вдоль платформы подошедший поезд, Эйити представил тусклое освещение отельчика, номер с задвинутыми ставнями, который он покинул несколько минут назад.

У ворот отчего дома была припаркована «королла». Эйити узнал машину участкового доктора, жившего неподалеку.

«С матерью что-то?..»

Отворив дверь в прихожую, он увидел перед собой доктора, который обувался, собираясь уходить. Мать и сестра вышли его проводить.

— Это ты? — воскликнула мать. — Отцу опять плохо, пришлось вызвать врача.

— Что такое?

Доктор слегка замялся:

— Наверное, не надо было меня вызывать. В вашей семье есть собственный врач, но…

— Что с отцом?

— Он выкашлял немного крови, — тихо ответил доктор. — Наверняка из желудка. Что нужно было сделать срочно, я сделал, но мне кажется, ему лучше сделать рентген в вашей больнице.

— У него уже это было на днях. Я его осматривал.

— Думаю, ничего серьезного. — Доктор поко-

сился на мать и сестру Эйити. — Может быть, язва желудка на ранней стадии.

— Понятно. — Эйити поблагодарил доктора. — В ближайшее время отвезу его к нам в больницу.

Через пять дней Одзу посетил больницу, где работал его сын, чтобы сделать рентген. Он уже несколько раз бывал здесь, но на обследование приехал впервые.

Он позвонил в клиническое отделение из запруженного посетителями вестибюля, и Эйити быстро вышел его встретить. Выполнив за отца все необходимые формальности, он сказал:

— Пойдем сразу на рентген.

— А к терапевту не надо?

— Между прочим, я работаю в этой больнице. Врачом, — с раздражением ответил Эйити. — Делай, пожалуйста, как я говорю.

Шагая по коридору, где ожидали приема амбулаторные больные, и глядя на сына в белом халате, легким поклоном головы приветствовавшего проходящих мимо, Одзу испытывал одновременно удовлетворение и радость. Конечно, Эйити отличался от него, по-другому смотрел на вещи, но он в присущем ему стиле делал полезную для всех этих людей работу.

— Народа полно. У каждого кабинета сидят, —

отметил Одзу, но Эйити, видимо, неправильно его понял.

— Я попросил, чтобы тебя приняли без очереди.

— Ты тоже там будешь?

— Да, буду.

У рентгеновского кабинета, над которым горела красная лампа, с опущенными головами сидели пять-шесть пациентов.

— Я могу подождать своей очереди…

— У меня дел куча. Заходи, пожалуйста.

В затемненном помещении Одзу увидел двух мужчин в защитной амуниции, напоминающей ту, что надевают кетчеры в бейсболе.

— Тадзу-сэнсэй, это мой отец, — представил Одзу сын.

Одзу, оказавшийся в окружении рентгеновского оборудования, поблагодарил рентгенолога:

— Я вам очень признателен за то, что вы делаете для моего сына.

Одзу разделся до пояса и встал на платформу рентгеновского аппарата. Эйити протянул отцу стакан, наполненный белой жидкостью, и листок бумаги, на котором лежало несколько похожих на маленькие фасолины таблеток.

— Отец, выпей, когда Тадзу-сэнсэй тебе ска-

жет, — распорядился он.

— Пейте залпом.

Жидкость была густая и неприятная на вкус. Ощупывая подреберную область, врач попросил Одзу выпить еще и задержать дыхание.

Одним стаканом дело не ограничилось. Одзу пришлось заталкивать в себя жидкость еще и еще. Он проделывал это с зажмуренными глазами. Тем временем сын и рентгенолог о чем-то перешептывались, перемежая речь немецкими терминами.

— Сейчас мы опустим платформу, лягте на спину, как вам удобно.

«А вдруг у меня рак?» — мелькнуло в голове у Одзу.

— Задержите дыхание. Сейчас еще один снимок.

«Рак так рак. Я пожил достаточно. Запросто могло убить на войне, — размышлял Одзу. — Как Хирамэ. Как Хирамэ, который тогда погиб…»

— Все. Закончили.

При этих словах Одзу слез с платформы и протянул руку к корзине, где лежала его одежда.

— Ну что?.. Плохо мое дело?

— Особых причин для тревоги я не вижу. Есть старый рубец на двенадцатиперстной кишке.

Он вызывает гастрит. Серьезных оснований для беспокойства нет.

Вместе с облегчением Одзу посетило тяжелое гнетущее чувство: придется и дальше тянуть этот воз под названием жизнь.

Выйдя с Эйити из темного рентгеновского кабинета, Одзу вытер с губ носовым платком следы белой жидкости, которую ему пришлось пить.

— Спасибо, — поблагодарил он сына. — Благодаря тебе теперь я спокоен.

— Лекарство я потом заберу из аптеки. Соберешься сегодня на работу, на обед порцию лапши и больше ничего. Выпивку на какое-то время под запрет.

— Все понятно. — Одзу верил сыну. — Ты сейчас куда?

— В хирургический корпус. Мои подопечные там лежат.

— А можно посмотреть?

Отец сконфузился от собственной неожиданной просьбы. Эйити едва заметно улыбнулся.

— Конечно. Только в палаты не заглядывай.

Одзу не знал, чем каждый день занимается в больнице сын. Прежде всего потому, что, придя домой с работы, Эйити никогда не говорил об этом. Но в тот день, раз уж Одзу оказался в

больнице, ему захотелось посмотреть, где лежат пациенты его сына.

Они миновали длинный коридор, вызвали лифт. По дороге Эйити давал пояснения:

— Здесь кабинет радиологии. В этом кабинете занимаются исследованием мочи, крови и секреторных жидкостей всех пациентов больницы.

Одзу слушал и кивал: «Понимаю, понимаю».

На улице ярко светило солнце, однако в коридоре хирургического отделения, по обе стороны которого тянулись двери больничных палат, было сумрачно.

— И ты все время здесь находишься?

— Нет. По большей части в клиническом отделении.

— Как здесь тихо.

— Хм-м. Тут всегда так.

Эйити опустил руку в карман халата и добавил устало:

— Ну, мне надо обойти пациентов.

И скрылся в одной из палат, оставив отца одного.

Одзу постоял немного у двери, ведущей в коридор. Уборщица тряпкой мыла пол.

Двери лифта напротив раздвинулись, и он увидел сидевшую на каталке женщину в больничном

халате, которую сопровождала медсестра. Одзу скользнул взглядом по повернутому в профиль лицу женщины, и ему показалось, что он ее где-то видел.

Чем-то она напоминала Айко Адзуму.

Но та Айко, которую он видел в последний раз лет тридцать назад, была моложе. И она не могла оказаться в этой больнице.

Пациентка и сестра скрылись в палате по правую сторону от коридора. Одзу опустил глаза и стал спускаться по лестнице, которая была тут же рядом.

Расставшись с отцом в коридоре, Эйити осмотрел двух своих пациентов и заглянул в палату, где лежала Айко Нагаяма.

— Мы на обследование ездили, — сказала сестра, выталкивая каталку в коридор. — Она два раза жаловалась на самочувствие.

— На обследование? Какое же?

— Обследование ткани печени.

— Я ничего об этом не слышал…

— Это Курихара-сэнсэй вчера распорядился.

Эйити ничего не сказал и подошел к пациентке. После процедуры она плохо выглядела, лицо и губы заливала мертвенная бледность.

— Тяжело было? — негромко спросил он.

— Да, — вяло отвечала Айко. Видно было, что она еще не оправилась после того, что с ней делали.

— Как я вам говорил, после таких процедур может подниматься температура, но беспокоиться незачем.

— А какие результаты?

— Я еще не говорил с доктором Курихарой… Полагаю, он хотел проверить состояние печени. Если надо будет делать операцию, мы должны быть уверены, что это не скажется на печени.

— Значит… — нерешительно начала Айко, — все-таки операция?

— Это лучший выход. Вырежем все плохое.

Эйити скрывал ложь за улыбкой. Скорее всего, дело кончится имитацией операции — ее разрежут и тут же зашьют. Накануне на консилиуме все пришли к общему мнению, что раковые клетки уже распространились по всему организму.

Пациентам говорили, что у них оперируют язву желудка. Если в ходе операции подтверждалось, что с метастазами бороться бесполезно, часть их вырезали, и пациента зашивали. После этого оставались только лекарства и радиотерапия, а потом обезболивающие инъекции и капельницы. И в итоге рецидив и смерть.

— А когда меня выпишут после операции?

— Сейчас прикинем. — Эйити слегка наклонил голову набок. — Думаю, через два месяца. А если все пойдет хорошо — через полтора.

— Так долго?.. — удивилась Айко.

— Послеоперационный период самый важный.

— У меня кое-какие дела остались… если я здесь долго пробуду…

Эйити сделал вид, что не услышал ее слов. Говоря о полутора-двух месяцах, он не лгал, но не пройдет и полугода, как эта женщина снова окажется здесь на больничной койке.

— У вас сегодня были процедуры, так что осмотр давайте отложим. Позже я принесу жаропонижающее. Можете принять, если поднимется температура.

Уже по анализу крови было ясно, что печень пациентки поражена. Зачем тогда Курихара распорядился взять пункцию печени?

С сестринского поста Эйити позвонил в клиническое отделение.

— А-а? Да, я назначил исследование. Но тебе не сказал…

— Почему?

— Хм-м, — ответил Курихара. — Думаю, Утида-

сан поговорит с тобой на эту тему.

Война

1942 год был полон волнений. В начале года Япония, оккупировавшая Манилу, направила войска в Бирму и захватила Сингапур. За короткое время в руках японцев оказались Батавия и Рангун.

Улицы бурлили от новостей о военных успехах, следовавших одна за другой, по вечерам то тут, то там появлялись процессии, участники которых несли зажженные бумажные фонарики в честь этих побед. В Европе Германия — союзница Японии — увязла в войне с Советским Союзом, однако у японского народа не было сомнений в победе.

Между тем жизнь на глазах становилась все труднее. Многие вещи исчезли с полок магазинов, словно по мановению волшебной палочки, хотя два-три года назад все можно было достать без большого труда. На станциях Санномия и Умэда стояли большие щиты, на которых красовался странный лозунг: «Мы ни в чем не нуждаемся, пока не добьемся победы!»

В соответствии с веянием времени в колледже Р. увеличили часы на военную подготовку и тру-

довую повинность. Учебная часть уведомила, что студенты обязаны посещать занятия по военной подготовке два раза в неделю. Те, у кого будут пропуски, на следующий курс переводиться не будут.

Преподаватели в колледже разделились на две группы: одни смотрели на происходящее с отвращением, другие активно поддерживали. Это порождало в душе Одзу и других студентов неуверенность и беспокойство. Они хотели, чтобы война скорее кончилась, и в то же время их одолевало чувство благоговения перед японской армией, демонстрирующей свою мощь Америке. Отсрочка на призыв для студентов еще действовала, поэтому они могли чувствовать себя спокойно, однако их могли лишить этой льготы, как только обстановка изменится. Студентов одолевали неясные опасения за будущее.

Однажды дождливым июньским днем Одзу вернулся домой из колледжа. В прихожей его встретила мать.

— Позвони немедленно Хирамэ! — воскликнула она.

— Что случилось?

— Его забирают.

— Кого? Хирамэ?

— Ну да. Он недавно звонил из Ако.

Одзу сбросил обувь и кинулся в гостиную к телефону. Он попросил телефонистку соединить его с Ако и, слушая гудки в трубке, все никак не мог успокоиться, будто это за ним явилось нечто, что рано или поздно должно было прийти.

Наконец соединение включилось, и послышался голос Хирамэ:

— Алло!

— Эй! Ты попал!.. — Одзу не знал, что еще сказать.

— Угу. Сегодня вечером я возвращаюсь в Кобэ. Нужно повидаться с матерью и сестрой.

Голос Хирамэ звучал на удивление спокойно. Сонный голос, как прежде. Одзу представил картину: Хирамэ держит в руке телефонную трубку, глазки на его рыбьем лице часто моргают.

— Куда тебя призывают?

— В Какогаву[35].

— Во сколько ты сегодня приезжаешь? Я тебя встречу на станции.

Помолчав немного, Хирамэ ответил:

— Не надо. Я не знаю, на каком поезде поеду. Завтра тебе позвоню.

---

[35] Примечания: 35

Какогава — город в преф. Хёго, административным центром которой является Кобэ.

Одзу не знал, что сказать. Новобранцев было принято поздравлять, но он никак не мог выдавить из себя слова, которые не хотелось говорить.

«Ведь у него нет отсрочки от призыва», — подумал Одзу, чувствуя себя виноватым.

— Хорошо. Позвони обязательно.

Он положил трубку. Мысли одолевали его: «Выдержит ли он суровую солдатскую жизнь? Все-таки он такой хилый. Ничего, характер у него что надо. Все будет хорошо».

На следующий день, вечером, Одзу позвали на проводы Хирамэ.

Еду и выпивку доставили из ресторанчика рядом с домом Хирамэ, собралось всего человек десять. Среди гостей были председатель районного собрания жителей, представитель общества отставных военных. К ним присоединились президент и несколько сотрудников фирмы, в которой работал Хирамэ. Его мать и сестра в почтительных позах расположились в углу. Одзу присел с ними рядом.

— Хирамэ-кун! Призыв в армию жителя нашего района в нынешней обстановке, когда в стране нарастают трудности, — это чрезвычайно радостное событие для всех нас.

Председатель произносил свое приветственное слово так же долго, как справляет малую нужду корова. Он говорил о наступивших временах, наставлял присутствующих и призывал всех к решимости, будто был премьер-министром. После него наступила очередь представителя районного общества отставников, который манерами и речью был очень похож на военного министра.

У Одзу страшно затекли ноги, он еле терпел и время от времени посматривал на Хирамэ, на лице которого застыло выражение смирения и покорности. Одзу вовсе не был уверен, что его друг слушает все эти приветствия. Затуманенное выражение его лица напомнило Одзу сонные послеобеденные часы, проведенные в классах школы Нада.

Когда речи кончились, сестра Хирамэ обошла всех, подливая сакэ.

— Выпьем за Хирамэ, будущего солдата!.. — провозгласил тост президент компании, где работал Хирамэ. «Вот он какой, тот самый сквалыга, перед которым преклоняется Хирамэ», — думал Одзу, разглядывая лысую голову и квадратное, напоминающее тяжелый танк тело.

Чем больше кругов совершали бутылки с сакэ, тем бессвязнее становилась беседа за столом.

— Когда я служил в армии, — во весь голос вещал председатель районного собрания, — это было во время большой войны в Европе. На фронт меня не послали, но… деньжата, которые я собрал за время службы, после дембеля мне очень пригодились.

— Ого! И на что же вы их…

Председатель прошептал что-то на ухо соседу и расхохотался.

— Обычно мы вино не пьем, сладости не едим, но сегодня можно позволить себе расслабиться как следует, — начал президент, обращаясь через стол к Хирамэ, совершенно захмелевшему от сакэ, которое наливали ему и справа и слева. — Пока ты будешь в армии, мы каждый месяц будем класть твою зарплату на счет. Верно служи государству и за это не беспокойся.

— Ага!

— Этот парень далеко пойдет! — громко, чтобы все слышали, объявил президент. — Я воспитываю у себя новичков в строгости, но он всегда внимательно слушает, что ему говорят.

Хирамэ сонными глазами глядел на Одзу. Пока президент его нахваливал, он насмешливо показал язык, но так, чтобы кроме Одзу никто не увидел.

«Этот парень и в армии не пропадет», — подумал Одзу, кивая.

Когда Хирамэ поднялся в туалет, Одзу вышел за ним в коридор.

— Слышь, ты как?

— Нормально. Только спать охота.

— Чего ты столько пьешь, а? Хорош солдат!

Хирамэ вдруг схватил друга за руку:

— У меня для тебя важное задание.

— Ты о чем? — Одзу был сбит с толку.

— Ту ручку я беру с собой. Если случайно ее встретишь, скажешь?

— Само собой. — Одзу кивнул.

На следующее утро Хирамэ в сопровождении активисток Женской патриотической лиги и соседей отправился на станцию линии Хансин. Он обмотался в национальный флаг с красным солнцем на белом фоне, на котором оставили свои напутствия участники состоявшейся накануне вечеринки.

Одзу следовал за процессией и вспоминал, как прежде они с Хирамэ наблюдали такую же сцену из кафе на станции Санномия.

«Когда-нибудь придет и моя очередь», — подумал Одзу, и перед его глазами вдруг возникли казармы и поля сражений, казавшиеся недавно

такими далекими.

— Банзай!

— Хирамэ-кун, банзай!

Окруженный домохозяйками в передниках, представляющими Женскую патриотическую лигу, Хирамэ вертел остриженной наголо головой, кланяясь то вправо, то влево. Наконец подкатил поезд; под взглядами пассажиров Хирамэ вместе с дядей, матерью и сестрой погрузился в вагон. И двери закрылись.

Миновал месяц, за ним другой. Писем от Хирамэ не было. Конечно, новобранец гарнизона Какогавы был так занят каждый день, что ему было не до писем.

У Одзу дни тоже проходили в занятиях по военной подготовке и работе на трудовом фронте два раза в неделю. Ситуация на театре военных действий, которая сначала складывалась блестяще, после морского сражения у атолла Мидуэй становилась все более неустойчивой. Императорская ставка[36] продолжала рапортовать о военных успехах, но после августа, когда американцы высадились на Гуадалканале, стали циркулировать слухи, что Япония идет к поражению.

---

[36] Примечания: 36

Руководящий орган верховного военного командования в Японской империи.

В конце года от Хирамэ наконец пришла открытка. На ней была печать военной цензуры. На обороте знакомыми корявыми иероглифами Хирамэ писал, что находится в Корее, здоров и усердно отдается военной службе. Беспокоиться за него не надо. «Я пишу эту открытку авторучкой, которую ты мне передал», — писал он.

Одзу удивился, что Хирамэ отправили в Корею. В открытке не было ни слова о том, когда его туда послали, где стоит их часть. Видимо, сообщать об этом запрещалось. Держа в руке открытку, Одзу вспомнил, какую Корею он как-то раз видел на фотографии — нескончаемая цепь лысых гор.

«Я пишу эту открытку авторучкой, которую ты мне передал». Одзу хорошо понимал, что хотел сказать его друг последними словами своего послания.

«Неужели он… все еще?..»

Он хотел бы передать эти слова Айко, если представится возможность, но в конце концов передумал — она могла неправильно понять.

На следующий год занятия на подготовительном отделении колледжа Р. проходили только в отведенные часы. Все остальное время студенты работали на военных заводах — семестр в Амагасаки, семестр в Кобэ.

С продуктами стало совсем плохо. На одном из заводов, где пришлось работать Одзу и его товарищам, часть станков простаивала, по всей видимости, из-за нехватки материалов. В полдень студенты, тайком друг от друга, съедали бэнто[37] с соевыми бобами. Одзу жил дома, поэтому мог брать с собой в колледж побольше еды, а студенты, проживавшие в общежитии, получали пару маленьких колобков из вареного риса. Положил их в рот — вот и весь обед.

В три часа дежурный раздавал из ведра жидкую рисовую кашу с овощами. Она больше напоминала забеленный кипяток, но никто не отказывался.

«Когда же кончится война?» Никто не задавал этот вопрос вслух, но эта мысль смутно возникала в голове у каждого.

«Если она быстро не кончится, нас ведь тоже призовут».

Но эта тяжелая, беспросветная война, казалось, будет продолжаться вечно…

Одзу помнил, как вскоре от Хирамэ пришло письмо. В нем он благодарил Одзу за присланные подарки и вложил в конверт фотографию.

---

[37] Примечания: 37
Обед в коробке, который берут из дома или покупают.

На фото около десятка солдат выстроились в две шеренги. В задней шеренге стоял, будто витая в облаках, Хирамэ. Странное выражение — «стоять, витая в облаках», но Одзу, когда он смотрел на снимок, оно казалось самым подходящим.

Другие солдаты стояли, обняв друг друга за плечи, и улыбались. Приглядевшись, Одзу, судя по двум и трем звездочкам в петлицах, разобрал, что они были рядовыми первого и высшего класса. Лишь Хирамэ и еще один парень имели по одной звездочке рядового-первогодка.

Лицо Хирамэ показалось Одзу одутловатым, из чего тот предположил, что его друг еле волочил ноги.

Одзу слышал от людей, как в армии относятся к первогодкам. Как бы ни ловчил в своей военной части щуплый Хирамэ, одутловатое лицо лучше всего говорило о том, что служба измочалила его сильнее остальных.

«Со мной все в порядке, службу несу усердно, обо мне не беспокойся».

Одзу не мог поверить, что эти слова Хирамэ написал от чистого сердца. Скорее для того, чтобы письмо прошло военную цензуру.

«Пойми, на самом деле все не так!»

Казалось, Одзу слышит звучащий между строч-

ками крик души. Это письмо Хирамэ опять написал авторучкой, которую подарила ему Айко.

Мир все больше увязал в войне, как в болоте. В Европе союзники высадились в Италии, дуче Муссолини был отстранен от власти, и страна капитулировала. В Японии тоже оптимизм пока держался исключительно благодаря сводкам, публиковавшимся военными властями, и сообщениям в газетах. Всем было ясно, что Америка перешла от обороны к наступлению.

После летних каникул в начале второго семестра произошло то, чего боялись Одзу и его однокашники. Отменили отсрочку от призыва для студентов гуманитарных колледжей и подготовительных отделений.

— Для вас наступило время взросления. Скоро наступит день, когда вы покинете эти стены и отправитесь на поля сражений. Прошу вас не переставать гордиться тем, что вы были учащимися колледжа Р., — громогласно вещал декан перед собравшимися на стадионе студентами подготовительного отделения. До его речей никому не было дела. Ведь это не его и не преподавателей призывали в армию, а студентов.

Для прохождения медкомиссии Одзу отправился в префектуру Тоттори в городок Кураёси, где

была зарегистрирована его семья.

Туда же приехали два старика из управы сельского округа, в который входила деревня, где родился отец Одзу. Стоя в одних трусах в актовом зале начальной школы вместе с такими же, как он, парнями, проходя одного врача за другим, Одзу вспоминал тот день, когда сопровождал Хирамэ на медосмотр при поступлении в морскую кадетскую школу.

Когда проверяли на венерические болезни и геморрой, Одзу пришлось снять трусы и встать на все четыре конечности, как собака.

Одзу полагал, что ему определят вторую группу годности. Окружавшие его парни, призванные из деревни, все были крепыши, как на подбор.

Он стоял навытяжку, когда начали оглашать результаты, и услышал, как член медкомиссии громко объявил: «Первая группа!»

— Поздравляем! — радостно приветствовали Одзу пришедшие с ним старики из сельской управы.

Одзу очень хорошо помнил день, когда он явился на приписной пункт.

На черной крыше казармы ворковала стая голубей. На плацу установили таблички, на которых были написаны названия префектур, откуда

родом призывники. Одзу и другие новобранцы выстроились перед ними в четыре колонны.

— Сейчас мы будем называть подразделения, к которым вы приписаны. Когда объявят ваше подразделение, надо выйти из строя и построиться перед командиром.

Всех распределили по подразделениям, после чего командиры отвели Одзу и других новобранцев в казарму, где они оказались впервые в жизни. Войдя в казарму, они вновь услышали воркование голубей, сгрудившихся на крыше.

«Интересно, — подумал Одзу, — довелось ли Хирамэ, как мне сейчас, слышать, как воркуют голуби».

Посреди казармы, пропитавшейся запахом масла и человеческих тел, стоял длинный стол, по обе стороны которого тянулись нары с набитыми соломой матрасами.

— Меня зовут Утида, я командир отделения, — сцепив руки за спиной, начал загорелый сержант. — Командир отделения — это ваша мать, поэтому вы можете обращаться ко мне по любому вопросу.

Стоявший рядом с Утидой высоченный капрал неожиданно рявкнул во весь голос:

— Эй! Я смотрю, кое-кто невнимательно слуша-

ет командира! Мы тут в колледжах не учились, как некоторые, но еще до того, как нас призвали, понимали, как надо относиться к начальству. В армии положено стоять по стойке смирно, когда слушаешь приказы или распоряжения старшего по званию!

Когда сержант Утида закончил — он произнес свою речь как бы по шаблону, было видно, что возня с новичками ему страшно надоела, настал через капрала:

— Сейчас вам будет выдано обмундирование. Все штатское сложить в рундуки. Переодеться — и на плац для получения оружия.

Вечером для новобранцев устроили праздничный ужин. Кроме риса с красными бобами и свиной тушенки, которую в последнее время редко доводилось есть на гражданке, дали по палочке сладкой фасолевой пастилы. Однако…

«Здесь только в первый день дают такую жратву. Дальше будет совсем по-другому», — услышали от «стариков» вновь прибывшие. От этих слов кусок не лез в горло.

— После ужина каждый должен повернуться в ту сторону, где его родной дом, и поклониться, — смягчившись, проинструктировал молодых солдат командир. — Считайте, что после этого все

связи с гражданкой у вас порваны.

А поздно вечером, когда новобранцы впервые закрыли глаза на набитых соломой матрасах, до их слуха издалека донеслись протяжные печальные звуки трубы, игравшей отбой:

Новобранцы — симпатичные ребята,
Спать ложитесь, и не надо слез.

Вдыхая запахи масла, пота и самой казармы, прислушиваясь к звукам трубы, Одзу думал о выражении лица одетого в военную форму Хирамэ на фотографии, которую тот ему прислал.

«Он уже давно каждый вечер слышит такую же трубу…»

Затем перед его глазами встала белая дорога вдоль берега Асиягавы. Айко Адзума в матроске шагала по ней со своей подружкой. Они то и дело останавливались и над чем-то смеялись.

«Надо спать».

Одзу всеми силами старался отогнать эти воспоминания, воспоминания, до которых он уже не мог дотянуться рукой.

Худшие опасения сбылись — атмосфера, зачем-то искусственно созданная в первый день пребывания новобранцев в части, испарилась без следа уже на следующий день. У Одзу и его

товарищей не было ни минуты свободного времени, их заставляли бегать, выполнять тяжелую работу, сопровождая это криком и побоями. Возможность отдохнуть появлялась только в туалете и после отбоя под печальный стон трубы.

Без побоев не проходило ни одного дня. Новобранцев били во время занятий боевой и физической подготовкой, били, когда они возвращались в казарму. В первый день сержант говорил, что командир отделения заменит им мать, но эта мать вместо того, чтобы самой заниматься подопечными, сидела на соломенном тюфяке и наблюдала за тем, как старослужащие применяли свои методы наказания новичков.

— Мы в колледжи не ходили, мозги учебой себе не забивали. Обошлись без колледжей, зато мы не такие сачки и придурки, как вы, салаги!

Такими словами «старики» неизменно сопровождали издевательства, которым подвергали Одзу и других рекрутов. И когда растерянные новички, у которых украли палочки для еды и выстиранное белье, явились к командиру подразделения спросить, что им делать, то сержант просто от них отвернулся:

— Хм-м!.. Откуда мне знать, что вам делать. Я ведь в колледже не учился.

Заступаться друг за друга новобранцы не могли. Даже просто помочь кому-то нельзя было себе позволить. Так со временем в людях умирали чувство дружбы, о которой они часто говорили, когда учились в коллежде, и готовность к самопожертвованию. Если молодой солдат совершал какой-то проступок, наказание получал не только он один. Всех новобранцев выстраивали в две шеренги, и после длинного нравоучения их заставляли поворачиваться и колотить друг друга.

Тут наконец Одзу сообразил, что значило одутловатое лицо Хирамэ на фото, которое тот прислал из Кореи. На самом деле оно опухло от ударов.

«Вот оно что! Значит, Хирамэ тоже достается каждый день».

Одзу это понял, глядя на парня по фамилии Ямамото, который жил с ним в одной казарме, а до этого учился в колледже в Токио.

Во время утренних пробежек Ямамото быстро уставал, наверное, был не так крепок, как остальные. Задыхаясь, он бежал позади всех, оставая все больше и больше.

— В чем дело, свинья?! — Командир отделения ударил Ямамото по лицу, когда тот наконец добрался до финиша. — Как ты воевать собрался?!

Ну как давай еще круг! Один! — орал он.

В итоге Ямамото пришлось пробежать больше всех.

Как-то посреди ночи у входа в казарму послышался дикий крик:

— Кто тебе разрешил ходить в сортир без доклада?!

Ямамото стал просить прощение за допущенную ошибку. Послышался удар и звук падающего тела. Ямамото сбили с ног.

— Что там такое? В чем дело? — Командир отделения сунул ноги в галоши и направился к двери.

— Понял. Я ему объясню, что к чему. Сделаю как надо, не сомневайтесь.

Голоса стихли, видимо, переговоры закончились.

«Этот парень легко не отделается», — думали новобранцы, с подбородком накрываясь одеялами.

Вышло так, как они ожидали. Наказание не заставило себя ждать — на следующий день «старики» выбили Ямамото пару зубов. Лицо его распухло, как гранат.

Прошло четыре месяца после призыва, и в казарме пошли слухи, что скоро всех отправят

на фронт.

Однажды ночью слухи превратились в реальность: в полной амуниции солдат погрузили сначала в железнодорожный эшелон, а потом на транспортное судно. Чтобы избежать встречи с подлодками противника, информацию о дне отправления и пункте назначения засекретили. Все были застигнуты врасплох и не получили возможности повидаться с родственниками перед отъездом.

Судно вздымалось и опускалось на черных волнах. Лил холодный дождь. Трюм пропах солдатским потом и краской.

Море кипело за стеклами иллюминаторов. Глядя на эту картину, Одзу задремал. Он спал и видел спортивную площадку в школе Нада и белое русло Сумиёсигавы.

— Тернер, понимаете ли… — бормотал Полутень, меряя шагами класс. — Тернер, понимате ли. Он был великий человек, понимате ли.

Потом он увидел стоявшего перед учителем математики и не перестающего моргать Хирамэ.

— Что это за ответ?! Ну-ка прочитай, что ты написал в ответе на задачу! — кричал учитель растерянному Хирамэ. — Читай, читай!

— Вот…

— Не «вот»! Как ты ответил на вопрос?

— Хорошо, я прочитаю. Я… я ответил: «Правильно. Совершенно верно. Я тоже так думаю».

Все в классе так и покатились со смеху. От этого смеха Одзу проснулся.

Слышался тупой гул судовой машины. Море все так же поднималось и падало в иллюминаторе. «Старики» спали. Одзу снова закрыл глаза.

Море. Пляж в Асия. В небе клубятся сочащиеся дождем облака. Хирамэ и Одзу качаются на волнах. Наслаждаясь чувством свободы, которое принесли им летние каникулы, они брызгаются, ныряют, выплевывают соленую воду.

— Смотри, не ссы в воду! — говорит Хирамэ. — А ты пердишь, когда плаваешь?

— Нет!

— Попробуй. Получается как на ракете. Пу-пу-пу и плывешь быстрее.

Теперь все это потеряно. Воспоминания о юношеских днях больше не были воспоминаниями, теперь они казались Одзу частью другого мира, к которому он уже никогда не прикоснется.

— Ты ведь тоже так думаешь? — спросил он у Хирамэ, стоявшего у него перед глазами.

— Ну да, — печально ответил тот. — Тут ничего не поделаешь. Остается терпеть.

— Ну как ты там? Держишься?

— Куда там! Бьют каждый день.

— Меня тоже. Но надо держаться. Мы должны вернуться живыми.

— Это… Я не уверен. Выживем ли мы?.. Не знаю.

Часть, в которой оказался Одзу, неожиданно высадили в Дайрене. Позже бывшие студенты узнали, что их отправили в Маньчжурию для пополнения Квантунской армии, чтобы армейское командование могло перебросить ее лучшие части на южный театр военных действий.

Выгружаясь под дождем с транспортного судна, пришвартовавшегося у пирса дайренского порта, Одзу и его товарищи удивленно разглядывали непривычный чужой пейзаж. По причалам, где громоздились горы угля, сновали бесчисленные кули с огромными мешками за плечами. За их работой наблюдала японская военная жандармерия.

Построившись, пешим маршем отправились в Дайрен. В отличие от улиц японских городов, оказавшихся будто на грани между жизнью и смертью, здесь рядами росли переливающиеся изумрудной зеленью акации, вдоль улиц стояли чистые, построенные на европейский манер

здания.

Вновь прибывших разделили на три группы. Одной предстояло разместиться в Порт-Артуре и Дайрене, двум другим — охранять границу в Северной Маньчжурии.

В глубине души Одзу надеялся остаться в Порт-Артуре или Дайрене. На его счастье, группа, в которую он попал, была расквартирована в Дайрене.

Однако учения и тренировки стали еще тяжелее. «Старики» из элитной Квантунской армии выжимали из первогодков все что можно, будто специально ждали появления этих хиляков студентов.

Одзу все меньше думал о Хирамэ. Отнимающие силы учения и казарменная жизнь не оставляли времени на погружение в грезы о прошлом. Бывшие студенты не только должны были, как солдаты, выносить тяготы, которые несли учения. По ночам им еще приходилось готовиться по программе слушателей офицерской школы.

Через два месяца до них наконец дошли первые письма из Японии.

Одзу получил письмо от матери. Своим убористым почерком она писала об отце и знакомых, но за этими словами оставалось что-то недоска-

занное. Взяв второй листок письма, Одзу застыл от ужаса.

«Вчера мы узнали, что погиб Хирамэ, заболел на фронте и умер. Звонила его сестра. Подробностей мы пока не знаем. Я знала, что это известие тебя поразит, и не могла решить, сообщать тебе или нет. Но вы так долго дружили, и в конце концов я все-таки решила написать. Очень прошу: береги себя и служи своей стране. А теперь…»

В тусклом освещении казармы Одзу раз за разом перечитывал это место в письме матери.

Новость была настолько неожиданной, что он вообще ничего не чувствовал. Казалось, он читает письмо снова и снова, чтобы дать эмоциям вырваться наружу.

«Хирамэ?.. Мертв?..»

Ни шока, ни удивления. Все было смыто гнетущей судьбой мрачного века. И он сам — один из тех, кого унесло это течение.

— Эй, Одзу! — окликнул его сидевший рядом трехзвездочный рядовой. — Ты чего скис-то? Случилось что?

— Да. Сообщили, что друг умер. Заболел на фронте и умер.

— Ух ты! — Голос «старика» звучал мягче, чем обычно. — Ты давай, духом не падай. Все мы

умрем когда-нибудь.

Одзу сказал, что ему надо в уборную, и вышел в коридор. В казарме уборная была единственным местом, где человек имел возможность побыть один и поплакать. Там Одзу впервые дал волю слезам…

Эксперимент

Сам Курихара ничего не говорил об исследовании печени Айко Нагаямы. Он не просто отказался обсуждать эту тему, а сказал как-то странно: мол, у шефа есть к Эйити разговор.

«В чем дело?»

Эйити вернулся в отделение весь в сомнениях.

В отделении никого не было. Даже Курихара, с которым он только что говорил по телефону, испарился. Сквозь давно не мытые оконные стекла на столы, книги, лабораторную посуду проливался полуденный свет, в лучах которого плясали пылинки.

Эйити пристроился на одном из стульев, чтобы выписать рецепт отцу.

Зазвонил телефон. Не вынимая сигарету изо рта, Эйити снял трубку и услышал голос шефа:

— А-а, это ты? Курихара, наверное, тебе сказал. Есть сейчас кто-нибудь в отделении? Отлично! Подождешь меня? Скоро буду.

В ожидании шефа Эйити с чувством смутного беспокойства в груди рассматривал сигаретный дым, поднимавшийся от его пальцев.

Тут он заметил почтовую открытку, приколотую кацелярской кнопкой к маленькой панели у входной двери.

Открытка была от Тахары и адресована всем сотрудникам отделения:

«Прошло больше двух недель, как я сюда приехал. Поначалу я никак не мог привыкнуть и чувствовал себя не в своей тарелке, но в конце концов успокоился и взялся за дело. Сейчас я даже доволен, что оказался здесь. Стал думать, что это мое назначение — делать все возможное для пациентов, которых угораздило оказаться в месте с таким уровнем медобслуживания. Благодарю всех, с кем мне довелось работать в нашей больнице…»

Эйити оживил в памяти заурядную внешность Тахары. Этот человек никогда не заботился о своем внешнем виде. Маловероятно, что он когда-нибудь вернется в отделение. Тахара сошел с дороги, ведущей к успеху, и движется в каком-то ином направлении. Даже молодые коллеги, сочувствовавшие Тахаре, больше не упоминали его в своих разговорах. О нем все больше забывали…

«А вдруг…»

Острая боль вдруг пронзила грудь Эйити.

«Разговор с шефом… А вдруг они и меня хотят

сослать куда-нибудь, как Тахару?..»

Он бросил тлеющий в его пальцах окурок в пустую банку из-под лекарств. За неприятными мыслями, кружившимися в голове Одзу, и застал его тихо вошедший в комнату Утида.

— Извини, что так долго. Эти парни в Министерстве здравоохранения — дубиноголовые. Как с ними разговаривать? Когда на днях мы играли с ними в гольф, они говорили, что все вроде как решено, а теперь выясняется, что все по новой надо!

Поворчав о чем-то, к чему Эйити не имел никакого отношения, завотделением сказал:

— Присядь-ка… Причина, по которой мы взяли на исследование пункцию печени у пациентки Нагаяма… — Он остановился и покосился на дверь. — Вообще-то, кроме профессора Ии, меня и Курихары, об этом никто не знает. Так что пока не надо никому в отделении об этом говорить.

— Конечно.

— На днях профессор Ии ужинал с отцом Курихары. Говорили о нашем онкологическом центре, и Курихара-старший попросил нас провести дополнительные испытания нового антиракового препарата, который разрабатывает его компания. На экспериментальном уровне можно ожидать

высокой эффективности, но проблема в том, что препарат влияет на печень.

Эйити вернулся мыслями назад. Ёсико говорила ему, что они с отцом собираются на ужин с Курихарой и его родителем. Вот тогда-то, должно быть, и состоялся разговор на эту тему.

— И вот, мы думаем испытать этот препарат, сдерживающий распространение раковых клеток, на пациентке Нагаяме.

Завотделением, не поднимая головы, бросил взгляд на Эйити.

— Сказать по правде, Нагаяме-сан уже нельзя помочь. Слишком поздно. Сам понимаешь, наверное. Еще мы думали о вашем пациенте с раком легких, Тадзима-сан… да, директор фирмы, но у него, похоже, печень очень серьезно поражена.

Утида быстро посмотрел на часы.

— Вот что я хотел тебе сказать. Мы не должны были в обход тебя брать пункцию печени, но ты ведь понимаешь. Если новый препарат покажет эффективность, надо, чтобы наше хирургическое отделение подготовило публикацию для научного симпозиума. Мы хотим, чтобы этим занялись вы с Курихарой. Его отец обещает под это дело серьезные деньги выделить. На исследования…

Он поднялся со стула со словами:

— Так или иначе, пока все держим в тайне. Понимаешь?

— Понимаю. — Эйити поклонился и проводил шефа до двери.

«Вот так. Вот оно что!»

Эйити радовался, что оказался среди тех, кто относился в их отделении к «посвященным». Если бы дело обстояло иначе, зачем было шефу раскрывать молодому врачу такие секреты.

«Если новый препарат покажет эффективность, надо, чтобы наше хирургическое отделение подготовило публикацию для научного общества. Мы хотим, чтобы этим занялись вы с Курихарой».

Слова шефа все еще звучали в ушах Эйити. Он представил, как стоит на фоне доски и проекционного экрана, выступая с информацией о результатах дополнительных исследований нового лекарства.

Его взгляд невольно переместился на открытку Тахары. Печальное лицо коллеги будто взывало к нему:

«Неужели тебе до такой степени дорога своя карьера?»

Эйити попытался насмешливо усмехнуться. А печальное лицо Тахары продолжало:

«То, что ты собираешься делать, — то же самое, что давать пациентам бесполезный бетион».

«Это совсем другое, не то что бетион. Препарат, который мы будем испытывать, — новая разработка».

«Но это же эксперимент на живом человеке. Разве не так?»

«Покажи мне врача, который не хотел бы поэкспериментировать на людях. Если бы мы не делали новые операции, не испытывали на людях лекарства, прогресс медицины был бы невозможен».

«Но что будет, если пациент падет жертвой этих экспериментов?»

Тахара не сводил с Эйити глаз. Чтобы укрыться от этого взгляда, Эйити сорвал открытку с панели, швырнул ее в урну и пробормотал:

— Ты трус! Пока есть такие врачи, как ты, прогресса в медицине быть не может!

Когда в тот вечер Эйити вернулся домой, он застал отца в гостиной с газетой в руках в хорошем настроении.

— Привет! Сегодня утром все было здорово. Спасибо тебе. Ты ужинал? — поинтересовался отец.

— Я ел.

Эйити, против обыкновения, приветливо по-

смотрел на отца. Слова, которые он услышал от шефа, вызвали радость в его душе.

— Вот, лечись. — Он достал из сумки лекарство, которое выписал для отца. — Пей каждый раз через полчаса после еды.

Эйити поднялся, чтобы уйти к себе, но отец остановил его:

— Эй! Давай чайку выпьем.

Из кухни вышли мать и сестра.

— Отец сказал, что посмотрел, где ты работаешь, — сказала мать, наклоняя чайник. — Мы сейчас только об этом и говорили.

— Вот такая у тебя родня. — Сестра высунула язык и засмеялась.

— Послушайте! Эйити в больнице не последний человек. Когда мы проходили по коридору, один пациент подошел к нам и поблагодарил его за помощь.

— А-а, этому человеку в нашем отделении сделали операцию, удалили легкое.

«Когда Эйити в последний раз так спокойно и непринужденно разговаривал с родными? Сколько лет назад? Вот так, по-семейному, мы все собирались, когда он школу оканчивал», — думал Одзу.

— Врач — хорошая профессия. Я рад, что ты ее

выбрал. Видеть страдающих людей, которых ты лечишь своими руками…

Эйити едва заметно скривился. Старик все видит в розовом сентиментальном свете. Это тот самый непереносимый гуманизм, который исповедует отцовское поколение.

— Я не лечу болезни одними руками. Такие времена миновали. Медицина стала системной наукой.

— Но радость излеченного пациента остается прежней. Оно одинаково — что прежде, что сейчас.

— Конечно. Но пациенты приходят и уходят. С каждым сантименты разводить нет времени. Мы не похожи на врачей из кино или телесериалов.

Одзу собрался открыть рот, но остановился. Ему не хотелось портить этот замечательный вечер очередной пикировкой с сыном.

— Ну да, конечно. Но сегодня в твоем корпусе я увидел женщину на каталке, которую выкатила из лифта медсестра. Цвет лица у нее был ужасный.

Одзу сменил тему, и на посуровевшее было лицо Эйити вернулось прежнее выражение:

— А-а… это пациентка, проходившая сегодня обследование. Ей скоро предстоит операция.

— Она твоя пациентка?

— Моя. Но она не только у меня наблюдается. Она вдова, зовут Айко Нагаяма. Муж ее вроде на войне погиб.

Эйити заметил, что отец пристально смотрит на него.

— Что-нибудь не так?

— Как, ты сказал, ее имя?

— Ее имя? Айко Нагаяма. Ты что, ее знаешь?

— Нет, — покачал головой Одзу.

Сомнений не оставалось. Это была она. Но женщина, которую он увидел сегодня утром издалека в конце коридора… как она осунулась и исхудала! Она была юной девушкой, купавшейся в море на пляже в Асия. И Одзу не мог вызвать в памяти нынешний облик Айко, которую встретил в больнице.

— Эта женщина, — обратилась к Эйити мать, — что у нее?

— Э-э… онкология. Рак желудка.

— Рак желудка лечат, правда? — вмешалась в разговор сестра.

— На ранних стадиях. Если рак на слизистой оболочке, тогда нестрашно, но если он дал метастазы — дело плохо.

— А у Нагаямы-сан метастазы?

— Да.

— Тогда от операции толку не будет?

— Пока не разрежешь — не поймешь.

Похоже, этот разговор уже потерял для Эйити интерес. Он допил чай, взял газету, которую отложил отец, и спросил у матери:

— Фуро готово?

— Можешь идти. Скажи, если прохладно, я включу газ.

Он встал и направился к дверям и неожиданно услышал за спиной голос отца:

— Я хочу, чтобы ты ее лечил.

Эйити удивленно обернулся.

— Вылечи ее.

— Отец! Есть рак, который можно вылечить, и есть рак, с которым ничего поделать нельзя. Врач не может знать точно, пока не разрежет больного.

Одзу слышал, как сын поднялся на второй этаж, потом спустился и открыл стеклянную дверь ванной комнаты.

— Послушай, — не поднимая головы, заговорила жена, — ты ее знаешь… эту женщину?

— Почему ты спрашиваешь?

— Так просто. Мне почему-то вдруг показалось…

Одзу промолчал и переключил внимание на телевизор. На экране с профессиональной улыбкой заливался какой-то певец.

«Хирамэ опять позвал ее», — размышлял Одзу. Он не думал, что когда-нибудь еще встретится с Айко, но вот судьба свела их снова. Не иначе как Хирамэ с того света это устроил. Но зачем? Для чего?

— Мне нравится эта песня, — тихо проговорила дочь Юми, не сводя глаз с экрана. — Пластинку, что ли, купить.

— Дорогой, примешь лекарство? — Жена налила в стакан воды и поднесла Одзу. — Эйити говорил: через полчаса после еды.

Лекарство было горькое. Одзу глотнул еще воды.

Если бы Хирамэ был жив, сидел бы он сейчас вот так в окружении своей семьи, смотрел телевизор и вел ничего не значащие разговоры или нет?

Однако Хирамэ умер на войне, и ему было столько же лет, сколько Одзу. Таким, как он, не предоставилась возможность пожить нынешней жизнью. Но счастливы ли те, кто остался в живых?

Несколько дней спустя после полудня зав-

отделением, Курихара и Эйити ожидали в конференц-зале одного человека. Должен был прийти сотрудник научно-исследовательского подразделения фармацевтической компании, принадлежавшей отцу Курихары, и дать разъяснения, касающиеся нового препарата.

— Так вот, я думаю, что на следующей неделе надо оперировать Айко Нагаяма… — высказывал шефу свои соображения Курихара, обхватив руками спинку стула, на который он уселся верхом. — А чтобы посмотреть, как будет действовать новый препарат после операции, предлагаю за пять дней до нее прекратить прием FU-5 и митомицина.

— Хорошо, — кивнул Утида, поковыряв мизинцем в ухе. — Полагаюсь на вас в этом деле. Обсудите между собой и вперед. Что-то он опаздывает. Ведь на четыре договорились. Так ведь?

— Точно. Сказали, он уже выехал. Может, в пробку попал.

— Похоже на то.

— А профессор Ии будет? — поинтересовался Эйити.

Завотделением усмехнулся:

— Он опять в Министерстве здравоохранения. Они его не отпускают. Кстати, Курихара-кун! Ты

с дочкой профессора вроде в гольф ходил играть?

— Да.

Крупное лицо Курихары слегка покраснело, он бросил быстрый взгляд на Эйити и добавил:

— Меня попросили, и мы вместе играли на поле.

— Она в первый раз вышла на поле?

— Да. Но до этого она, похоже, много занималась на тренировочной площадке.

— И как у нее получается?

— Мне кажется, неплохо.

Завотделением поднялся и встал перед Курихарой, сложив перед собой руки, словно собирался ударить клюшкой по мячику.

Через грязноватые окна конференц-зала сочился бледный свет ранних сумерек, бросавший тени на большой стол и стулья.

Эйити отвел в сторону застывший взгляд, стараясь сдержать острое чувство ревности и злости, закипевшее в нем от того, что отношения Ёсико и Курихары стали еще ближе.

«Может, они еще и обручиться собираются».

Но так просто это у вас не получится, пробормотал про себя Эйити. В ящике стола у него лежала фотография. Если Ёсико узнает про связь Курихары с этой медсестрой, Симадой, с помолвкой дело

гладко не пройдет. Вопрос в том, когда и каким образом ей сообщить об этом…

Дверь отворилась. Вошел лысеющий человек с портфелем в руке и каплями пота на лбу, поклонился присутствующим. Это и был сотрудник фармкомпании.

— Извините за опоздание. На улицах бог знает что творится. Проехать невозможно.

— Мы так и думали, — с любезной улыбкой заявил завотделением, обращаясь к вошедшему. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Заняв свое место, сотрудник с озабоченным видом разложил на столе бумаги и слайды.

— Новый препарат представляет собой доработанный продукт на основе известного вам адриамицина D, — начал он свои объяснения. — В нем устранены присущие адриамицину побочные действия — выпадение волос, воспаление слизистой оболочки рта, снижение уровня белых кровяных телец…

Повозившись со слайдпроектором, он продолжал:

— Это испытания, проведенные нами на животных…

Проиллюстрировав динамику трансформации опухолей после двух, трех недель и месяца прие-

ма, специалист сделал вывод:

— Соответственно, мы полагаем, что новый препарат имеет более высокую эффективность в сравнении с адриамицином, FU-5 и Z-4828.

— У него уже есть название?

— Пока нет. В лаборатории мы его называем блалиамицин.

— Гибрид блаомицина и адриамицина, — рассмеялся Утида, однако лицо собеседника оставалось серьезным.

— На фазе опытов над животными препарат более эффективен, чем FU-5, и в плане предотвращения распространения раковых клеток.

— А что у людей?

— Проблема — воздействие на печень…

Специалист включил свет и снова вытер вспотевший лоб носовым платком.

Ему задавали вопросы еще около часа.

— Мне кажется, лучше всего использовать его в комбинации с митомицином и FU, — проговорил Утида, глядя на Курихару. Он придерживался мнения, что антираковые препараты эффективнее применять в комбинации, чем по отдельности.

— Не размоется ли эффект от нового препарата, если комбинировать его с другими? — покачал головой Курихара. — В случае Нагаямы-сан я все-

таки думаю использовать только этот препарат.

Курихара понимал, что, если применять новый препарат в комбинации, они не получат по нему эксклюзивных данных для доклада на научной конференции.

Из окон больше не было видно бледного вечернего солнца, еще несколько минут назад заглядывавшего в конференц-зал.

— Ну что, подведем черту? — предложил завотделением, похлопывая правой рукой по плечу. — Соберемся еще раз и подробно обсудим ваш будущий доклад.

Эйити поднялся и открыл дверь конференц-зала гостю, который уже собрал все свои материалы.

— Что у вас еще сегодня? Может, пойдем пропустим по маленькой? — предложил Утида, но Курихара поклонился:

— Извините, сегодня хочу вернуться пораньше.

— Свидание, что ли?

— Не в этом дело…

— Да ладно тебе! От нас можешь не скрываться.

Втроем они вышли из конференц-зала. Дойдя до конца пустого коридора, Курихара еще раз извинился перед шефом и попрощался. Утида, глядя,

как массивная фигура в белом халате удаляется по галерее в корпус хирургического отделения, высунул ему вслед кончик языка:

— На свидание потащился. Точно, на свидание.

Выйдя из лифта, Эйити сослался на несделанную работу и вернулся в отделение.

Несколько минут он боролся с искушением проследить за Курихарой. Ему казалось, что шеф прав и Курихара отправился на свидание с Ёсико.

Эйити снял трубку телефона и позвонил в хирургическое отделение на пост медсестер.

— Алло! Доктор Курихара на месте?

— Только что ушел, — услышал он простодушный ответ медсестры.

— Вот как. — Эйити взял сумку, погасил свет в отделении. Быстрым шагом прошел по пыльному коридору и направился к вестибюлю.

Впереди, метрах в пятидесяти, он заметил Курихару, который не спеша направлялся к выходу. Он шел, слегка опустив голову, и, как и Эйити, нес в руке сумку.

Эйити остановился. Курихара двинулся к автобусной остановке напротив главного входа больницы.

«О черт!» — подумал Эйити. Курихара знал, что

он пользуется электричкой, а не автобусом, и ему наверняка покажется странным, если Эйити явится на остановку.

«Зачем я это делаю? — спрашивал себя Эйити. — Мне от этого одна мука, если я увижу Курихару с Ёсико».

Он это понимал. Знал, какой удар будет нанесен его достоинству, если Ёсико встретит Курихару приветливым взглядом или радостной улыбкой. Что же тогда толкало его устроить за ними слежку?

Постояв немного на остановке, Курихара неожиданно зашагал к станции, где останавливались такси.

Увидев, как он садится в машину, Эйити ускорил шаги.

— Поезжайте, пожалуйста, за той машиной, — попросил он водителя, когда дверь такси автоматически открылась.

— Забыли что-то? — спросил водитель.

— А?

— Парень в той машине что-то забыл?

— Ага!

Машина двинулась в сторону Аоямы. Наверное, они собрались поужинать в каком-нибудь модном ресторане на Аояме, подумал Эйити. Он

в таких заведениях почти не бывал и тут же почувствовал себя никчемным и жалким. Ревность колола грудь.

В Мэйдзи Гайэн такси, в котором ехал Курихара, свернуло направо и покатило по аллее, обсаженной гингко.

— Стоп! — крикнул Эйити водителю.

— Остановить?

Эйити расплатился с водителем и, делая вид, что прогуливается по аллее, следил взглядом за такси Курихары, подъехавшем к художественной галерее.

Машина остановилась, но Курихара выходить не стал. К такси быстро подошла стоявшая на каменных ступеньках галереи женщина.

Это была не Ёсико.

Женщина подсела к Курихаре, и такси унеслось в сторону Харадзюку.

«Если не Ёсико… то, может быть, Симада?»

Эйити не мог знать наверняка. Однако он был доволен результатом слежки: Курихара встречался с другой женщиной.

На посту медсестер висела доска, на которой мелом записывали график операций и имена пациентов. На следующий день на доске появилась фамилия Айко Нагаямы.

После того как операция назначена, жизнь пациента становится очень беспокойной. Приходится вновь делать кардиограмму, проверять объем легких; в центральной лаборатории берут новый анализ крови из уха.

Это делается для того, чтобы не только определить группу крови, но и определить время, за которое у пациента свертывается кровь при начавшемся кровотечении. Вытекающая из уха кровь собирается на длинную полоску бумаги, пока не остановится.

Заключение центральной лаборатории показало, что при наличии незначительных проблем с сердцем операция Айко Нагаяме тем не менее не противопоказана.

— Доктор!

За четыре дня до операции Эйити посетил Айко в палате. Она сидела на кровати и писала письмо. Заметив врача, она отложила бумагу и ручку.

— Мне перестали давать лекарство, — с удивлением в голосе проговорила Айко.

— А-а, — протянул Эйити, кивая с безмятежным видом. — Мы переходим на новый препарат. Поэтому прием старого лекарства прекратили.

— Новый препарат?

— Ну да. Будем использовать его после опера-

ции. Разве Курихара-сэнсэй вам не говорил?

Айко покачала головой, хотя смена препаратов, похоже, не вызвала у нее особых подозрений.

— Говорят, после операции очень пить хочется, — с улыбкой проговорила она.

— Так все говорят. Но все как-то с этим справились — смогли потерпеть. Вот и вы сможете.

— Нет, что вы! Из-за этого я не переживаю.

— Об операции беспокоетесь?

— Как только подумаю о войне… мы тогда столько пережили, что привыкли к страданиям. Так что операция на этом фоне — пустяк.

Горшков с растениями в ее палате прибавилось. Видно, она любила цветы, Эйити часто видел, как она их поливала.

— Кто-нибудь придет в больницу из вашей семьи, когда вас будут оперировать?

— У меня мужа нет, детей тоже. — Айко опять улыбнулась. — Но есть близкие подруги. Они придут.

— Понятно. Ваш муж на войне погиб?

— Да. Он служил на флоте.

«И вы с тех пор одна?» — собрался было спросить Эйити, но сдержался.

— Я хотела… — На ее лице появилось просящее выражение. — Вы не отпустите меня перед опе-

рацией из больницы часа на три?

— Отпустить? Сейчас у нас очень важный период. Вдруг вы, не дай бог, простудитесь, что тогда делать? У вас какое-то важное дело?

— Я думала до операции прибраться на могиле мужа.

Эйити взглянул на Айко с удивлением. Прибраться на могиле мужа перед операцией? Это действие казалось ему бесполезным и бессмысленным.

Наступило утро перед операцией.

В палате сестра дала Айко Нагаяме легкое снотворное, сделала инъекцию.

— Теперь не вставайте. У нас были пациенты, которые после этого, думая, что крепко держатся на ногах, вставали и падали.

Подтягивая одеяло к подбородку, Айко улыбнулась и кивнула. Скоро ей предстояло лечь на операционный стол, но она не казалась сильно взволнованной.

— Ты еще не засыпаешь? — Две подруги Айко, сидевшие у изголовья, внимательно посмотрели на нее.

— Пока нет. — Она моргала с натянутой улыбкой. — Вчера было очень забавно. Пришел анестезиолог, молодой доктор, и стал меня осмат-

ривать…

— И что?

— И с таким серьезным видом спрашивает: «Сколько вы выпиваете?»

— Я слышала, на пьющих анестезия плохо действует.

Айко кивнула:

— Вот на меня она сразу должна была подействовать… а пока нет.

— Я думаю, это не анестезия. Настоящую тебе дадут в операционной. Ты хорошо спала?

— Да… Мне приснилась школа.

Айко стала вспоминать с подругами, как они учились в женской гимназии Конан.

— Помните нашу старенькую электричку? Мы ездили вместе с мальчишками из Нады. От них потом все время пахло…

— Интересно, что со всеми стало? Все, наверное, замуж вышли, детей нарожали.

— А эти мальчишки все время за нами бегали.

— Точно. Но ничего толком сказать не могли.

— А если мы им что-то говорили, они делались красные как раки и вообще ничего не могли сказать. Такие наивные были школьники, да?

— С нынешними не сравнить. Взять моего сына. Он с девчонками может часами болтать и на

родителей внимания не обращает, даже если мы рядом сидим!

— Я засыпаю.

Айко прикрыла глаза, а ее подруги, отойдя к окну, смотрели на небо. День выдался облачный, вдали едва слышно гудели машины и грузовики.

— Жаль, что она не сходила на могилу мужа. Я ей об этом сказала, — прошептала одна подружка другой.

— Мне не нравятся все эти строгости, которые они тут завели. Уж это-то могли ей позволить.

— Правда.

В коридоре послышались шаги. Сестра, которая давала Айко снотворное, вместе с другой сестрой закатила в палату кровать на колесиках.

— Ну что же, Нагаяма-сан! Едем в операционную, — сказала сестра, встав у изголовья Айко. — Расслабьтесь. Сейчас мы вас переложим на эту кровать.

Айко улыбнулась подругам:

— Скоро увидимся.

— Держись! Мы тебя подождем здесь, в палате. Тебе что-нибудь нужно?

— Ничего, — сказала Айко, но, посмотрев на стоящие на полу горшки с цветами, добавила: — Не польете мои цветы?

В операционной шумела вода. С пола смывали пыль и кровь от предыдущей операции. На стеклянном столике медсестры в голубом хирургическом блузоне и большой маской на лице тупо позвякивали скальпели и пинцеты.

— Не волнуйтесь, пожалуйста, — обратился к Айко уже знакомый ей анестезиолог. — Сейчас вы уснете. А когда проснетесь, операция уже закончится. — Он попросил пациентку начать считать.

— Раз. Два. Три, — бормотала Айко еле слышным вялым голосом. Она быстро погрузилась в глубокий сон.

В операционной вновь наступила тишина. Шум воды, в которой отражался свет астральных ламп, лишь подчеркивал повисшее в помещении безмолвие.

Минут через десять появились завотделением Утида, главный хирург, и два ассистента — Курихара и Эйити. На них были белые халаты, одетые поверх резиновых фартуков, и сандалии. Сестра натянула им на руки стерилизованные перчатки, и они встали в ряд перед погруженной в наркоз пациенткой.

— Ну вот, — негромко проговорил завотделением, — начинаем операцию. Все готовы?

— Тонометр, внутривенные катетеры установлены, — отрапортовал Эйити.

Сестра захватила пинцетом ватный тампон, пропитанный настойкой йода, и, не говоря ни слова, провела им по телу Айко.

— Скальпель.

Взяв в правую руку в перчатке электрический скальпель, Утида слегка наклонился вперед. Послышался свистяще-шипящий звук. Вдруг открылась полоска белого жира, и в тот же миг Эйити увидел, как струей ударила темная кровь. Громко крякнув, Курихара перехватил зажимами кровеносные сосуды, а Эйити перетянул их шелковыми нитками.

Иглу внутривенного катетера вставили в вену на ноге Айко, и по резиновой трубке в ее тело стала поступать жидкость, содержащая стимуляторы сердечной деятельности, витамины и адреналин.

— Давление?

— В порядке.

Утида уже разрезал мечевидный отросток грудины и остановил скальпель чуть левее пупочной впадины. Потом вскрыл брюшину.

— Давление, сердце?

— В норме.

Небо затянули облака. В больнице амбулаторные пациенты с утомленным выражением на лицах, как обычно, сидели в ожидании своей очереди; слышались детские голоса, плач младенцев. В палате Айко две ее подруги тихими голосами продолжали переливать из пустого в порожнее.

— И вот он стал тонуть. Этот парень из Нады…

— Он что, плавать не умел?

— Вроде не умел. Такой переполох поднялся… А он, похоже, в самом деле ее любил…

— Разве он не знал, что у Айко уже был жених?

— Кто его знает. И вообще, она почти ничего о нем не знала.

— Ну да. Ребята из Нады тогда были такие…

Она посмотрела на часы на запястье.

— Еще и двух часов не прошло.

Авторучка

Прошло полгода, как кончилась война.

Одзу вернулся в Японию, переплыв то самое черное море, которое видел сквозь сетку дождя, когда его отправили на фронт. Грязный, видавший виды грузовой транспорт был под завязку набит японскими солдатами с такими же, как у Одзу, удрученными лицами, на которых после того, как всех лишили оружия и сорвали знаки отличия с воротников, уже не осталось ни чести, ни достоинства. Изможденные солдаты сидели на палубе, обхватив руками колени.

Этим людям еще повезло, что их взяли в плен войска коммунистического Китая. Жившие с ними в одних казармах солдаты, которых отправили на север Маньчжурии, были захвачены Советской армией и отправлены в Сибирь.

Шел дождь, когда они прибыли в Майдзуру[38]. После проверки в бюро по репатриации солдат посадили в вагоны, больше подходившие для перевозки скота, и отправили по домам.

Во все стороны тянулись выжженные пустоши.

---

[38] Примечания: 38

Порт в северной части преф. Киото на берегу Японского моря.

Эшелон, в который солдаты набились как сельди в бочку, с тупым скрежетом остановился на вокзале. Взгляду приехавших открылись сгоревшие руины и фигуры мужчин и женщин с вещевыми мешками за спинами.

— Никогда не думал, что до такого дойдет, — прошептал Одзу его приятель, готовый смеяться и плакать одновременно.

Одзу попрощался с ним и с вокзала Осаки отправился домой.

Дом, к счастью, не пострадал от жестоких воздушных налетов, но выглядел запущенным и жалким, совсем не таким, каким рисовался Одзу, когда он вспоминал в казарме о прошлой жизни.

Сад, за которым ухаживал отец, превратился в пустое поле. В земле были нарыты щели и траншеи, где люди спасались от бомбардировок. Ограживавшая дом стена местами обвалилась. Как ему сказали, ее разрушила воздушная волна год назад, когда бомбили расположенный неподалеку авиационный завод.

— В тот день я испугалась до полусмерти, — рассказывала мать, глядя на бывшую прежде садом пустошь, на которой еще лежал снег. — Я услышала такой грохот, будто по металлическому мосту несется экспресс. Тут же дом затрясся,

как от землетрясения, и стена стала рушиться у меня на глазах. Отца не было дома, я одна. Я даже до укрытия не смогла добежать.

Хотя Одзу и был солдатом, в Дайрене ему не довелось участвовать в боевых действиях и испытать на себе бомбардировки. Дайрен был стремительно захвачен советскими войсками, которые затем передали его китайским коммунистам. Можно сказать, Одзу повезло во всех отношениях.

Занятия в колледже еще не возобновились. Больше половины зданий в студенческом городке сгорело.

На улицах Осаки и Кобэ стал расцветать черный рынок. Одетые в военную форму бывшие солдаты, подобно Одзу, бродили по ним с вещевыми мешками за плечами в поисках съестного. На лицах людей читались усталость, отсутствие цели и пустота.

Как-то раз Одзу решил заглянуть домой к Хирамэ. Однако то место, где стоял маленький домик, который он хорошо помнил, превратился в обгорелый пустырь. Зимний ветер поднимал пыль среди обломков кирпича и гравия.

Он присел на кучу битого кирпича и задумался над своими потерями.

Хирамэ. Его вечно моргающий друг. Представив, что его больше нет в живых, Одзу вдруг не смог сдержать слез, хлынувших из глаз.

Он был неплохим парнем. С неба звезд не хватал, ничего выдающегося, но он был один из самых близких друзей Одзу. «Нет! Он был моим единственным другом», — думал Одзу, вытирая слезы ладонью.

Одзу не находил себе места, пока не возобновились занятия в колледже.

Многие приятели Одзу, такие же репатриированные, лишились крова — их дома сгорели дотла. Узнав, что они подрабатывают, он решил последовать их примеру.

Работы было навалом. Бывшие солдаты объединились в студенческий кооператив. Они закупали на фабриках в Амагасаки и Осаке сомнительного качества мыло, чайники и тостеры и продавали на улице. Все это удивительно хорошо раскупалось. Время было такое — любой товар находил своего покупателя.

Одзу присоединился к друзьям и, закинув рюкзак за плечи, поставлял эти товары на черный рынок. Они паковали сделанное из рыбьего жира мыло в оберточную бумагу, на которой было написано: «Made in USA». По ошибке его принимали

за настоящее американское, маркированное Made in U.S.A., и охотно раскупали.

Одзу стал заметной фигурой на черном рынке, приобрел привычку выпивать с друзьями. За обосновавшимися на улицах толкучками пристроились распивочные, отгороженные от народа камышовыми ширмами. Там бывшие солдаты, еще не сбросившие военную форму, накладывали на тарелки жареное китовое мясо и запивали его из стаканов дешевым сакэ.

Вечера Одзу проводил с приятелями в таких распивочных, наблюдая за снующими взад-вперед людьми и потягивая вонючее сакэ. И вспоминал Хирамэ и Айко. Время от времени на толкучки и в распивочные наведывались военные полицейские в белых металлических касках. Они охотились за проститутками.

Как-то в марте, покончив с хлопотами, Одзу, как обычно, заглянул с приятелями в один из таких «баров» за камышовой ширмой пропустить стаканчик. Вдруг они услышали громкие голоса и звук шагов.

— А что делать, раз есть нечего?!

Раздался топот ног, смешавшийся с возгласами мужчин и женскими криками. В бар вбежали две женщины.

— Облава? — спросил пожилой хозяин. — Американцы? Или наши?

— Наши фараоны, — отвечала одна из женщин. — Нашли у нас рис с черного рынка.

Время от времени полиция совершала рейды на толкучках. Одзу и другим студентам можно было не беспокоиться — они не имели дела с рисом и крупой. Полиция проводила облавы и задерживала тех, кто поставлял на черный рынок рис из крестьянских хозяйств, используя для этого рюкзаки или фуросики.

Женщины закрыли лица косынками и устроились на корточках в уголке, повернувшись спиной к посетителям. Одзу с приятелями встали так, чтобы женщин не было видно, и поглощали жареные пророщенные бобы.

Двое полицейских еще какое-то время топтались по распивычным и, поняв, что в этот раз никого не найдут, удалились.

— Все. Можете выходить.

— Спасибо вам, хозяин.

Не снимая косынок, женщины отряхнули колени, они были в брюках и дали хозяину двадцать иен в благодарность за то, что он укрыл их от полиции.

И тут взгляды Одзу и одной из женщин встре-

тились.

— Ой! — воскликнула она и остановилась. — Одзу-сан!

Это была старшая сестра Хирамэ…

— Я в таком виде! — Она стянула с головы косынку. Ей было неудобно, что на ней мужские брюки. Впрочем, Одзу тоже был в оставшихся с войны поношенной гимнастерке и солдатских брюках. — Я думала, мы больше не увидимся.

— Я ходил к вам домой. Но там весь район выгорел. Как ваша мама?

— Все в порядке. Живет со мной.

Приятель Одзу и женщина, что пришла вместе с сестрой Хирамэ, стояли у входа в «бар» и слушали их разговор.

— Это школьный товарищ моего брата. Тосисан! Может, ты пойдешь пока? — сказала сестра Хирамэ.

Когда они остались вдвоем, сестра Хирамэ сказала:

— У нас не очень чисто… но может, вы к нам заглянете? У меня есть одна вещь, принадлежавшая брату. Хочу вам передать.

По эстакаде прогрохотала электричка. Под ней вдоль бетонной стены струился грязный ручеек. Привалившийся к стене бродяга с отсутствую-

щим видом взирал на прохожих.

— Брат, будь он жив, наверное, отругал бы меня… Но когда у тебя мать на руках и помочь некому, тут уж не до нарядов.

Сестра Хирамэ никак не могла избавиться от чувства неудобства за свой наряд и за то, что ей приходится заниматься мелкой спекуляцией. Одзу вспомнил, как она выглядела в тот вечер, когда Хирамэ провожали в армию, как подливала гостям сакэ.

— Я слышал, что он умер на фронте, заболел… Что у него было? — спросил Одзу.

— Воспаление легких. Мы получили письмо от его сослуживца… По его словам, брат умер через два дня после того, как его положили в госпиталь.

— Значит… воспаление легких?

Одзу представил себе Хирамэ с его хилым сложением. Зеленых, неоперившихся первогодков, которых гоняют по холоду под открытым небом, в то время как «старики» греются в бараках у печек.

— В Корее зима, наверное, холодная.

Одзу непроизвольно вздохнул. Зимы в Дайрене стояли суровые, в Корее, видимо, тоже. Это была не просто низкая температура, холод причинял

настоящую физическую боль.

— Он старался держаться изо всех сил.

У Одзу не находилось других слов утешения для сестры Хирамэ. По пути она прижимала уголок косынки ко рту, чтобы не разрыдаться.

Они пересекли выгоревший пустырь и направились к тускло освещенному бараку. Его соорудили на месте сгоревшего гаража, от которого остались одни стены, и покрыли оцинкованным железом.

— Мама! — позвала сестра Хирамэ, когда они подошли к бараку. — Мама!

В окно выглянула женщина. Одзу узнал в ней мать Хирамэ, только волосы у нее стали белыми как снег.

— Я вас помню, Одзу-сан! Ведь это вы, Одзу-сан? Лицо женщины скривилось, из глаз брызнули слезы.

Сестра Хирамэ провела Одзу внутрь.

— Мне очень стыдно. Здесь такая грязь…

Она быстро собрала чашки и палочки для еды с низкого столика, отодвинула стоящую рядом переносную печку. На кнопке, приколотой к дощатой стене, висела фотография Хирамэ в рамке.

— Если бы мой мальчик был жив… мы бы до такого не докатились… — ворчала устроившаяся

рядом с Одзу женщина.

— Мама! Сколько раз я тебе говорила: какой смысл все это повторять? — повысила голос сестра Хирамэ. — Одзу-сан! Вот вещи, оставшиеся после брата.

Узел на фуросики из линялой клетчатой ткани был туго затянут. Сестра развязала его под тусклой лампочкой, и Одзу увидел костюм и галстук, в которых Хирамэ провожали в армию, и бумажник.

— Есть еще кое-что… Это привез его товарищ. Его репатриировали из Кореи. Они служили вместе.

Одзу непроизвольно протянул ладони к одежде, которую носил друг. Перед глазами встали станция Санномия и одетый в этот костюм Хирамэ, с гордым видом сходящий из вагона на платформу.

— Товарищ привез авторучку и записную книжку брата.

— Авторучку? Можно взглянуть?

— Конечно.

Сестра встала и взяла коробку с маленького столика, стоявшего в углу комнаты, и открыла ее.

— Вот.

Это была та самая авторучка. Ручка, которую

он не забудет никогда, даже если бы захотел.

— Да-а, — едва слышно выговорил Одзу. — Хирамэ… много ей писал.

— Возьмите. — Сестра внимательно всматривалась в лицо Одзу, повернутое к ней в профиль. — У нас больше ничего нет, чтобы дать вам на память о нем… Пожалуйста, возьмите, Одзу-сан.

— Но как же…

— Ничего. Думаю, брат был бы рад узнать, что вы ей пользуетесь.

Одзу в знак благодарности поднес авторучку ко лбу и положил во внутренний карман.

— Большое спасибо.

— А может, и записную книжку заберете?

Одзу покачал головой. Он не мог принять эти вещи, еще хранившие запах Хирамэ. Слишком мало вещей от него осталось.

— Нет, в самом деле, — сказала сестра. — У нас эта книжка все время будет напоминать о нем. Тяжело нам будет.

В мерклом свете лампочки Одзу пролистал записную книжку.

Большая часть страниц была пустая. В адресном разделе Хирамэ записывал имена и адреса знакомых. И еще несколько страниц представляли собой подобие дневника.

На одной из страниц Одзу заметил что-то вроде карты.

На ней Хирамэ нарисовал Асиягаву. Одзу расшифровал коряво написанные иероглифы: «сосны», «мостик» и еще «дом Айко».

Одзу взял записную книжку.

Было уже совсем темно, когда Одзу покинул дом Хирамэ, унося с собой авторучку и записную книжку. Над выжженными развалинами гулял ветер. Подняв взгляд к небу, Одзу увидел ярко сверкающие зимние звезды. Невыразимое отчаяние сдавило грудь. Он не мог понять, откуда появилось это безысходное чувство.

«Почему такие хорошие парни, как Хирамэ, должны умирать?»

Одзу переполняло чувство гнева, не находившее выхода. Но не только это вызывало его гнев.

«Почему такие чистые и простые люди, как Хирамэ, должны умирать?»

Но не из этого возникла охватившая его безысходность.

Простой непритязательный парень. Может, немного хитроватый, но носивший где-то в душе чистое чувство первой юношеской любови, которой он так дорожил. Наверное, такие парни есть повсюду. Но этот парень умер на войне, оставив

после себя лишь костюм, авторучку и записную книжку.

«Не из-за этого ли… ты… горюешь?» — хотелось прокричать Одзу звездам.

«Я не горюю, если умирает сильный человек или герой. Но я скорблю, когда умирает такой парень, как Хирамэ. И это горе невыносимо именно потому, что подобных ему можно встретить везде».

Бродяга, подпиравший бетонную стену эстакады, под которой струился грязный ручеек, заснул в той же позе. Рядом солдат на костылях, одетый в белое, растягивал меха аккордеона:

Яблоки не скажут вам ни слова,

Но чувства их я понимаю хорошо.

Одзу торопился на станцию, оставив за спиной усталый безрадостный голос. На платформе под мутным фонарем достал авторучку. Она совсем не выгорела, осталась такой же, как в тот день, когда он получил ее от Айко. Только на золотом пере присохло черное чернильное пятнышко.

Перелистывая записную книжку, Одзу просмотрел страницы, где были адреса. Увидел свои имя и адрес, записанные знакомыми каракулями. Поискал имя Айко, но почему-то его там не

оказалось.

«Рапорт рядового первого класса Утиямы после учений.

Сбор в 14:30.

Основные пункты наставлений. Строгая дисциплина и боевой дух».

Такого рода отрывистые бессвязные наброски встречались на страницах записной книжки то тут, то там.

На платформе почти никого не было. Лишь один станционный служащий спустился по лестнице и направился в начало платформы.

«АМУЗДАОКЙА».

Странное слово бросилось в глаза Одзу. Он наклонил голову, глядя на непонятную комбинацию знаков, напоминавшую телеграфный код. И сразу разгадал загадку.

Айко Адзума. Хирамэ написал ее имя задом наперед. Было в этом что-то трогательное. Он опасался, что его записная книжка может оказаться в руках командира отделения или кого-нибудь из «стариков».

«Какой же ты дурак!»

Одзу подумал, что должен во что бы то ни стало вернуть авторучку Айко. АМУЗДАОКЙА. Он обязан передать ей то мучительное чувство,

которое испытывал Хирамэ, когда в ожидании новых тычков от старослужащих, таясь от всех, записывал в казарме ее имя в свою книжку.

На станции Нигава последний раз Одзу был три года назад. За это время станция и ее окрестности мало изменились. Напротив все так же протекала узкая речушка с белым каменистым дном, выстроившиеся по обе ее стороны кремового цвета дома, и круглая гора Кабутояма по ту сторону речушки оставались на своем месте.

Дорогу Одзу еще не забыл. Пройдя немного через сосновую рощу, он вышел к пруду. Он помнил, как в пекарне возле станции ему рассказали, что дом семьи Нагаяма прямо у пруда.

Лодок на пруду, производящем зимой унылое впечатление, он не увидел. Видимо, в войну было не до них. У таблички с надписью «Пруд Бэнтэн» и стоявшегося рядом с ней дома вид был совершенно заброшенный.

Кроме того, на доме, где жила Айко, поменялась табличка с фамилией владельцев. Одзу не знал, какое отношение к семейству Нагаяма имеет появившаяся на двери фамилия Утибори.

Побродив несколько минут по округе, Одзу решительно нажал кнопку звонка. Потом еще и еще, но из дома так никто и не вышел. Похоже,

там никого не было.

Он вернулся на станцию и раздвинул стеклянную дверь пекарни.

— Кто там? — послышался из глубины помещения слабый, будто со сна, голос. Одзу оглядел магазин, но не обнаружил ни хлеба, ни булочек. Вместо всего этого стоял только велосипед.

Раздвижная перегородка чуть отъехала в сторону, и показалась женщина средних лет.

— Мы больше не печем хлеб, — извиняющимся тоном проговорила она. — Не из чего. Ни муки, ничего пока не можем достать.

— Я к вам не с этим. Там, у пруда, жила семья Нагаяма. Вы не знаете, куда они переехали?

Одзу вдруг вспомнил книжку, которую читал в детстве. Она называлась «Я ищу маму». В ней разлученный с матерью мальчик разыскивал ее, переезжая с места на место. Но всякий раз, когда он приезжал в какой-то город, выяснялось, что мать уехала куда-то еще…

— Нагаяма-сан… Я слышала, он на войне погиб.

— Погиб?

— Ну да. Он вроде на флоте служил.

Память нарисовала загорелое лицо морского кадета в белой форме с кортиком на боку, которо-

го Одзу видел на мосту через Асиягаву.

— Значит, его жена овдовела?

— Точно так. Такая жалость!

— А куда она уехала?

— Наверное, в эвакуацию.

— Ее эвакуировали?

Снова ждет тебя дальняя дорога, подумал Одзу. Давно, возвращаясь от Айко, он бормотал про себя: «Все, хватит! Больше ничего для него делать не буду!»

Но сейчас Одзу казалось, что Хирамэ стоит у него за спиной и, не переставая моргать, просит:

«Эй! Прошу тебя: не говори так! Отвези авторучку туда, где она сейчас. Куда ее эвакуировали».

Женщина из бывшей пекарни пошла за открыткой, присланной Айко. Она вспомнила, что на открытке, которую она получила полтора года назад, был адрес. Адрес того места, куда эвакуировалась Айко. Оказалось, это городишко Сюдзан к северу от Киото.

Спустя несколько дней после полудня Одзу сел в автобус, который шел из Киото через горы Китаяма. Он направлялся в Сюдзан, где после эвакуации все еще проживала с родителями Айко.

Небо затянули плотные тучи. Время от времени пробивавшееся сквозь них бледное зимнее

солнце проливало на горы свои лучи. Когда автобус наконец выбрался из северных пригородов Киото на дорогу, идущую через ущелье, было уже темно. Тянувшиеся по обе стороны дороги горные склоны, на которых еще лежал почерневший снег, густо были покрыты кедром, росшим только в этих местах.

В автобусе было холодно. Несколько угрюмых пассажиров с обреченным видом подскакивали на колдобинах вместе с автобусом. Дорога была извилистая, узкая и никуда не годная. Чувствовалось, что перед ними горы.

Подняв воротник вытертого пальто, Одзу провожал глазами встречавшиеся на пути обледенелые горные речки и стройный кедровый лес.

Они миновали несколько крошечных горных деревушек. Между крытыми соломой и дранкой домишками попадались лесопилки, больше похожие на хлева. Женщины работали там вместе с мужчинами.

Около часа автобус, задыхаясь и пыхтя, полз вверх по горной дороге, пока не добрался до перевала. Одзу все еще не мог представить, что Айко живет в этой унылой и мрачной горной глубинке. Он то и дело засовывал руку в карман, касаясь лежавшей там авторучки.

После перевала дорога пошла вниз, и вскоре в прозрачных солнечных лучах показался лежащий в котловине поселок. Это и был Сюдзан, где жила Айко.

Проехав котловину, автобус оказался на окруженной холмами главной улице, как бы открывавшей вход в долину. Если адрес, полученный Одзу в Нигаве от женщины из пекарни, был правильным, Айко проживала на этой улице рядом с буддийским храмом Дзёсёко.

Старенький автобус оставил Одзу одного и уехал, вздымая пыль. Одзу стал подниматься по склону, ступая по слежавшемуся снегу, который окаймлял дорожку в обеих сторон.

Показались главные ворота храма Дзёсёко. К ним вели каменные ступени, видневшиеся на окруженном лесом склоне. Об истории этого храма Одзу ничего не знал.

Подойдя к стоявшему рядом крестьянскому дому с большими воротами, Одзу взглянул на часы. Начало четвертого. Если он опоздает на обратный автобус в четыре часа, вернуться в Киото уже не получится.

Услышав шаги, привязанный в саду большой черный пес залился злобным лаем.

На лай отъехала в сторону стеклянная дверь,

и из дома показалась пожилая женщина в фартуке.

— Извините, это дом Нагаяма? — спросил Одзу.

— К Нагаяме-сан с другой стороны. Вы ее дочь ищите? Она только что ушла в храм. Она там сутры переписывает.

Одзу поблагодарил женщину и стал подниматься по ступенькам к храму. Холодный воздух висел меж деревьями как натянутая тетива. Время от времени резко кричала какая-то птица.

Поднявшись на холм, Одзу увидел пруд и маленькую статую богини Каннон. Крыша храма виднелась еще выше.

Он уже собрался продолжить подъем, когда наверху на ступеньках появилась женщина.

Это была Айко. В простых рабочих шароварах, с фуросики в руках.

— Эй! — окликнул ее Одзу.

Айко остановилась и с подозрением посмотрела на него. На лице ее мелькнуло удивление, и она застыла на месте.

Несколько мгновений они молчали и смотрели друг на друга, она с верхней ступеньки, он — с нижней.

— Я Одзу. Ты меня помнишь? — крикнул он.

— Да, — кивнула она.

— Я искал тебя дома, а мне сказали, что ты пошла в храм… У меня в четыре автобус. Я хотел тебе кое-что передать.

Он опустил руку в карман и медленно стал подниматься по ступенькам.

— Давно не виделись, — сказала Айко с вежливым поклоном.

Айко в своих грубых шароварах ничем не напоминала себя в юности. Пережитые ею невидимые глазу испытания, казалось, отпечатались на ее лице и руках, держащих фуросики.

— Тут такое дело… — начал Одзу и запнулся. — Я слышал, твой муж погиб.

— Да.

— И ты здесь… давно?..

— Да. Мы сюда незадолго до конца войны перебрались.

Бледное солнце снова пробилось сквозь облачную завесу. Откуда-то, плавно снижаясь, прилетела крошечная снежинка. Айко подняла голову, будто собираясь ее поймать, и посмотрела на небо.

— Ты что, и в поле работаешь? — поддавшись импульсу, спросил Одзу, увидев царапины на ее пальцах.

— Отец и мама уже старые. А ты, как я понимаю,

тоже был на войне?

Айко посмотрела на армейские башмаки, которые носил Одзу.

Они спустились по каменным ступеням и сели на лавочку у пруда. Мимо пролетела еще одна снежинка, которую откуда-то принес ветер.

— Здесь холодно, — пробормотал Одзу.

— Да. Мы в котловине, и со всех сторон горы.

— Ты изменилась, Айко.

— Не только я. Была долгая война.

— В армии я часто вспоминал школу Нада.

Она улыбнулась и помолчала. Потом тихо выдохнула:

— А та электричка еще ходит?

— Ходит! Только стала еще старее и ползет еле-еле.

— Я очень скучаю — и по электричке, и по нашим местам.

— Мы тогда представить не могли, что с нами такое будет. Такая беззаботная была жизнь!

— М-м.

— Как твой ребенок? Здоров?

Айко печально покачала головой:

— Он умер. Воспаление легких…

— Воспаление легких?!

— М-м.

Одзу подумал, что за время войны исчезло все, что может приносить людям счастье. В Японии не было ни одного человека, который бы чего-нибудь ни лишился. У кого-то сгорел дом, у кого-то умерли или погибли родные, пропали друзья.

— Хирамэ… ты его помнишь?

— Конечно. Что с ним? Как у него дела?

— Умер. Он тоже.

— О нет!

В глазах Айко мелькнули удивление и печаль.

— Он был в Корее. Заболел и умер.

Одзу достал из кармана завернутую в бумагу авторучку.

— Помнишь ее?..

Айко безучастно смотрела на гладь пруда. В глазах ее была пустота. Слова о смерти Хирамэ, должно быть, напомнили ей о дне, когда погиб ее муж.

— Ты помнишь ее? — повторил Одзу, и Айко наконец вернулась к реальности. — Авторучка. Когда-то ты подарила ее Хирамэ. Он так дорожил ей до самого последнего дня…

Брови Айко нахмурились, она внимательно слушала сбивчатую речь Одзу.

— Он… в записной книжке… нарисовал карту окрестностей Асиягавы. Ряды сосен. Мост. Твой

дом. Понимаешь, почему он это сделал? Этот дурачок. Так он отдыхал душой, утешал себя. Каждый день тяжелой службы первогодком. Рисовал карты Асия ручкой, которую ты ему подарила…

Маленькая снежинка скользнула по плечу изношенного пальто Одзу и приземлилась на щеку Айко. Небо, какое-то время сочившееся слабым светом, опять заволокло мрачными тучами.

— Когда-то она… принадлежала тебе… Теперь это память о нем.

Не говоря ни слова, она взяла маленький бумажный сверток.

— Теперь и мне… будет легче…

На лице Одзу появилась вымученная улыбка.

Маленькая авторучка, перешедшая от Айко к Хирамэ, пересекла море из Японии в Корею, вернулась в Японию и теперь вновь оказалась у своей хозяйки.

— Да… много чего было. — Одзу взглянул на часы. — Скоро автобус придет. Мне надо идти.

— Спасибо. — Айко неожиданно поклонилась. — Спасибо тебе большое, что приехал в такую даль, в эти горы.

Они вместе спустились по ступеням, прошли через храмовые ворота и направились к автобусной остановке.

За полями и холмами, еще покрытыми снегом, можно было различить холодную и пустынную гряду Китаяма. Чтобы вернуться в Киото, надо было перевалить эти горы, поросшие мрачным кедровником.

— В Хансин возвращаться не собираешься?

— Не знаю.

Вдали показался автобус, медленно направлявшийся к ним. Наверное, я ее больше не увижу, думал Одзу. Как не увижу вновь Хирамэ, так не увижу и ее.

— Береги себя! — проговорил, когда автобус подъехал к остановке.

— Ты тоже… — отозвалась Айко.

Одзу вошел в салон, где сидели всего два пассажира, и автобус тут же тронулся. За запачканным окном печально улыбалась одетая в шаровары Айко. Скоро она скрылась из виду…

Новый препарат

Автоматические двери операционной открылись, и оттуда появилась кровать-каталка в сопровождении четырех медсестер. Капельница для переливания крови и трубки, по которым подавался кислород, делали фигуру спящей Айко как бы частью какой-то машины.

Каталка медленно катилась по длинному освещенному коридору. Попадавшиеся навстречу посетители больницы прижимались к стенам, будто мимо них проезжало нечто пугающее.

Подруги Айко с тревогой ожидали ее у дверей палаты.

— Спасибо вам большое, — поклонилась одна из них медсестрам.

— С Айко все в порядке?

— Да, все хорошо.

Однако на бледном лице Айко не шевелился ни один мускул. Под установленным на кровати виниловым покровом одна из сестер торопливо прилаживала манжету тонометра к руке пациентки. Появился новый баллон с кислородом.

Сняв хирургический халат и приняв душ, Эйити

направился в палату, куда привезли прооперированную. Он прослушал стетоскопом сердечный ритм и легонько похлопал Айко ладонью по щекам.

— Нагаяма-сан. Нагаяма-сан!

Глаза Айко сонно приоткрылись.

— Операция окончена.

— Благодарю вас… — пробормотала она, с трудом ворочая спекшимися губами. — Спасибо… большое.

Айко снова впала в беспамятство. Эйити вколол ей в руку средство, стимулирующее сердечную деятельность, а также антираковый блалиамицин. Согласно инструкциям, полученным из лаборатории фармацевтической компании, ежедневные внутривенные инъекции от ста до двухсот миллиграммов препарата должны возыметь действие.

«Пусть так и будет! Пусть препарат сработает! Он должен оказаться более эффективным, чем блаомицин и адриамицин, — убеждал себя Эйити, вкалывая иголку шприца в тонкую белую руку. — И тогда меня запомнят в медицинских кругах… как человека, первым применившего это лекарство».

Он снова представил себе большую аудиторию,

где делает доклад. Ярусная аудитория забита под завязку. На первых рядах профессора разных университетов. Звучат удивленные возгласы. Это реакция на их с Курихарой выступление. С этого момента его имя запечатлится в головах всех этих профессоров.

— Я буду в больнице всю ночь.

Передав шприц сестре, Эйити обернулся к подругам Айко:

— Можете не беспокоиться и спокойно идти домой. Опытная сестра будет заглядывать к ней каждые полчаса.

— Но мы уже решили посменно дежурить у ее кровати.

— Вот как? Тогда, если заметите хоть малейшее изменение в ее состоянии, жмите на эту кнопку. И на всякий случай напоминаю: не давайте ей воды.

— Хорошо.

Эйити с сестрой вышли из палаты.

— Замечательный человек, скажи? — вздохнула первая подруга. — Совсем молодой… но такой уверенный, надежный… Как бы я хотела быть замужем за врачом.

— Да, в самом деле. Как он сказал, что беспокоиться нечего, у меня прямо камень с души

свалился.

Ночью Эйити дважды, через три часа, наведывался в палату Айко. Около полуночи она еще раз очнулась от наркоза, все вроде было в порядке. По методике лечения пациентке вкололи камфору и глюкозу.

— Почему бы вам теперь не отдохнуть? — участливо предложил Эйити подругам Айко, перед тем как вернуться в помещение дежурного врача. Там он засучил рукава рубашки, чтобы помыть руки, и тут зазвонил телефон.

Это был Курихара.

— Ну как она? Ты не звонишь, значит, проблем нет. Я правильно понимаю?

Едко пожурив Эйити за молчание, он стал подробно расспрашивать его о состоянии Айко.

— Понятно. Хорошо, коли так. Новый препарат не забыл вколоть?

— Разумеется, не забыл!

— Спасибо. Хорошо поработал.

Курихара наконец воздал Эйити должное. И вдруг, словно вспомнив, добавил:

— Слушай, завтра приезжает Тахара. Ты знаешь?

— Тахара?

— Угу. Шефу от него открытка пришла.

— Интересно, зачем он сюда?

— Кто знает. Может, отчитаться, как он там работает.

Тахара Эйити больше не интересовал. Новость о том, что Тахара возвращается в Токио после долгого отсутствия, не вызвала у него никаких чувств. К его жизни Тахара уже не имел отношения. Эйити злило, что в ночную смену пришлось еще отчитываться по телефону о состоянии пациентки перед Курихарой, корчившим из себя старшего. Но такова стандартная процедура, принятая в отделении, и ничего поделать с этим нельзя.

Эйити решил немного вздремнуть в дежурной, а когда открыл глаза, было уже утро. Для перенесшей операцию пациентки и ее подруг, которые провели у ее постели тяжелую долгую ночь, не могло быть большей радости, чем увидеть в окне первые проблески света, возвещавшие начало нового дня. Когда Эйити вошел в палату, подруги Айко с облегчением поднялись со стульев.

— Доктор!

— У нее всю ночь был жар.

— Это нормально. Послеоперационное явление.

Эйити пробежал глазами записи в карте, при-

вязанной к кровати, и успокоил женщин:

— Динамика положительная. Она просила воды?

— Нет. Ни разу. Перетерпела.

Терпеливая дама, подумал Эйити. Большинство пациентов после операции просят воды. Особенно капризны мужчины. Но сестра сказала, что Айко не просила ни воды, ни укола, чтобы снять боль.

Эйити вышел из палаты. Айко, все еще лежавшая с закрытыми глазами, тихо поблагодарила подруг:

— Спасибо вам.

— Ты проснулась? Все нормально, не беспокойся.

— Я видела сон. Муж приснился.

Во сне он стоял один на палубе крейсера, плывущего по бушующему морю. В белоснежной форме, руки уперты в бока. Взгляд глаз на суровом лице устремлен далеко вперед. Айко окликнула его, но он не обернулся.

Эйити возвращался в отделение по переполненному коридору.

В толпе медсестер и пациентов он заметил идущего ему навстречу Тахару.

Эйити давно его не видел. Тахара был одет во

все тот же неряшливый костюм и держал в правой руке все тот же видавший виды портфель. Но лицо у него было веселое, совсем не такое, когда его выслали из Токио.

Тахара шел, не замечая Эйити, и тому пришлось его окликнуть.

— Ой! — Тахара от удивления захлопал глазами и улыбнулся, демонстрируя дырку на месте зуба.

— Давненько не виделись. — Эйити протянул руку. — Вчера вечером Курихара сказал, что ты приезжаешь. Но я не думал, что сразу встретимся.

— Я ночным поехал и в шесть утра был в Уэно. Успел заглянуть в отделение, мне сказали, что у вас вчера была операция.

— Да. Желудок, — уклончиво ответил Эйити. — Ты сколько в Токио пробудешь?

— Дня четыре-пять. Есть кое-какие дела. У нас там старшая медсестра уволилась, нужно найти замену. Еще надо получить рентгеновскую установку…

Голос Тахары звучал бодро. По его жизнерадостному тону было понятно, что больница в Тохоку, хоть и маленькая, возложила на Тахару работу, требующую от него ответственности, и в ней он видел смысл жизни.

— Что ж вы у себя не могли найти старшую сестру?

— Мы хотим взять опытного человека в Токио. И потом в глубинке не хватает врачей и сестер.

— У нас здесь тоже сестры в дефиците. Подобрали кого-нибудь?

— Курихара сказал, есть подходящая кандидатура. Сейчас она в ухе, горле, носе работает, а до этого была в терапии и хирургии. Ее фамилия… Симада, по-моему. Ты ее знаешь? — простодушно поинтересовался Тахара.

В своем простодушии он совершенно не обратил внимания на промелькнувшее в глазах Эйити удивление.

— Симада?! — воскликнул Эйити.

— Точно. Так ты ее знаешь?

— Нет… не знаю.

— Она вроде давно работает. Курихара-сан так сказал.

Эйити помнил каждое слово, сказанное по телефону Курихарой минувшей ночью. Он говорил так, будто ему не было известно ни о цели приезда Тахары в Токио, ни об их разговоре насчет медсестры.

«Так вот оно что! Этот тип… собирается сплавить медсестру Симаду из больницы, чтобы не

мешалась под ногами».

Он вроде как двигает ее в старшие медсестры, а на самом деле вежливо выживает из больницы. Потому что она стоит у него на пути. Мешает ему жениться на Ёсико Ии.

«А с виду маменькин сынок… ведь никогда не скажешь».

«Ничего у тебя не выйдет!» — думал Эйити, опустив глаза и глотая слюну. Он лихорадочно прокручивал в уме варианты действий, пока ему не пришла в голову замечательная идея.

Ночное дежурство закончилось, состояние Айко после операции было стабильным, поэтому Эйити решил пригласить Тахару вечером закусить одэном недалеко от больницы.

Добродушное лицо Тахары раскраснелось после двух-трех чашечек сакэ.

— Я тебе правду скажу: конечно, тогда я хреново себя чувствовал, но сейчас я доволен, что уехал в Тохоку.

Во время разговора он назойливо повторял эти слова. Эйити понял, что Тахара вовсе не делает хорошую мину при плохой игре, а говорит от души.

— Правильно говорят: «Для всех в этом мире есть место под солнцем».

Тахара плеснул себе еще сакэ, хотя оно в него уже не влезало.

— Провинция для меня — это то, что надо. Конечно, когда попадешь в такое место, где не хватает врачей, приходится напрягаться — иметь дело со старушками, выслушивать жалобы невест и невесток. Но как тебе сказать? Есть во всем этом нечто такое, простое, человеческое.

Эйити кивнул в знак согласия, остро ощущая, как идет время.

— Слушай! — сказал он Тахаре, облизывавшему палочки после одэна. — Пойдем в другое место.

— Что?

— Валим из этой дыры. Я слышал, тут рядом, в пятидесяти метрах, открылся классный подвальчик. Идем туда.

— Спасибо, конечно, но я по шикарным заведениям не хожу. Не в своей тарелке себя чувствую.

— Да брось! Ты приехал, я операцию сделал. Давай позвоним одной сестричке и втроем выпьем.

Взглянув на часы, Эйити подумал, что Кэйко Имаи еще должна быть в терапевтическом корпусе. Собственно, он потащил с собой Тахару в том числе и для того, чтобы выманить Кэйко.

Он оказался прав: Кэйко оказалась на посту медсестер в терапевтическом отделении и взяла

трубку.

— Собирайся и выходи! Помнишь Тахару? Мы тут с ним выпиваем. Хотим сейчас пойти в подвальчик.

Кэйко удивилась — в последнее время приглашения от Эйити было не дождаться, но сразу согласилась присоединиться к мужчинам. Эйити вернулся и услышал вопрос Тахары:

— Кому звонил?

— Имаи, из терапевтического. Ты ее знаешь?

— Посмотрим. Может, узнаю, когда придет…

Пришла Кэйко, и все трое направились в недавно открытое заведение.

— Тахара-кун… — с нарочитой живостью начал Эйити, пока они плечо к плечу шли по улице. — Он приехал в Токио подыскать старшую сестру для своей больницы.

— Это все равно что жену искать.

Тахара не понимал, зачем Эйити начал разговор на эту тему.

— Не хочешь поехать? — насмешливо поинтересовался Эйити.

— А ты мне рекомендацию дашь? — ядовито ответила Кэйко. Эйити прекрасно понимал, о чем она думает.

— Я пас! — с преувеличенной энергией затряс

головой Эйити. — Потому что Курихара-сан уже порекомендовал Симаду. Думаю, уже все решено.

Он сделал паузу, потом добавил безразличным тоном:

— Курихара-сан… ходят слухи, вроде на дочке профессора Ии женится.

Кэйко резко повернулась к нему.

«Как дальше карта ляжет?»

Эйити в душе молился, чтобы дело пошло как ему хочется.

Больше распространяться на эту тему он не стал. Кэйко, как обычно, сделала вид, что ничего не замечает.

— В глубинке можно разного интересного опыта набраться.

Очутившись в новооткрытом заведении, Тахара не обращал особого внимания на стильный интерьер и продолжал вещать исключительно о своей больнице:

— Предположим, какую-нибудь деревенскую бабушку с туберкулезом кладут в префектуральную больницу. Лечат ее там правильно, все нормально, а выздоравливает она медленно. В чем причина? В том, что каждый день пребывания в этой замечательной, большой, сверкающей

чистотой больнице для нее стресс. Она от этого устает. А вернется к себе в деревню — сразу начинает поправляться.

— Всяко бывает.

Эйити кивнул, подавляя зевок. Тахара был ему больше не нужен. Он привел сюда этого парня только для того, чтобы сказать Кэйко то, что сказал…

— Честно говорю! Так что медицина — это не только лекарство и техника. Это сердца касается. Я решил для себя, что хороший врач — это тот, кто может помочь безнадежно больному человеку умереть счастливым. В нашей больнице в Фукусиме такие врачи есть. И хотя научные авторитеты ничего об этих людях не знают, я кланяюсь им, когда вижу, как они обращаются со своими пациентами.

— Что ты имеешь в виду?

— У них… есть сочувствие. Если такой врач делает все что можно, но в конце концов оказывается бессилен, все пациенты думают: значит, так тому и быть.

Эйити вдруг подумал об Айко Нагаяме. Новый препарат должен сработать. И тогда он в научных кругах…

— Что ж, пожалуй, я поеду.

Они вышли на улицу, Тахара сел на автобус, Эйити и Кэйко остались вдвоем.

— Человек на своем месте — это про Тахару, — пробормотал Эйити. — Тебе скучно было?

— Вовсе нет! — с насмешкой ответила Кэйко. — Ни капельки не было скучно. Потому что я сразу поняла, зачем ты меня вызвал.

— И… зачем же?

Разыгрывая невинность, Эйити сунул в рот сигарету. Около них остановилось такси, но садиться они не собирались, и машина уехала.

— Ты хочешь, чтобы я рассказала Симаде про доктора Курихару и дочку профессора Ии. Так ведь?

— Не понимаю. О чем ты?..

— Ты плохой человек. Преследуешь добычу как змея. Ты ненавидишь доктора Курихару. Хочешь столкнуть его с дороги. Собираешься расстроить его женитьбу?

— Это не смешно. Не надо делать из меня злодея на основании своих бредовых домыслов.

— Ты ведь хотел сплавить меня в Тохоку? Как доктор Курихара поступил с Симадой…

— Ну даешь! Ты меня сейчас разозлишь!

Кэйко остановилась и пристально посмотрела на Эйити.

— Женщины дуры. Я от тебя не отстану, хотя знаю, какой ты тип.

— Если ты меня любишь… — пробормотал Эйити скорее для себя и раздавил ботинком окурок, — должна помочь мне сделать карьеру.

— Прекрасно. Я расскажу Симаде обо всем. А ты… мне за это…

На третий день после операции, днем, Айко почувствовала легкую тошноту. Это мог быть симптом желтухи, но не обязательно, ведь белки глаз пока не пожелтели. Тем не менее Эйити считал, что они имеют дело с побочным действием нового антиракового препарата.

— Что делать будем?

Эйити решил посоветоваться с Курихарой, продолжать ли инъекции нового лекарства или остановиться.

— Н-да. — Тот наклонил голову набок, не зная, что ответить. — У Старика завтра обход?

— Да.

— Тогда сегодня продолжай колоть. А если тошнота не пройдет, сообщим Старику во время обхода. Пусть он решает.

Эйити мог понять Курихару. Он, как и Эйити, хотел убедиться в успехе нового препарата и считал, что надо продолжать инъекции, даже если

у препарата обнаружилось побочное действие. Он предпочитал считать, что оно вызвано чем-то другим.

На следующий день профессор Ии совершал обход. Все проходило по обычному сценарию: опустив руку в карман белоснежного халата, Старик шествовал впереди свиты, состоявшей из завотделением и всех сотрудников, заглядывал в каждую палату, развеивая страхи у женщин и строго укоряя молодых пациентов за нежелание выздоравливать. Тем временем наблюдающие пациентов врачи, напрягшись, стояли по стойке смирно.

Войдя в палату, где лежала Айко, профессор остановился и принялся нахваливать стоявшие у кровати цветы.

— Как замечательно они распустились!

— Она любит цветы, — сообщила одна из подруг Айко.

— А сильный аромат не вызывает трудностей с дыханием? Думаю, на ночь их лучше выносить в коридор, — мягко проговорил профессор, не спеша достал стетоскоп и откинул ворот рубашки Айко.

— Вы делаете инъекции нового препарата?

— Да. — Эйити доложил, какая доза применяет-

ся и сколько раз она была введена.

— Какова симптоматика после операции?

— Сразу после наблюдалось повышение температуры. Сейчас эта проблема купирована. Но вчера пациентка пожаловалась на легкую тошноту.

— Да! — Профессор уверенно кивнул, давая понять, что не видит в этом проблемы. — Ну что же? Все идет нормально, мадам, — успокоил он Айко и ее подруг. — Тошнота — это не предмет для беспокойства.

Улыбнувшись и слегка наклонив голову в поклоне, Старик вышел из палаты. Утида и все остальные последовали за ним.

— Курихара-кун! — В коридоре профессор обратился не к Эйити, а к Курихаре. — Эта тошнота… насколько серьезно?

— Пока в легкой форме. Но если это реакция на новый препарат, полагаю, поводов для оптимизма нет…

— Я и не испытываю особого оптимизма.

— Я понял. Нам продолжать инъекции?

— Продолжайте. Мы еще не понимаем, вызвана ли тошнота новым препаратом. Это может быть воспалительный процесс в печени из-за переливания крови… Надо сделать исследование печени

плюс капельница с глюкозой.

— Сделаем.

Эйити чувствовал, что его игнорируют. Ведь это он наблюдал пациентку сразу после операции и на следующий день, он обнаружил эти симптомы. И тем не менее на вопросы профессора отвечает Курихара, будто все это сделал он. А про Эйити даже не вспоминают.

Во второй половине дня приступы тошноты у Айко усилились. Однако Эйити выполнил распоряжение профессора: поставил капельницу с глюкозой и вколол очередную дозу нового препарата.

В воскресенье Одзу отправился в универмаг за тушью, кистями и бумагой. За несколько дней до этого директор фирмы, где он работал, показал ему книгу по каллиграфии, и ему вдруг захотелось попрактиковаться.

Когда он сообщил об этом жене и дочери, они подняли его на смех:

— Ты ничего не умеешь доводить до конца. Помнишь, ты начал собирать камни, как сумасшедший? И скоро бросил.

В универмаге было полно народа, в основном молодых мужчин и женщин. В выставочном зале на седьмом этаже проходила персональная вы-

ставка художницы Наоми Сэкия, вернувшейся из Франции. Глядя на ее картины — каменные ступени Монмартра, кафешки, Одзу испытывал острую зависть к молодежи. Сейчас молодые люди ездят за границу, имеют возможность впитывать в себя что угодно, а они с Хирамэ в этом возрасте мыли в армии полы, чистили винтовки и получали тычки и оплеухи от командиров. Молодая женщина в легинсах в обтяжку, которая сидела возле ресепшена и разговаривала с посетителем, видимо, и была художницей, написавшей все эти картины. У нее был замечательный профиль, обрамленный длинными темными волосами.

Вместе с тушью и кистями Одзу приобрел «Руководство по каллиграфии» Сунь Готина[39]. Одзу нравился его простой, безыскусный стиль. Не выходя из переполненного универмага, он устроился в ресторанчике за чашкой черного чая и принялся рассматривать иероглифы. Уже давно он не проводил воскресенье так спокойно.

Перевалило за полдень. На небе по-прежнему не было ни облачка. По ясному небу плыл рекламный воздушный шар. Направляясь на остановку автобуса, Одзу даже чувствовал легкое

---

[39] Примечания: 39

Сунь Готин (646–691) — известный китайский каллиграф времен династии Тан.

сожаление, что приходится возвращаться домой.

«Куда бы поехать?»

Идея! В больницу, где работает Эйити.

«Правда, он сегодня выходной…»

Воскресенье. Одзу знал, что сын куда-то уехал, но не на работу. Сына в больнице не было, и все равно Одзу решил туда заехать, потому что беспокоился за Айко: как она чувствует себя после операции.

— Как та женщина? Операция прошла удачно? — поинтересовался он у Эйити три дня назад, стараясь скрыть беспокойство.

Он помнил ответ сына, в котором звучало раздражение:

— Все в порядке.

Если операция прошла хорошо, то сейчас, примерно неделю спустя, Айко, быть может, уже гуляет по коридору. Она может даже пройти мимо. Столько лет минуло, вполне вероятно, она и лицо Одзу не помнит. Ведь последний раз они виделись тогда, у храма Дзёсёко.

Все это не важно, думал Одзу, сидя в автобусе. Даже если она все забыла о нем, о Хирамэ и об авторучке, это не важно. Он просто потихоньку войдет в больницу и так же тихо выйдет, пусть даже ему не доведется ее увидеть.

Он сошел с автобуса и зашагал к больнице. Во внутреннем дворе и у входа, где в будние дни сновали посетители и медсестры, было тихо. Время от времени подкатывало такси, высаживало пассажиров, которые, видимо, приезжали проведать родственников или знакомых.

Стук каблуков эхом отдавался в длинном коридоре, по которому Одзу шел к лифтам. Он запомнил расположение отделения, где работал сын.

Миновав ведущие в отделение двери, Одзу подошел к палате Айко. Где-то работал телевизор, транслировали бейсбольный матч. Других звуков не было слышно.

Вдруг из палаты, где лежала Айко, вышла медсестра и бегом припустилась в сторону сестринского поста. Лицо ее выражало озабоченность.

Несмотря на поднявшуюся в коридоре тревожную суету, из большого холла по-прежнему доносился шум работающего телевизора.

В коридор выскочили две сестры. Следом за ними в палату Айко влетел молодой, похожий на студента врач. В руке он сжимал стетескоп. Окончательно стало ясно, что в состоянии Айко произошли резкие изменения.

Растерянный, Одзу прислонился к стене. Ко-

гда он вышел из универмага и неожиданно для самого себя решил ехать в больницу, у него и в мыслях не было, что он может столкнуться с такой ситуацией.

«А Эйити… где он? Что делает? Эйити!..»

Надо сообщить сыну о том, что происходит, думал Одзу. Ведь он ничего об этом не знает. Где он сейчас?! Одзу бросился к красному телефону-автомату, висевшему на стене в конце коридора, позвонил домой.

— Как там Эйити? Уже дома?

— Нет его пока.

Юми была встревожена паническими нотками в голосе отца.

— Ты где, папа?

— Какая разница! Если Эйити вернется, пусть немедленно позвонит в больницу.

Одзу повесил трубку, достал из кармана носовой платок и вытер пот.

Появилась еще одна медсестра и окликнула того самого молодого, похожего на студента врача:

— Доктор! В терапевтическом отделении, в комнате медсестер, я видела доктора Тахару.

— Доктор Тахара?

— Да. Тахара-сэнсэй. Тот, который уехал в больницу в Тохоку.

— Попросите его немедленно прийти. Скажите, что я интерн и не могу справиться.

— Я сейчас.

Одзу опустился на стоявший тут же диванчик и снова вытер пот со лба.

«Помогите! Помогите ей! — молил он, положив руки на колени. — Эйити… где же он? Что делает? Эйити!..»

Скоро двери лифта возле сестринского поста раздвинулись и появился заурядной внешности человек, с виду немного старше Эйити. Одзу сразу понял: это доктор Тахара.

Халата на нем не было; он тут же скрылся в палате Айко. Через несколько минут оттуда не спеша вышла медсестра. Она никуда не торопилась, и Одзу понял, что ситуацию наконец удалось взять под контроль.

— Потом возьмите кровь на анализ для проверки состояния печени, — отдал распоряжение другой сестре доктор Тахара, выходя из палаты. — Мы что надо сделали, однако приступ может повториться. Немедленно свяжитесь с Курихарой и Одзу. У нее слабое сердце. Мне кажется, это очень резкая реакция на лекарства. Что вы ей даете?

— Новый противораковый препарат.

— Новый препарат? И как он называется?

— Я не знаю. Курихара-сэнсэй и Одзу-сэнсэй прописали его этой пациентке.

— Можно взглянуть на ее карту?

Сестра колебалась, Тахара бросил на нее суровый взгляд:

— Я за все отвечаю.

Одзу ждал, пока Тахара просматривал карту. Наверное, нетактично будет справиться у него о состоянии Айко, ведь он не родственник. Но уйти просто так Одзу не мог.

Если судить по словам Тахары, получается, что самочувствие Айко ухудшилось из-за приема лекарства, которое прописал ей Эйити. И в такой момент, думал Одзу, его сын где-то шатается, оставив свою пациентку без надзора. Сидя на диване, Одзу про себя просил прощения у Айко и ругал разными словами сына.

— Хорошо, я буду внизу, пока не придет доктор Курихара или еще кто-нибудь, — услышал он голос Тахары. — Если понадоблюсь — звоните.

— Спасибо вам большое, доктор.

Когда этот невзрачный человек зашагал по коридору, ноги сами понесли Одзу к нему.

— Извините! — начал Одзу и запнулся, не зная, что говорить дальше. — Скажите, с ней все в

порядке… с этой женщиной?

Тахара удивленно обернулся.

— Как она?

— У нее слабое сердце, увеличена печень… Но я не работаю в этой больнице. — Врач моргнул, будто ему стало трудно говорить. — Сейчас придет наблюдающий врач. Успокойтесь и подождите его.

После того как Тахара ушел, Одзу спустился по лестнице в вестибюль. Напротив пустой в воскресный день аптеки стояло несколько диванчиков. Он присел на один из них. Ему хотелось спрятаться.

Прошел почти час, когда у больших стеклянных дверей наконец затормозило желтое такси и из него выскочил Эйити. По-видимому, ему сообщили о звонке отца, и он поспешил в больницу. Увидев, как сын вошел в лифт, Одзу облегченно вздохнул и покинул больницу, вытирая пот рукавом. Где-то глубоко внутри он почувствовал боль в желудке, которой не испытывал уже давно.

Выйдя из лифта, Эйити заглянул в комнату, где сидели две медсестры.

— Ой! — воскликнули они в один голос и на миг умолкли. — А мы где только вас не искали.

— Сегодня, между прочим, воскресенье.

— Тут был Тахара-сэнсэй. Сейчас она немного успокоилась, но ее несколько раз вырвало. Есть подозрение, что это гепатит.

— Гепатит? Из чего же это следует? — язвительно поинтересовался Эйити.

— Так Тахара-сэнсэй сказал. Он смотрел ее карту и…

— Тахара?! Карту?! — Эйити изменился в лице. — Вы же знаете, что Тахара больше не является врачом этой больницы. Какое вы имеете право без разрешения показывать ему карту пациентки?

Эйити негодующе зыркнул на медсестер.

— Другого выхода не было! — восклинула одна из сестер. Она была на грани истерики. — Интерн — Хори-сэнсэй — послал за Тахарой-сэнсэй. И тот о карте сказал, что берет на себя ответственность. Позвоните ему и спросите!

Не говоря больше ни слова, Эйити покинул сестринский пост. Заглянул в палату Айко. Пациентка спала, лицо ее было бледно, в тонкой белой руке торчала игла от капельницы с глюкозой. В палате еще не выветрился запах спирта, на полу валялся клочок ваты, испачканный в крови.

Выйдя из палаты Айко Нагаямы, Эйити увидел Тахару. Он стоял на другом конце коридора и

смотрел на него.

Стараясь, чтобы эмоции не отражались на лице, Эйити выжал из себя улыбку:

— Пришлось тебя потревожить. Она сейчас в порядке. Спасибо, выручил.

Тахара пристально посмотрел на него:

— Я оказал первую помощь. Временные меры. Сестры показали мне ее карту.

— Да, я знаю. — Эйити кивнул с безразличным видом. — Все в порядке. Дальше уж мы сами… Я не знал, что ты еще в Токио.

— Я возвращаюсь поездом послезавтра.

— И Симаду с собой берешь?

— Угу. Она едет со мной. Больные ждут.

— Вот как? Ну, будь здоров.

Делая вид, будто ничего не произошло, Эйити поднял руку, прощаясь с коллегой, однако Тахара все стоял в коридоре и уходить не собирался.

Эйити сделал шаг в сторону сестринского поста и услышал:

— Послушай! Что за новый препарат вы используете на этой пациентке?

— У? — Лицо Эйити оставалось бесстрастным. — Новый препарат? А-а, ты об этом… Да, ничего особенного.

— Как он называется?

— Спроси шефа или Курихару. Я выполняю распоряжения начальства.

— Эта пациентка… из того, что я мог увидеть, это побочное действие, которое препарат оказал на печень. Вы исследование печени проводили?

— Извини, конечно! — Эйити впервые открыто показал свое раздражение. — Но ты больше не имеешь отношения к нашему отделению. И твои распоряжения я выполнять не собираюсь…

Если бы перед ним был прежний Тахара, такие слова наверняка заставили бы его замолчать. Прежде, когда они спорили о медицине, Эйити всегда прижимал Тахару к стенке.

Но на сей раз Тахара покачал головой и проговорил негромко:

— Я задаю тебе вопрос не как сотрудник отделения, а как врач.

— В таком случае, — парировал Эйити, — я хотел бы видеть уважение к позиции другого врача и его методу лечения.

— Это, по-твоему, лечение? А может, испытание нового препарата на человеке?

— Профессор Ии вместе с шефом одобрили лечение.

— Неужели? Даже такому знахарю, как я, понятно, что нельзя применять опасное новое

лекарство к пациенту с расстройством печени.

— Ухудшение состояния может быть вызвано гепатитом, который мог оказаться в сыворотке крови. Ей делали переливание.

— Но, судя по ее карте, вы… Хотя какого черта! Это не имеет никакого значения. Потому меня и выперли из отделения, где пациентам колют бесполезные препараты, вроде бетиона. Я знаю, как вы заполняете эти карты. Кому угодно можете мозги вправлять, только не мне.

Оказавшиеся на сестринском посту две медсестры, навострив уши, слушали, о чем говорят Эйити и Тахара.

— Послушай, Тахара! Пойдем отсюда. В другом месте поговорим. — Спасовав перед проявившим не свойственную ему твердость оппонентом, Эйити пытался его утихомирить. — Пациенты могут услышать.

Они вошли в лифт. В холодном молчании доехали до первого этажа.

— Ну зачем надо было там об этом говорить? — пробормотал Эйити, когда они шли по коридору.

— Извини. Просто я разволновался.

— Но ты войди в мое положение. Шеф и Курихара сказали мне колоть новый препарат. Как я могу сказать «нет»? Я в отделении мелкая сошка…

Эйити прежде всего хотел успокоить Тахару и вывести его наружу.

— Когда профессор делал у нас обход, я говорил ему и Курихаре о ее печени. Но… — Эйити специально говорил голосом, рассчитанным на сочувствие. — И Курихара, и Старик… сказали, чтобы я еще какое-то время поколол ей этот препарат и понаблюдал за ее состоянием…

— А в других больницах его проверяли?

— Я ничего об этом не знаю.

— Значит, вы его использовали, не имея данных?

— Конечно, мы изучили данные, предоставленные фармацевтической компанией.

Тахара вдруг остановился.

— А-а, фармацевтическая компания? Не иначе как та, где рулит папаша Курихары?

— Угу.

— Выходит, та женщина — первая, на ком его испытывают. Так?

— Ничего не могу сказать.

— Ничего не можешь сказать? А если бы она была твоя родственница, ты бы ей тоже стал колоть этот эспериментальный препарат? Своей матери? Или сестре?

— Может, и стал бы, — немного помолчав,

раздраженно ответил Эйити. — Какое лекарство ни возьми, должен быть пациент, на котором оно будет опробовано в первый раз, чтобы его можно было совершенствовать и разобраться с эффективностью.

— Мы с тобой не Дженнер — не вакцину против оспы изобретаем. Мы используем новые препараты всего в двух случаях: потому что прежние уже неэффективны или когда есть добровольное согласие пациента. Вы получили согласие этой женщины?

— Не надо меня опять грузить. В Америке испытывают новые препараты на заключенных…

Тахара удивленно посмотрел на Эйити. Взгляд его сделался печальным.

— Ты в самом деле так думаешь?

— Все, хватит! Не будем больше об этом.

Эйити тряхнул головой и криво улыбнулся. От их спора все равно не будет никакого толку. Они с Тахарой думают по-разному и, сколько бы они ни говорили, договориться все равно не смогут.

— Мы врачи. Как у всех людей, у нас есть амбиции, нам хочется признания… Но врач… — Тахара говорил тихо, будто самому себе, — …помимо всего прочего — врач! Он помогает людям.

— Все понятно. У меня работа. Мне надо идти.

Эйити обернулся.

Тахара в ответ пробормотал невесело:

— Полагаю, мы больше уже не увидимся.

— М-м. — Эйити покачал головой и повернулся спиной к человеку, который был его другом со студенческой скамьи. — Что я могу сделать, раз ты так считаешь.

Свист

Айко приснился сон.

Она ходила к мужу на могилу. В больнице самым большим ее желанием было до операции привести в порядок его могилу.

Купив цветы и позаимствовав ведро и метелку, она неслышно шагала по погруженному в тишину кладбищу.

Почему-то во сне действие происходило осенью. Она обратила внимание, что там и сям могилы были украшены хризантемами. Вокруг могил разрослись космеи.

«Хорошо бы посадить у него космеи», — подумала Айко.

Эти цветы буйно цвели в Нигаве, в саду при родительском доме ее мужа. Осенью сад пестрел розовыми и белыми цветами. Пчелки с жужжанием перелетали с цветка на цветок в поисках нектара.

Иногда мужа отпускали домой с военно-морской базы в Курэ, где он служил. Ему безумно нравились эти цветы.

— Мы их специально не сажали… Ветер принес

откуда-то семена, и вот что получилось, — рассказывал муж.

Поэтому в округе не было ни одного дома, где бы не росли космеи. Ветер переносил невесомые семена, и цветы разрастались вдоль дороги.

Айко повыдергивала окружившие могилу мужа хилые сорняки, смела их веником, вылила воду на могильный камень.

— Я не смогу приходить к тебе какое-то время. Мне должны делать операцию, — прошептала она, сложив перед собой руки. — Извини.

— У тебя операция? — спросил ее на ухо муж. Его голос звучал молодо, как в то время, когда муж ушел на войну и не вернулся.

— В жизни человека бывают моменты, когда ему приходится идти в бой. Сейчас наступило время твоей войны. Ты должна вытерпеть и победить, как бы тяжело ни было!

— Да!

Айко верила, что сможет превозмочь себя, выстоять и вытерпеть.

— Все будет в порядке. Я ведь со всем справлялась, когда нас эвакуировали в Сюдзан.

— Именно!

Она увидела перед собой мужа. Он кивнул, его мужественное загорелое лицо озарила улыбка.

Белоснежная, ослепительная.

— В поле у меня здорово получалось. Даже местные крестьяне хвалили. Как же мне хочется угостить тебя овощами, которые я выращивала!

Айко представила, как управляется с мотыгой. До того она никогда не держала ее в руках, но благодаря силе воли смогла справиться с этим инструментом. Думая о погибшем муже, разговаривая с ним, она вспоминала, как вспахивала поле мотыгой. День за днем, день за днем. Выматывалась так, что, когда наступали сумерки и солнце закатывалось за горную гряду Китаяма, буквально валилась с ног от усталости. Это был лучший способ забыть о своем горе.

— Самое тяжелое для тебя время было, когда ты узнала, что я погиб? — спросил муж.

— Да. И еще когда мы запустили воспаление легких у нашего малыша. Я так виновата перед тобой…

— Не надо. Просто врач тогда не смог приехать.

Айко покачала головой, стараясь отодвинуть в памяти день скорби…

Почувствовав чье-то присутствие, Айко чуть-чуть приоткрыла глаза. В дверях палаты стояла медсестра. В правой руке она держала корзину

цветов.

— Как вы себя чувствуете, Нагаяма-сан?

Айко едва заметно улыбнулась. Это усилие потребовало всех ее сил.

— Тут вам цветы прислали. Поставить в коридоре?

После того как состояние Айко ухудшилось, все цветы в горшках, которые стояли в ее палате, вынесли в коридор. От их аромата ей было трудно дышать.

— Да, — едва слышно отозвалась она. — От кого?

Медсестра сунула руку в корзину и достала маленький конверт.

— Как это читается? Хэймоку[40]? Два иероглифа. Хэймоку… Я поставлю в коридоре. Скоро придет доктор. Если вам что-то понадобится, нажмите на кнопку…

Хэймоку… Нет! Хирамэ. Воспоминания далекого-далекого прошлого ожили в голове Айко. Тот парень из школы Нада. Они все время бегали за ней и ее подругами.

«Но почему Хирамэ?..»

Сквозь туман в голове Айко вспомнила, как к

---

[40] Примечания: 40

Иероглифы, которыми пишется фамилия Хирамэ, могут также читаться как Хэймоку.

ней приходил приятель Хирамэ. Он рассказал, что Хирамэ взяли в армию и он там умер, и достал из кармана авторучку. Это она тоже помнила.

«Человек погиб… как же он корзину с цветами?..»

Однако охватившие Айко усталость и апатия не давали ей разобраться, как такое может быть. Она уже не отличала живых от мертвых. Смерть уже опускала свой покров на ее лицо, подобно тени, которая заглянула через окно в ее палату.

Теперь ей снился другой сон. Ночь, когда в Сюдзане умер ее малыш.

Врача все не было. Человек, отправившийся за ним, вернулся и сказал, что доктор уехал к больному в другую деревню и приедет не раньше чем через два часа.

Ребенок спал в маленькой кроватке, его личико пылало, белки закатились. Он дышал тяжело — дыхание больше походило на хрип. Айко клала ему на лоб мокрое полотенце, которое почти сразу приходилось менять на другое.

Едва слышно звякнула на печке жестянка с лекарством. Свекор Айко стоял в коридоре перед стеклянной дверью.

— Снег пошел, — пробормотал он с болью в голосе.

Уже поднималась серая вечерняя дымка. Айко видела, как в ней танцуют крупные белые снежинки.

— Ну где же врач? — раз за разом бормотал себе под нос одну и ту же фразу свекор.

Во сне Айко почувствовала, как кто-то поднимает ее левую руку, и вновь открыла глаза.

У ее изголовья стояли Утида и Курихара. Им показалось, что она еще спит.

— Прекратите инъекции.

— Хорошо.

— Жаропонижающее давали?

— Два часа назад.

— Что ж, через два-три дня может наступить кризис.

Измученная Айко краем уха слышала обрывки этого разговора.

В тот вечер Эйити опять вернулся домой довольно поздно. Одзу слышал, как сын устало мыл руки в туалетной комнате. Он понял, что изменений к лучшему в состоянии Айко не произошло.

— Добрый вечер! — Эйити чуть отодвинул створку фусума[41] и, просунув голову в щель, заглянул в гостиную.

---

[41] Примечания: 41
Легкая раздвижная стена в японском доме.

Одзу окликнул сына, когда тот прямо из туалета направился к себе вверх по лестнице:

— Может, чаю выпьешь?

— Нет. У меня еще дела есть.

— И все-таки давай посидим.

Эйити недовольно посмотрел на домочадцев, но все-таки вошел в гостиную.

— У тебя вид усталый.

— Угу.

Эйити взял протянутую матерью чашку и громко отхлебнул чай. Одзу не сводил с него глаз.

— Как твоя пациентка?

— Пациентка?

— Плохо дело?

Эйити отставил чашку.

— Похоже на то. Мне кажется, у нее рак в последней стадии.

— Жалко ее, — вздохнула мать. — Может, операцию сделать?

— Сделали уже. Но если случай запущенный, и операция не поможет.

Обычно Одзу не раздражала такая манера Эйити говорить о вещах. Но в этот раз безответственный тон сына задел его, и он спросил:

— Если вы знали, что это не поможет, зачем тогда оперировали?

— Потому что операция успокаивает пациента, хотя бы на время. Кроме того, разрезав пациента, можно определить, как далеко зашла болезнь. Гораздо точнее, чем с помощью рентгена и другого оборудования. И это дает данные для исследований.

— Выходит… ты ее оперироал, чтобы получить данные для исследований?

Одзу уловил нотки гнева в своем голосе.

— А она… эта Айко Нагаяма, — озадаченно глядя на отца, проговорил Эйити. — Ты ее знаешь?

Одзу заметил, что не только сын, но и жена с дочерью — все смотрят на него. Было слишком поздно.

— Да, я ее знаю, — сказал он негромко. — Когда я учился в школе Нада, она ходила в женскую гимназию Конан.

— Как же ты узнал, что ее положили в больницу, где работает Эйити? — с недоверием спросила Нобуко.

— Когда я ходил туда к Эйити, я случайно увидел табличку с ее именем. Вот и все.

— Правда?

Одзу скривился и, взяв в руку чашку с чаем, сказал:

— Муж Нагаямы-сан был блестящим морским

офицером. Он погиб в сражении, и ей пришлось многое пережить.

— Я в первый раз от тебя это слышу.

— Особой необходимости не было тебе об этом рассказывать.

Нобуко что-то неправильно понимала. Некоторые люди считают, что в отношениях между мужчиной и женщиной обязательно должно быть что-то сомнительное, неприличное. Видимо, Нобуко тоже относилась к таким людям.

Зазвонил телефон. Эйити поднялся и вышел в коридор.

Какое-то время оттуда доносились короткие «да» и «вот как?», и скоро Эйити вернулся в гостиную.

— Сложное дело. Мне надо идти.

— Прямо сейчас? — Мать удивленно подняла голову. Не зная, что думать, она проводила его в прихожую, где он обувался. — Что-то случилось?

— Мне надо увидеться с Курихарой.

— В такое время? Уже одиннадцатый час!

Ничего не отвечая, Эйити распахнул дверь. Вышел на главную улицу и, подождав немного, остановил такси.

— Слушай! У нас проблемы. — Он все еще слышал встревоженный голос Курихары из теле-

фонной трубки.

— Что случилось?

В голове Эйити сразу всплыло имя медсестры Симады. Однако Курихару волновало другое.

— Ты можешь сейчас приехать? О нашем новом антираковом препарате пронюхали газетчики.

— Как это получилось?

— Понятия не имею. Приезжай скорее!

Курихара назвал ему адрес своей квартиры в Адзабу. Похоже, отделившись от родителей, он жил там один, наслаждаясь холостяцкой жизнью.

Следуя объяснениям Курихары, Эйити миновал англо-японскую школу «Тоё» и, спустившись с холма, обнаружил по правую руку его дом. Шикарные апартаменты. На такое жилье Эйити и ему подобным за всю жизнь не заработать.

Он вылез из такси, прошел через автоматические двери и слева в вестибюле увидел Курихару. Рядом с ним сидел еще один человек. Должно быть, из газеты.

Увидев Эйити, Курихара сухо представил его газетчику:

— Это Одзу-кун из нашего отделения.

Корреспондент вынул из кармана визитную карточку и протянул Эйити. Фамилия на карточ-

ке была Югэ.

— Собственно, я интересовался новым лекарством против рака, которым вы лечите пациентку по фамилии Нагаяма, — заявил Югэ, глядя Эйити прямо в глаза. — Как я слышал, вы первые используете это лекарство для лечения больных.

Глянув мельком на Курихару, Эйити ответил:

— Да, это так.

— Насколько я понимаю, лекарство производит компания, владельцем которой является отец Курихары-сан?

— Да.

— И пациентка знала заранее, что вы будете использовать это лекарство?

— Прошу прощения, — сказал Эйити, — вы беседовали с заведующим отделением?

— Нет. Я собираюсь встретиться с ним позже.

— Ага! Понимаете, речь идет о новом препарате, поэтому без разрешения завотделением мы, рядовые сотрудники, ничего сказать не можем…

Эйити быстро прикинул, что надо прикинуться мелкой сошкой, которая в отделении ни за что не отвечает.

— Однако, — настаивал репортер, — вы вместе с Курихарой-сан считаетесь лечащими врачами Айко Нагаямы?

— Это так.

— Я слышал, что состояние Нагаямы-сан ухудшилось от этого лекарства.

— Что?! — Эйити решил разыграть невинность. — Из-за лекарства?! Кто вам такое сказал?!

— Я не могу раскрывать источников информации. — Репортер помолчал. — Хорошо. Я попробую поговорить с завотделением Утидой. Если он даст разрешение, вы объясните мне, как обстоит дело?

— Да, конечно, — кивнул Курихара. — Я хочу, чтобы вы поняли одну вещь. Мы использовали новый препарат, полагая, что он поможет лечению пациентки. Здесь должна быть полная ясность.

— Значит, вы хотите сказать, что надеетесь на выздоровление Нагаямы-сан?

— Да.

Репортер посмотрел на него с удивлением:

— Тогда это совсем другое дело. По нашей информации, Нагаяма-сан находится в безнадежном состоянии, и на безнадежной пациентке испытывают новое лекарство…

С этими словами репортер поднялся, засовывая блокнот в карман.

— Извините, что побеспокоил так поздно.

Работа такая: приходится задавать неудобные вопросы. Прошу прощения. Надеюсь, Нагаяма-сан скоро поправится.

И он поклонился.

Курихара проводил репортера до автоматических дверей и вернулся в вестибюль. Лицо его было угрюмым.

— Кто мог разболтать об этом газетчикам? Как ты думаешь?

— Понятия не имею, — тряхнул головой Эйити. — Что мы теперь делать будем? Думаю, не надо было ему говорить, что она поправится…

— А что еще я мог ему сказать? — огрызнулся Курихара и принялся нервно обкусывать ногти.

Эйити встал.

— Наверное, надо шефу позвонить?

— Да.

Эйити подошел к висевшему в углу красному телефону-автомату и снял трубку. И в этот момент ему пришла в голову мысль: а может, это какая-нибудь медсестра раззвонила обо всем журналистам?

— Минутку, пожалуйста, — услышал он голос жены шефа и протянул трубку Курихаре.

— У нас неприятности.

С мрачным выражением на лице и опущенной

головой Курихара схватил трубку телефона. Он был крупный парень, но в критической ситуации весь его мелкий, малодушный характер выражался в этой позе.

В вестибюле было сумрачно и безлюдно. Эйити курил, дожидаясь, пока Курихара закончит разговор.

«Если вся эта история просочится в газеты, — думал он, — это будет удар прежде всего по компании отца Курихары и еще по профессору Ии. А я рядовой сотрудник и ни за что не отвечаю. Всегда могу оправдаться тем, что выполнял распоряжения начальства. Так и надо действовать.

Но если от этого препарата действительно нет толку, значит, не с чем будет выступать на научной конференции?

Это, конечно, досадно. Ведь Эйити каждый день представлял, как он выступает с докладом о новом препарате перед светилами медицинской науки, занявшими все ряды большой многоярусной аудитории.

В то же самое время, когда Эйити и Курихара держали совет в полутемном вестибюле, на платформе вокзала Уэно ждали отправления ночного поезда в Тохоку.

— Вот, возьми. Поужинаешь. — Кэйко Имаи пе-

редала медсестре Симаде купленную на вокзале коробку с ужином и чай. — Что-то Тахара-сэнсэй задерживается, — пробормотала она. Часы на платформе показывали, что до отправления поезда оставалось три минуты. — Напишешь мне, когда приедешь?

— Да, — кивнула обычно немногословная Симада.

— Забудь обо всем и работай спокойно. — Кэйко посмотрела на часы. — Сможешь забыть, что было в Токио?

В этот момент в конце платформы показалась неказистая фигура Тахары с сумкой в руке. С его лба падали капли пота. Видно, он преодолевал подъем по лестнице бегом.

— Ой, чуть не опоздал! Извините, извините! — проговорил он, задыхаясь.

— Сэнсэй, приглядывайте там за Симадой-сан.

Тахара крянул в знак согласия и добавил:

— Когда рядом сестра, которой можно все доверить, все чувствуют себя уверенно — и доктора, и пациенты.

— Она вас не подведет.

Прозвенел звонок к отправлению. Тахара, пропустив вперед Симаду, поднялся в вагон.

— Передавай всем привет.

— Кому «всем»?

— Нашей команде в отделении, конечно.

Поезд медленно тронулся. Кэйко прошла несколько шагов, махая рукой и улыбаясь Симаде, которая стояла в тамбуре и печально смотрела на нее. Скоро ее грустное лицо и фигура доктора Тахары скрылись из виду.

— С Токио на какое-то время придется расстаться, — сказал Тахара медсестре, провожавшей взглядом проплывающие мимо огни Уэно. — Я, когда уехал, тоже чувствовал себя одиноко. Было очень больно. Пал духом, руки опускались. Но когда ты приедешь на место, все увидешь и поймешь. Так же, как и я. Увидишь людей, действительно нуждающихся во врачах и медсестрах.

— М-м.

Неоновые огни исчезали один за другим. Высокая рекламная башня, неоновая вывеска кабаре, световая газета. Поезд набирал ход, напоминая целлофановую ленту, вылезающую из коробки со сладостями.

— Хочешь выпить? — Тахара достал из кармана плоскую бутылочку с виски. — Вообще-то я не пью, но, когда едешь в поезде, пара глотков хорошо заменяет снотворное.

— Сэнсэй…

— Что?

— Вы знаете о шумихе, которая поднялась вокруг хирургического отделения с этим лекарством от рака? — пробормотала Симада, вдруг опустив голову. — В газете написали, что это опыты над людьми…

— Слышал. Но мне тут сказать нечего. В конце концов, я прошел подготовку в этом отделении.

— Письмо в газету, — медсестра посмотрела Тахаре прямо в глаза и тихо закончила: —…послала я.

У Тахары округлились глаза. Его рука, державшая стаканчик с виски, который он собирался поднести к губам, застыла в воздухе.

— Но зачем?..

А в клиническом отделении тем временем атмосфера сгущалась. В открытую сотрудники сложившуюся ситуацию не обсуждали, но в отделении не было никого, кто бы не интересовался, как будут развиваться события дальше.

Айко Нагаяме больше не давали новый препарат, однако ее состояние нисколько не улучшилось. Чтобы снять боли, стали колоть морфин. После этих инъекций большую часть времени пациентка пребывала в состоянии, близком к

коматозному.

Растения и цветы от посетителей, стоявшие у входа в ее палату, постепенно увядали, и уборщицы их выбрасывали. Цветы в корзине, которую Одзу прислал Айко от имени Хирамэ, тоже завяли и оказались на помойке. Пошел дождь, и капли забарабанили по останкам совсем еще недавно пышного букета.

— Мне кажется, сегодня у вас самочувствие получше, — сказала медсестра, измеряя Айко давление, перед тем как сделать укол, и улыбнулась.

— Да. — Щеки Айко провалились. — Гораздо лучше, чем вчера.

— Ну и замечательно. Теперь начнете помаленьку выздоравливать.

— Хорошо бы, — слабо улыбнулась Айко. — Умм… Хочу вас попросить.

— Что такое?

— Не могли бы вы мне вымыть голову? Она такая растрепанная… неприятно.

— Конечно, — кивнула сестра. Она помогла Айко сесть в кровати и подложила подушку под спину. Расчесала волосы. — Сейчас я сбегаю за шампунем и воды теплой принесу.

Выйдя из палаты, сестра тут же вспомнила, что

у нее есть и другие дела. Обещала Айко управиться в полчаса, а получился целый час.

Наконец, все приготовив, она вернулась в палату. Глаза на белом как мел лице были закрыты, она спала.

— Нагаяма-сан! Нагаяма-сан! — окликнула ее медсестра. Ответа не было.

Когда позвонили с сестринского поста и рассказали, что случилось, Курихара и Эйити бегом кинулись из отделения в корпус, где лежала Айко.

— Приготовить кислородную палатку! — сердито приказал сестрам Курихара, взглянув на лицо больной. Эйити вколол в исхудавшую руку Айко камфору.

— Выкарабкается? — спросил Эйити у стоявшего рядом Курихары, который достал стетоскоп.

— Не знаю.

— Наверное, ей домой надо позвонить?

Курихара только кивнул. Понятно, что дело шло к концу, но, если Айко сегодня умрет, это будет не просто кончина очередного пациента. Репортер по фамилии Югэ наверняка свяжет ее смерть с новым препаратом.

Эйити торопливо вышел из палаты, а Курихара встал у окна и, не отрываясь, смотрел на моро-

сящий дождь.

Мелкие капли неслышно падали на крышу больничного корпуса и цветочные клумбы во внутреннем дворе. Во дворе не было ни души.

«Тогда… — отстраненно размышлял Курихара, — лучше будет уволиться. Если я останусь в больнице, эта история будет преследовать меня всю жизнь…»

В тот же дождливый день Одзу заглянул в цветочную лавку недалеко от своей работы. Несколько дней назад он покупал там цветы, которые подарил Айко от имени Хирамэ.

— Добро пожаловать! — приветствовал его продавец с радушной улыбкой — видно, запомнил с прошлого раза. — Нам завезли замечательные розы.

— Нет, сегодня мне что-нибудь в горшке.

Одзу присел и стал рассматривать стоявшие на полу цветы. Особо яркие не надо, ведь это для больной.

На карточке, которую протянул ему продавец, он написал: «Держись! Не поддавайся! Хирамэ». Он изо всех сил старался пошутить, приободрить Айко.

— В ту же самую больницу? — понимающе поинтересовался продавец. — Через два часа

доставим. Специально для вас.

Одзу сел на автобус и вернулся домой. До ужина еще оставалось немного времени, поэтому он решил попрактиковаться в каллиграфии — попробовать купленные кисти.

Нобуко готовила в кухне ужин, по обыкновению стуча кастрюлями и посудой. Юми куда-то отлучилась и еще не вернулась.

— Юми просит купить проигрыватель, — послышался из кухни голос жены.

— Проигрыватель? Пластинки слушать?

— М-м. Уже давно у меня выпрашивает.

— Дома же есть проигрыватель!

— Говорит, что ей свой нужен.

— И будет целыми днями заводить свой бестолковый джаз?

Одзу пребывал в хорошем настроении. Юми пришла домой, как раз когда ужин был готов. Отец стал подшучивать над ней и в итоге пообещал купить проигрыватель на день рождения.

— Когда ты выйдешь замуж, — сказала Нобуко дочери, — отец больше всех будет переживать, что надо с тобой расстаться.

Зазвонил телефон. В последнее время непонятные звонки неизвестно от кого прекратились.

— Юми, возьми трубку! Может, это Эйити.

Юми встала и вышла в коридор.

— Ну да… угу… понятно, — коротко бросала она в трубку и, закончив разговор, вернулась в гостиную.

— Это Эйити. У него сегодня ночного дежурства нет, но он может остаться в больнице на ночь.

— Зачем?

— Его пациентка… эта… Нагаяма-сан в критическом состоянии.

Одзу вскочил с места. И тут же сел обратно, поняв, что сделал слишком резкое движение.

— Она… в критическом состоянии? Эйити так сказал?

— Да.

Он молча продолжил ужин. По телевизору, который, придя домой, включила Юми, началась какая-то викторина.

«Когда в Токио лето, какое время года в Мельбурне? Весна? Лето? Осень? Зима?»

Нобуко посмотрела на мрачное лицо мужа:

— Тебе надо в больницу. Иди.

Одзу отложил палочки и кивнул.

Молча поднялся из-за стола. Нобуко прошла с ним в соседнюю комнату. Открыла шкаф, достала мужу рубашку. Одзу оделся, не говоря ни слова.

— Возьми бумажник.

— Ага.

Супруги впервые обменялись словами.

— Ты, наверное, будешь поздно?

— Наверное. — Кивнув, Одзу посмотрел на Нобуко. — Извини, — тихо проговорил он.

Одзу не посвящал жену в подробности своих отношений с Айко. Но сейчас, глядя на Нобуко, он чувствовал себя спокойно: она бы все поняла, если бы он рассказал ей их историю.

Нобуко проводила его до двери. Шагая к главной улице квартала, Одзу посмотрел на небо. Там мерцали одна, две, три звезды. Для Токио — редкость. Он остановился и долго не сводил глаз с неба. Мира, где живет Хирамэ. Не один Хирамэ, а все умершие. Одзу живо ощущал, как вот сейчас Айко покидает землю и устремляется к этому миру. Короткая жизнь Хирамэ. Жизнь Айко. И его жизнь, соприкасающаяся с их жизнями.

Одзу поймал такси, доехал до больницы. Ее главный корпус напоминал корабль, плывущий в ночном море. В темном, погруженном в тишину здании тускло светились несколько окон. Он шел по длинному прохладному коридору, прислушиваясь к звуку собственных шагов. Душа, как ни странно, была спокойна. Известие о том, что Айко умирает, поселило в его сердце больше смирение,

чем печаль. Быстрее всех в мир теней отправился Хирамэ, за ним следует Айко, и рано или поздно ему это тоже суждено. Вот какие мысли наполняли душу Одзу, когда он нажимал кнопку лифта.

В отделении было безлюдно. В этот поздний час свет во всех палатах не горел, все спали. Единственный источник освещения — тусклые лампы в коридоре. И только из комнаты медсестер лился яркий свет.

— Извините. — Одзу заглянул в комнату.

Сидевшая за столом молодая сестра удивленно посмотрела на него.

— Я слышал, что Нагаяме-сан стало хуже.

— Вы родственник?

— Нет, знакомый…

Сестра встала со стула и с сочувствием пробормотала:

— Нагаяма-сан… умерла. Примерно час назад…

Одзу с растерянным видом застыл в дверях.

— Умерла?

— Да. И доктора, и я… мы делали все возможное, но…

— Умерла… и…

— Ее тело в морге. Там две ее подруги… Вы хотите туда спуститься?

Одзу кивнул. Сестра объяснила ему, как по-

пасть в морг.

— Там сидит охранник… Скажите ему, что вы знакомый Нагаямы-сан.

Одзу поблагодарил сестру и спросил:

— Нагаяма-сан… она сильно мучалась?

— Нет. Она довольно долго была в коме. Думаю, она не чувствовала боли.

Следуя объяснениям сестры, Одзу спустился на первый этаж пустого больничного корпуса и вышел во внутренний двор.

Темно, хоть глаз коли. Здание больницы возвышалось перед ним как стена. В большинстве окон свет был погашен. Работа не замирала только на сестринских постах, расположенных на каждом этаже. Больница — это место, где жизнь рождается и умирает. Человек нередко задает себе вопрос, когда он умрет, при этом его совершенно не интересует, где это произойдет. Взять, к примеру, Айко. Приходило ли ей в голову, где ее настигнет смерть, когда она еще была здорова? Представляла ли она себе эту жалкую больничную палату?

Миновав внутренний двор, Одзу подошел к прятавшемуся за деревьями квадратному зданию из бетонных блоков. В нем и располагался морг.

В маленькой клетушке у входа сидел охранник и читал книгу.

— Я знакомый… Нагаямы-сан, — сказал Одзу охраннику.

Тот оглядел посетителя и через крошечное окошко просунул деревянный номерок.

— По лестнице вверх и налево. Номерок потом не забудьте вернуть.

Одзу поднялся по пахнувшим цементом ступенькам. Свет струился из освещенной лампами комнаты, где на стульчиках сидели две женщины. У гроба из некрашеного дерева стояли зажженные свечи. Курились ароматические поминальные палочки, их дым в тишине поднимался к потолку.

Одзу поклонился женщинам, сложил перед гробом руки ладонями вместе и зажег поминальную палочку.

«Айко! Это я. Одзу, — прошептал он про себя. — Вот мы опять встретились. Последний раз виделись больше двадцати лет назад, я тогда и подумать не мог, что следующая встреча будет в таком месте…»

Перед его глазами встала одетая в шаровары Айко, медленно поднимавшаяся по каменным ступеням храма Дзёсёко в Сюдзане. Ему тогда было двадцать четыре года, Айко — двадцать три.

В морге не было никакой внутренней отделки.

Только голые бетонные стены, на которые пламя свечей отбрасывало похожие на пятна тени. Одзу присел рядом с двумя женщинами, видимо, подругами Айко.

Он закрыл глаза, и перед ним одна за другой стали разворачиваться картины давно минувших дней. Айко в форменной матроске едет в электричке. Она замечает, как Одзу и Хирамэ крадутся за ней по дорожке вдоль Асиягавы, и уходит от них, задрав нос. Айко в купальнике плескается в воде с подружками на пляже в Асия. Всего час назад ее жизнь, сплетенная из таких сцен, подошла к концу.

— Простите… — услышал Одзу и открыл глаза.

— Вы еще здесь побудете?

Это была одна из подруг Айко. Судя по виду, лет ей было прилично, но Одзу показалось, что когда-то он уже видел это лицо.

— Да, конечно.

— Мы хотим обзвонить людей, сообщить, что Айко умерла. Вернемся через полчасика… Это будет очень любезно с вашей стороны.

Когда Одзу встал со стула, женщина удивленно посмотрела на него:

— Извините… вы, случайно, не учились в школе Нада?

— Учился.

— Вы меня не помните? Мы с Айко всегда ездили на электричке в гимназию из Асия. Меня зовут Накамура.

Одзу мигнул и затряс головой. Перед глазами встало рыбье лицо Хирамэ.

Женщины вышли. Одзу положил руки на колени и стал смотреть на дымок, поднимавшийся от ароматических палочек, затем перевел взгляд на колеблющееся пламя свечей. Палочки и свечи — единственное, что символизировало здесь траур по Айко.

Скоро явится человек из похоронного бюро и увезет тело. Может статься, покойная и не вспомнила бы сидящего сейчас у ее останков человека, думал Одзу.

Да… Ведь он не входил в круг ее друзей. И все же в эту ночь он несет вахту у ее остывшего тела. Это не простая превратность судьбы. Одзу чувствовал, что за всем этим кроется смысл жизни.

«Что означала для меня и Хирамэ эта женщина?» — размышлял Одзу, рассматривая сцепленные пальцы рук.

Бывают люди, не оставляющие в душе никакого следа, сколько с ними ни встречайся. А попадаются и такие, кто лишь раз коснется вашей жизни,

но останется в памяти до конца дней. Для Хирамэ таким человеком оказалась эта женщина, а для Одзу таким другом был Хирамэ.

«Но тебе и Хирамэ, и я вряд ли были интересны, — говорил Одзу, обращаясь к Айко. — Наверное, мы тебе все время мешали. Ты уж прости нас за это».

У Одзу не хватало слов, чтобы выразить переполнявшие грудь чувства.

«Если бы не было войны, Хирамэ мог бы жениться, стать отцом нескольких ребятишек».

Незаметно для самого себя он стал произносить про себя теснившиеся в душе слова на кансайском[42] диалекте, на котором он говорил, когда учился в школе Нада:

«Если бы не война… может быть, тебе не пришлось бы умирать вот так, в одиночестве…»

Вот почему я не могу думать о вас с Хирамэ по отдельности, говорил Одзу Айко. Вы разделили одну судьбу. Я еще живу, а Хирамэ умер, а теперь ушла и ты.

«Я тоже когда-нибудь присоединюсь к вам в

---

[42] Примечания: 42

Диалект японского языка, распространенный в районе Кансай — регионе в западной части о. Хонсю, где расположены, в частности, крупнейшие торгово-промышленные центры Осака и Кобэ, а также две древние столицы Японии — Киото и Нара.

вашем мире».

В пустых бетонных стенах не нашлось ни одного цветка, чтобы украсить останки Айко. В тишине Одзу закрыл глаза, и по щекам его медленно потекли слезы. Слезы, которые поколение Эйити никогда не сможет понять. Они понятны лишь поколению, потерявшему в войне родных и любимых.

«Какое жалкое помещение, — проговорил Одзу, обращаясь к Хирамэ. — Ни цветов, ни семьи».

«Раз так… — прошептал Хирамэ. Его лицо плавало в слезах Одзу, — может, посвистишь для нас? В школе у тебя классно получалось. Для нее и для меня».

Одзу вытянул губы трубочкой и попробовал свистнуть. Но с губ сорвался лишь слабый оборванный звук.

Победа

Заведующий отделением Утида сидел в том же конференц-зале, где они недавно встречались с сотрудником фармацевтической компании. Барабаня пальцами по столу, он пытался собраться с мыслями, но переполнявшая грудь тревога не проходила.

В дверь постучали.

— Войдите.

Появились Курихара и Эйити, оба в белых халатах. Они поклонились и, не говоря ни слова, сели за стол друг против друга.

— Никто вас не заметил? — спросил завотделением, не переставая выбивать дробь по столу.

— Нет, мы незаметно.

— М-м… — Утида помолчал. — Опаздывает Старик…

— Думаю, будет с минуты на минуту…

Повернулась дверная ручка, и вошел профессор Ии. В руке он держал трубку. Все трое встали, приветствуя его.

Завотделением склонил перед профессором голову:

— Просим извинить нас за непростительный промах.

— Не надо. — Старик пожевал потухшую трубку. — Лучше обрисуйте ситуацию.

— Несколько раз звонил этот журналист, Югэ. Я не могу бесконечно от него бегать, хочу сегодня вечером с ним встретиться.

— И?..

— Хотелось бы знать ваше мнение, что я должен ему сказать…

— Да-а… — Профессор Ии вздохнул и закрыл глаза. — Сначала я хотел бы послушать, какие у тебя мысли.

— Во-первых, можно настаивать, что смерть пациентки не вызвана новым препаратом. Но проблема в том, что это не обязательно разрешит ситуацию.

— То есть?

— Газетчиков куда больше причины смерти пациентки волнует то, что мы использовали новый препарат без ее согласия.

— А ты можешь им сказать, что у нас было ее устное согласие?

— Я думал над этим, — кивнул Утида, — но не вызовет ли это еще больше проблем, если они начнут копаться в том, почему мы исключили

другие противораковые препараты и оставили только новый.

— Думаешь, они полезут в эту тему?

— Этот Югэ очень дотошный малый… Он уже обошел многих медицинских авторитетов, понабрался знаний по предмету.

Курихара и Эйити слушали их разговор молча. Им было совершенно очевидно, что профессор Ии находится в замешательстве. Заметив, что трубка погасла, он достал из кармана зажигалку, повертел в руках.

— И мы никак не можем помешать, чтобы он это напечатал?

— Мы и так и эдак пробовали… — Утида слегка покачал головой. — Ничего не выходит.

— Ах ты!..

— В терапевтическом уже, похоже, что-то разнюхали. Радуются, наверное. Видно, надеются перехватить у нас контроль над онкологическим центром.

О соперничестве за контроль над онкологическим центром университетской больницы, которое велось между клинико-хирургическим и терапевтическим отделением, знали все. Если случай с Айко Нагаямой будет предан гласности, это, конечно, нанесет удар и по профессору Ии, и

по всей хирургии. Одной этой мысли было достаточно, чтобы вызвать радость в терапевтическом отделении. Утида боялся, что его отделение потерпит поражение в этой борьбе.

Все четверо молчали. Молчали и думали об одном и том же выходе из положения. Однако никто не решался первым заговорить об этом.

— Курихара! — не выдержал Утида. — А ты… что думаешь? — Он посмотрел на него пристальным испытующим взглядом. Это был сигнал Курихаре огласить то, о чем все они сейчас думали.

— Сэнсэй! — Курихара поднял со стула свое массивное тело и заговорил. Голос его звучал немного резко. — Я… если позволите… Этот препарат произведен компанией моего отца. То есть бóльшая часть вины лежит на отцовской компании. В этом смысле…

Он опустил глаза и сглотнул, будто не мог подобрать слов.

— В этом смысле позвольте мне взять на себя ответственность за то, что произошло с этим препаратом.

Ни Старик, ни Утида не попытались перебить Курихару. Они уже прекрасно знали, что он скажет дальше.

— Я хочу объявить, что использовал новый

препарат по собственной инициативе, не посоветовавшись с вами. Хочу взять всю полноту ответственности как лечащий врач. Я принял решение покинуть отделение, уйти в отставку, если того требуют обстоятельства.

— Погоди… — Завотделением покачал головой. — Мы не собираемся сваливать всю ответственность на тебя.

Но Эйити, как и всем остальным, было понятно, что эти слова Утида произнес не от чистого сердца.

— Ничего. Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне. Отец уже давно… предлагает мне перейти на работу в его компанию…

— Вот как?.. — изо рта Утиды вырвался то ли вздох, то ли всхлип. — Извини… но, может, тогда так и поступим?

— Конечно.

— Ты потерпи сейчас, а уж мы тоже о твоем будущем позаботимся.

— Хорошо.

— Спасибо тебе. — Завотделением положил руки на колени и поклонился Курихаре. Разыгрывался притворный спектакль, но Старик и Утида разыгрывали в нем свои роли так, будто и в самом деле были очень тронуты решением Курихары.

«Победа!.. — пробормотал про себя Эйити. — При таком раскладе я выхожу сухим из воды, а Курихара вылетает из отделения. И Старику теперь в голову не взбредет выдать дочку за Курихару».

Однако Эйити тоже должен был сыграть свой эпизод в этом спектакле. Он скорчил трагическую мину:

— Как может Курихара-сан брать всю ответственность на себя? Я ведь тоже был ее лечащим врачом, поэтому…

Курихара печально покачал головой:

— Не надо, не надо.

На следующее утро Эйити проснулся раньше обычного. Ему не терпелось посмотреть, что напечатали утренние газеты.

Газету, в которой работал Югэ, они не выписывали, и Эйити сказал матери, готовившей завтрак, что идет прогуляться, и вышел из дома.

Купив нужную газету в газетном киоске на торговой улице, он поспешно открыл третью страницу, где публиковались городские новости, но интересующей его статьи не обнаружил. Эйити вздохнул с облегчением, но одновременно почувствовал и тревогу. Теперь он боялся, как бы Югэ не упомянул его имени рядом с именем

Курихары.

Когда он в этот день появился в отделении, Курихара уже был на месте. Он скользнул по Эйити взглядом, но ничего не сказал.

В начале десятого Утида собрал персонал отделения и сделал объявление:

— Возможно, сегодня вечером все это будет в газетах, и вы все узнаете. Дело касается нашей пациентки Нагаямы-сан. Возникла ситуация, о которой в общественном мнении сложилось неверное представление, о чем мы сожалеем. Курихара-сан взял на себя ответственность за это и объявил, что уходит в отставку. Мы с профессором Ии изо всех сил пытались отговорить его от этого шага, однако он настаивает на своем решении. Поэтому нам не остается ничего, кроме как принять его отставку.

Завотделением обвел взглядом всех присутствующих, чтобы заручиться их одобрением, и продолжил:

— Вы все находитесь в одинаковом положении и, думаю, понимаете, что Курихара-сан не осуществлял действий, идущих вразрез с его врачебной совестью. Нынешнее происшествие — это удар и для Курихары-сан, и для всего нашего отделения, но мы не можем позволить ему разрушить

наше единство. Мы верим, что в ближайшее время наступит день, когда Курихара-сан вернется к нам с высоко поднятой головой, и мы встретим его аплодисментами.

Слушая речь шефа, Эйити вдруг вспомнил вечеринку, когда провожали Тахару. Тогда Утида произносил те же самые слова. Про веру, что в ближайшем будущем Тахара сможет вернуться в отделение. Однако всем было понятно, что Тахара никогда больше не будет работать в этой больнице.

«Вечная ссылка?.. — Эйити тайком бросил взгляд на напряженный профиль Курихары. — Но Курихаре не надо беспокоиться о том, как он будет добывать хлеб насущный. У него имеется влиятельный папаша и его крупная фармацевтическая фирма. Постигни меня такая судьба… так гладко бы не обошлось».

При этой мысли тлеющий где-то в уголке души огонек сочувствия к Курихаре удивительно быстро потух.

— Минэ-кун! — обратился Утида к одному из подчиненных. Закончив свое объявление, он явно повеселел. — Возьмешь на себя организацию прощального вечера для Курихары-кун? Все должно быть на высшем уровне. На высшем.

Статья появилась в тот же день в вечерней газете. Эйити удивился, насколько точно в ней было описано положение с онкологическими лекарствами и новыми препаратами от рака. Автор ставил под сомнение правомочность проверки непроверенного лекарства на пациентке, сопроводив материал мнениями медицинских экспертов и врачей. На той же странице была беседа с завотделением и объяснения, которые дал Курихара. Эйити в статье не упоминался.

Одна вершина покорена, теперь предстоит покорить следующую, думал Эйити. Он пока не знал, сколько их еще ждет его впереди. Но если он их преодолеет, перед ним откроется залитое ярким солнцем плато. Плато под слепящими лучами солнца означало для Эйити профессорскую кафедру в университетской больнице.

Курихара покидал отделение. Для Эйити это была первая покоренная вершина. Теперь ему предстояло завоевать другую.

Эйити ждал утро субботы. Он знал, что вечером профессор Ии будет ужинать с чиновниками из Министерства здравоохранения.

В субботу утром он без предупреждения позвонил из больницы Ёсико Ии. Прислуга позвала ее к телефону. Голос девушки в трубке почему-то

звучал так, будто из нее ушла вся сила.

— Давно вас не было слышно, — сказала она вежливо. — Как поживаете?

— Замечательно! — с нарочитой бодростью отвечал Эйити. — И еще — сегодня суббота. Небо чистое! Чего сидеть дома? Давайте сходим куда-нибудь.

Помолчав, она сказала:

— В последнее время мне… что-то не хочется никуда ходить.

Эйити пропустил ее слова мимо ушей.

— Буду ждать вас в четыре часа в вестибюле отеля «Тэйкоку».

Не дожидаясь ответа, он положил трубку.

В этой атакующей манере был свой смысл. Эйити уже давно понял, где женщины дают слабинку: безаппеляционное «давай сходим куда-нибудь» действовало на них куда сильнее, чем расплывчатое «может, сходим куда-нибудь?». И еще в этом было что-то от азартной игры. По тому, появится Ёсико в вестибюле «Тэйкоку» в назначенное время или нет, можно будет понять, насколько она к нему благосклонна.

«Придет? Не придет?»

Эйити курсировал между главным корпусом и клиническим отделением примерно до трех

часов. В отличие от обычных дней работа кипела у него в руках. Он горел желанием узнать результат игры.

За обедом он думал, как построить разговор с Ёсико.

Один его старший коллега, хвастившийся тем, что может добиться расположения любой женщины, стоит ему только положить на нее глаз, как-то сказал Эйити:

— Послушай! Когда разговариваешь с женщиной, шепни ей на ушко эти слова, и она твоя…

И он научил Эйити этим двум словам, которые льстят самолюбию женщины и растапливают женское сердце. Поглощая карри с рисом, Эйити вдруг вспомнил о них и усмехнулся про себя. Если будет возможность, попробую сегодня прошептать эти слова Ёсико и посмотрю, как она отреагирует, думал он.

— Ты чему ухмыляешься?

Эйити поднял голову. Перед ним с чашкой кофе в руке стоял сотрудник клинического отделения Умэмия.

— Да, так…

— Мрак, скажи? Сначала Тахара, теперь Курихара. Отделение у нас небольшое, все в одном котле варимся, так что ничего не поделаешь…

Эйити сидел на диване в вестибюле отеля «Тэйкоку», поглядывая то на входящих и выходящих через автоматические двери людей, то на наручные часы. Он ждал Ёсико.

«Придет? Не придет?»

Поначалу Эйити был уверен в себе. В первые минуты он не сомневался, что Ёсико обязательно придет на свидание, но часы показывали уже десять минут пятого, а ее все не было, и его сердце начало колотиться в тревоге.

«Неужели ей нет до меня никакого дела?»

И тут, как это бывает у эгоистов, из глубин его раненого самолюбия стала подниматься злость на Ёсико.

«Ну раз так, ты у меня увидишь! Я с тебя спесь-то собью!»

Двадцать минут пятого Эйити поднялся было с дивана…

«Нет! Еще десять минут. Еще десять минут жду, и если не придет, тогда…»

Он скрестил руки на груди и закрыл глаза. Десять минут и ни минутой больше.

Прошло несколько минут. Эйити открыл глаза и увидел стоявшую в вестибюле Ёсико в белых брюках. Она тоже его заметила.

— Извините. Я боялась, что вы обиделись и

ушли. Такси в пробке застряло… я так волновалась.

— А я уж думал, вы не придете.

Вся его злость моментально испарилась.

«Эх ты, раскис! — Эйити ругал себя за то, что, как избалованный ребенок, дал волю эмоциям. — Все должно идти как задумано».

Он вновь вернулся мыслями к плану, который обдумывал с прошлого вечера. Плану, цель которого — покорить сердце Ёсико.

— Едемте наверх.

На последнем этаже отеля «Тэйкоку» находился панорамный ресторан с видом на императорский дворец. Начнем с него, размышлял Эйити. Покажем, что сочувствуем ей от всего сердца.

Они поднялись на семнадцатый этаж. Вид оттуда открывался как на заказ. Напоминавшее абрикос вечернее солнце клонилось к закату, бросая лучи на рощу на территории дворца императора, окружавший его ров и улицу, идущую вдоль рва.

— Какие-то неприятности? — притворяясь незнающим, спросил Эйити. — Как можно в такую субботу сидеть дома?

— Я измучилась.

— Опять в глаз что-то попало?

— Нет, — грустно улыбнулась Ёсико. — Это нервное истощение.

— Что же, начнем прямо сейчас лечить вашу болезнь. Я врач все-таки. А пациент должен выполнять указания врача. Договорились?

Эйити позвал официанта и заказал сакэ.

— Мне бы лучше сока…

— Нет. Вот ваше лекарство. — Он покачал головой и улыбнулся. Вы что, врача не слушаетесь? Выпейте. Думайте, что это лекарство…

По прелестным, чуть покрасневшим мочкам ушей Ёсико можно было понять, что сакэ начало действовать.

— Во сколько лет вы умрете, как думаете? — с серьезным видом спросил Эйити.

Вопрос был такой неожиданный, что Ёсико растерялась:

— Понятия не имею.

— Восемьдесят?

— О боже, нет! Столько жить, чтобы в старушку превратиться!..

— Ладно. Пусть будет семьдесят пять. Тогда у меня просьба. Не будете ли вы так любезны протянуть еще четыре часа, после того как вам стукнет семьдесят пять?

Не понимая, куда он клонит, Ёсико бросила на

него недоуменный взгляд:

— Хотите, чтобы я прожила четыре лишних часа?

— Именно так.

— А зачем? Какой смысл? Почему вы меня об этом просите?

— Я хотел бы получить эти четыре часа сегодня. — Эйити рассмеялся. — Вам же все равно, есть эти четыре часа или нет. А раз все равно, почему бы нам не потратить их на развлечения. Думайте так, будто этих четырех часов в вашей жизни и не было. Эти четыре часа не имеют отношения к вашей жизни, поэтому забудьте на это время все дурные воспоминания и неприятные события. Давайте проведем эту субботу, будто мы — не мы, а совсем другие люди.

Ёсико пристально посмотрела на него:

— Вы говорите мне это как врач?

— Конечно. Ведь вы пациентка.

— Одзу-сан… вы очень добрый человек, — прошептала Ёсико, и ее глаза наполнились слезами. — Спасибо вам.

Эйити чувствовал, что его стратегия продвигается вперед по плану. Он должен использовать любые способы, чтобы Ёсико стала его. Важнее всего завоевать ее доверие.

— Вы знаете, что я отменила помолвку с Курихарой-сан?

— Ну да…

— И причину тоже знаете?

— В общих чертах.

— Я так и думала, — печально опустила голову Ёсико. — Я и во сне не могла представить, что… у Курихары-сан есть другая женщина.

— Она уехала в Тохоку. Курихара-сан отправил ее туда, чтобы жениться на вас, — спокойно проговорил Эйити, пытаясь по выражению лица Ёсико понять, какое впечатление произвели на нее его слова.

— Мне жаль ее…

— Мне тоже. Но этот случай показывает, как сильно Курихара-сан хотел на вас жениться.

— Я не собираюсь выходить замуж, принося в жертву другого человека.

— Давайте больше не будем об этом. Выпейте еще сакэ. Оно здесь для того, чтобы вы на четыре часа стали другим человеком.

Неторопливое солнце все-таки скрылось за крышами зданий. На них загорелись огни, проезжавшие внизу автомобили включали фары.

Они вышли из «Тэйкоку», и Эйити пригласил Ёсико в кино.

Он знал, что тащить девушку в кино — дурной тон, но ему хотелось побыть с Ёсико в темноте наедине.

В кинотеатре шла любовная история про замужнюю женщину и врача средних лет, которые тайком встречались каждую субботу на маленькой железнодорожной станции в пригороде Лондона.

Фильм был старый, и Эйити предложил пойти на другой сеанс. Однако Ёсико захотела посмотреть именно эту картину. Зал был полупустой.

— Что он сказал? — прошептал Эйити на ухо Ёсико, слегка прижимаясь к ее плечу. Девушка не отодвинулась, и он так и остался сидеть.

Когда героям фильма пришло время расставаться, Эйити услышал, как Ёсико тихонько шмыгает носом. Не иначе вспомнила, как было с Курихарой, подумал он и стал краем глаза наблюдать за ее реакцией.

Девушка вынула из сумочки носовой платочек и промокнула нос.

— Что-то не так? — спросил он.

— Нет, ничего.

— Что-то вспомнили и тяжело стало?

Ёсико не ответила. Эйити, утешая ее, сказал:

— Будьте мужественны.

С этими словами он, еле касаясь, накрыл ладонью ее руку. Кто-то мог бы истолковать этот жест как попытку человека старшего утешить расплакавшуюся девушку. Но рука Эйити так и осталась на руке Ёсико.

«Надежда есть…»

Если бы он ей не нравился, она должна была убрать руку. Но она этого не сделала, следовательно, она думает, что не такой уж я плохой, раскидывал умом Эйити.

Фильм закончился, в зале зажегся свет, а на глазах Ёсико еще блестели слезы.

— Извините, что повел вас на такой фильм, — извинился Эйити. Хотя в душе он понимал, что незапланированный поход в кино оказался для него выгодным.

— Пойдемте. Вы, верно, проголодались.

Когда они вышли на улицу, он сказал:

— Я допустил врачебную ошибку, пригласив на картину, заставившую вас плакать.

— Нет, что вы…

— Но ведь я вытащил вас из дома, чтобы как-то развлечь… А этот фильм дал совершенно противоположный эффект.

— Но это же я захотела… Извините.

— Я… — И Эйити пустил в ход одну из заготов-

ленных накануне фраз. — Я хочу залечить раны на вашем сердце.

— Ну что вы…

— Но я этого хочу. Позвольте мне.

После кино и ужина Эйити проводил Ёсико до дома.

— Может, зайдете на минутку? — предложила Ёсико, выходя из такси.

— Нет, спасибо. Если ваш отец узнает, что я вытащил вас на свидание, ничего ему не сказав… — Эйити с улыбкой покачал головой. — Мне завтра в больнице достанется. Пожалуйста, не рассказывайте ему про сегодняшний вечер.

— Папа не такой человек. Но если у вас работа?..

— Есть немного. Извините, я пойду. Мы еще увидимся? — спросил Эйити, глядя девушке прямо в глаза. По сути, он спрашивал, как она к нему относится. — Значит, увидимся?

— Да, — кивнула Ёсико, беря протянутую руку Эйити.

«Все идет как надо».

Проводив глазами входившую в ворота дома Ёсико, Эйити сел в такси. Душа его пела. Он еще чувствовал прикосновение ее руки. Пусть он пока не завоевал ее, но этим вечером ему удалось

построить прочный плацдарм для дальнейшего продвижения вперед. Теперь оставалось лишь давить. Давить, давить и давить.

— Куда едем? — спросил таксист.

Эйити уже хотел сказать: «Вокзал Синдзюку», но решил, что тратить лишние деньги на такси, когда рядом нет Ёсико, неразумно.

— К ближайшей станции метро.

«Интересно, расскажет она отцу о сегодняшнем вечере? — Держась за кожаную петлю в вагоне метро, он с легким беспокойством задавал себе этот вопрос. — Вряд ли она скажет что-то, что может его рассердить. Ничего неподобающего я не делал… Нет причин мне разнос устраивать».

Эйити добрался до дома в начале одиннадцатого. Заглянув, как обычно, в гостиную, поздоровался с отцом, который сидел один и выписывал иероглифы, и направился умываться.

— Можно тебя? — окликнул его отец.

— Что?

— Присядь, — приказал он сыну. Лицо его, против обыкновения, было сурово. — Ты был сегодня на похоронах?

— На похоронах? Чьих?

— Айко Нагаямы. Твоей бывшей пациентки…

Эйити невольно скривился:

— Врач не может ходить на похороны каждого пациента.

— А я… там был, — проговорил Одзу тихо. — Думал, ты придешь, но ты не пришел. От больницы был кто-нибудь?

— Хм! Сомневаюсь. Однако… ты чудак, отец. Ходить на такие похороны…

— Ты вправду так считаешь? Но ведь… на тебе же лежит ответственность… за ее смерть.

— На мне? Ты шутишь?..

Одзу разгневанно посмотрел на сына. Никогда прежде он не был так зол на него, как в этот момент.

— Только не говори, что ты ни при чем! Я в медицине ничего не понимаю, но в газете…

— Ах, в газете? Вот оно что! Все это чепуха. Она умерла вовсе не от нового препарата.

— Если виноват не препарат, то кто или что?

— Сколько раз можно повторять? У нее был рак в последней стадии!

Возразить Одзу было нечего. Он не был врачом, и у него не было никаких оснований что-либо возразить на слова сына о том, что не препарат стал причиной смерти Айко.

— Но в газете написано, что ваше отделение испытывало на ней новое лекарство без ее со-

гласия…

— Я не знаю, о чем там пишут в газетах.

— Ты хочешь сказать, что вы не применяли новое лекарство?

— Применяли! Но не яд же ей кололи! Мы использовали этот препарат, чтобы ее лечить. Тебе не кажется, что безответственно осуждать нас за то, что мы делали из лучших побуждений? Кроме того, не я выписывал ей этот препарат. Мелкие сошки, вроде меня, дают пациентам лекарства по распоряжению начальства. Так что препарат применял мой непосредственный начальник по фамилии Курихара.

С холодной усмешкой на губах Эйити обрушил на отца поток слов. Приперев его к стенке и увидев, что тот начал запинаться, сын добавил:

— Так или иначе, мне хотелось бы, чтобы ты перестал рассуждать о вещах, в которых не разбираешься. И вообще, какое отношение к тебе имела эта пациентка?

— Никакого.

— Раз так, зачем ты вдруг отправился на ее похороны? Странно как-то.

Одзу молчал, не удовлетворенный разговором с сыном. Логика была на стороне Эйити, но принять ее он почему-то не мог.

— Мне очень неприятно. Я прихожу с работы усталый, и ты ни с того ни с сего набрасываешься на меня. Какое право у тебя со мной так разговаривать? Давно собирался тебе это сказать, но мы с тобой думаем по-разному. Прошу в дальнейшем ничего не говорить о том, чем я занимаюсь.

Выпалив эти слова, Эйити, громко топая, выскочил из гостиной.

Нобуко и Юми, затаив дыхание прислушивавшиеся в соседней комнате к перепалке отца и сына, тихонько заглянули в гостиную.

— Не надо было ему ничего говорить на ночь, — дрожащим голосом проговорила Нобуко. — В последнее время он так переживает, сильно устает.

— Угу. — Одзу кивнул, сдерживая охватившее его возбуждение.

Он знал, что между ним и сыном пролегла непреодолимая пропасть. «Эйити совершенно не понимает, почему я на него разозлился. И вряд ли когда-нибудь поймет».

Оказавшись в своей комнате на втором этаже, Эйити, подавляя раздражение, думал:

«Когда-нибудь придется съехать отсюда. Этот дом, семья уже не имеют никакого отношения к моей жизни и карьере. Скорее, больше меша-

ют…»

Через несколько дней после отставки Курихары профессор Ии совершал обход в отделении.

Сотрудники отделения, как обычно, собрались у входа на первом этаже и раскланялись перед Стариком, появившимся в сопровождении завотделением. Один из сотрудников уже вызвал лифт и ждал, пока Старик вошел в кабину.

На четвертом этаже вся свита переходила из палаты в палату, внимательно наблюдая за тем, как Старик осматривает пациентов.

— Ну, как самочувствие? Нормальное?

— Да, доктор.

— Идете на поправку. Можете не беспокоиться.

Эти же слова говорили больным рядовые сотрудники отделения, но в устах Старика они приобретали больший вес и вызывали у пациентов радостную улыбку.

Обойдя несколько палат, процессия подошла к двери палаты, где еще две недели назад лежала Айко Нагаяма. Эйити наблюдал за выражением лица Старика, но его лицо не выражало никаких эмоций.

Ничто в палате не изменилось. Маленькие пятна на стенах, грязноватые окна, кровать — все оставалось как прежде. Единственное — исчезли

горшки с цветами, которые так любила Айко. На кровати в ожидании визита профессора сидел средних лет мужчина в новенькой пижаме.

— Вам, наверное, здесь скучно? Может, кое-какие анализы сделаем?

Дав распоряжение насчет анализов наблюдающему врачу по фамилии Минэ, Старик добавил:

— Состояние стабильное, думаю, все будет хорошо.

Засовывая стетоскоп в карман, он пустился в разговоры с пациентом.

Все шло так, будто две недели назад в этой палате ничего не произошло. Сотрудники стояли с ничего не выражающими лицами, а новому пациенту вовсе не обязательно было знать, что произошло в палате, в которую его поместили. За окном по небу плыли легкие облака, издали доносился шум автомобилей.

— Ну, поправляйтесь…

Сотрудники опять сгруппировались и направились в коридор.

В полдень обход был завершен, и Эйити, вернувшись в клиническое отделение, собирался на обед, когда курьер принес ему срочное письмо.

На обороте конверта он увидел имя Ёсико Ии. Сердце его застучало, и он распечатал письмо.

«Большое спасибо вам за тот вечер. На меня навалилась тоска и не отпускала меня каждый день, но благодаря вам я смогла вдохнуть свежего воздуха. Вы подбодрили меня, когда я совсем пала духом, и я очень вам благодарна за это.

Обещаю быть хорошей пациенткой и прошу время от времени устраивать мне лечебные сеансы. К другим врачам за консультациями обращаться не буду».

Письмо было короткое, но Эйити уловил, что она хотела сказать. Его лицо само собой расплылось в победной улыбке.

«К другим врачам за консультациями обращаться не буду».

Это значило, что других бойфрендов у нее не будет.

«Обещаю быть хорошей пациенткой и прошу время от времени устраивать мне лечебные сеансы».

Давай будем встречаться часто, намекала она.

Все идет как надо.

Эйити шел по коридору в прекрасном настроении. Впрочем, оставалась еще одна вершина. Что делать с Кэйко Имаи? Если она узнает, что у меня серьезные отношения с дочкой профессора…

«Я не такой лопух, как Курихара!»

Так что же делать? При всем при том он был уверен, что сумеет решить эту проблему как надо.

Несколько месяцев спустя…

Одзу был в командировке в Кансае. Два дня он провел в деловых встречах с разными людьми в Кобэ и Осаке. После всех дел до отправки ночного синкансэна, на котором он должен был вернуться в Токио, оставалось четыре часа. В гостиницу возвращаться не хотелось, и ему вдруг пришла в голову отличная идея.

Одзу решил посетить альма-матер — школу Нада.

Прошло много лет, как он ее окончил. И за все это время он ни разу не возвращался в свою старую школу, не бывал и на встречах выпускников, которые проходили в Кансае.

Однако он слышал, что комплекс зданий школы в окрестностях Сумиёсигавы перестроили, полностью изменив его облик. Еще было известно, что в отличие от прошлых дней школа превратилась в место сбора молодых талантов со всей страны и по проценту выпускников, поступивших в Токийский университет, занимает то ли первое, то ли второе место.

Но эти подробности не особенно интересовали Одзу. Ему хотелось побывать в родной школе,

чтобы оживить воспоминания о Хирамэ и других ребятах. О своей утраченной юности. Он хотел своими глазами увидеть то, что осталось от здания школы и стадиона, где он проводил часть жизни вместе с такими же отстающими, не способными к учебе однокашниками.

Одзу сел на такси и попросил водителя отвезти его на Сумиёсигаву, к национальному шоссе.

— К шоссе?

— Ну да. Там, где вдоль шоссе линия электрички.

Перед глазами Одзу встал видавший виды, еле ползавший вагон, выкрашенный коричневой краской, на котором они с Хирамэ ездили каждый день.

На той же электричке ездили Айко и другие девчонки из гимназии Конан.

— А-а, вы про эту электричку? — переключая скорость, проговорил водитель. — Ее больше нет.

— И рельсы демонтировали?

— Кто захочет ездить на такой развалюхе!

Но шоссе между Кобэ и Осакой осталось. Территория по обе его стороны, некогда занятая пустырями и полями, теперь была занята жавшимися друг к другу магазинами и офисными

зданиями.

— А река-то хоть осталась?

— Пока на месте.

Одзу вспомнил белое русло Сумиёсигавы, поросшее цветущим ослинником, но, когда показалась река, никакого русла он не увидел. На его месте была большая безжизненная сточная канава, укрепленная бетоном.

Наконец появились школьные здания. Прежде пространство между школой и шоссе было занято сосновой рощей. За прошедшие годы большинство сосен срубили и на их месте понастроили жилых домов.

Такси остановилось у школьных ворот, Одзу попросил водителя подождать десять минут и вошел на территорию. Здание на переднем плане, где располагались классы и зал для занятий дзюдо, потемнело и постарело, но осталось таким, как раньше. При виде этого здания у Одзу защемило в груди. Ощущение было такое, словно сердце сдавила чья-то большая рука.

«Слышишь, Хирамэ! Это единственное, что здесь не изменилось», — прошептал он, как будто Хирамэ стоял с ним рядом.

Из здания вышли два или три ученика в черной форме. Все с умными лицами. Ничего общего с

туповатыми и при этом добродушными лицами однокашников Одзу.

Он тихо вошел внутрь. Дверь одного из классов отворилась, и из нее вышел человек. По всей видимости, учитель.

Его седые волосы были зачесаны назад. Пиджак его лоснился, как у художника.

Память Одзу запечатлела облик этого учителя, каким он был много лет назад. Точно… он преподавал у них японский язык. Еще он любил «Серебряную ложку»[43] и рассказывал об этой книге в классе.

Как его зовут? Имя учителя застряло где-то у Одзу в голове. А прозвище…

«Эфиоп!..»

Это единственное, что он помнил. Учителю дали это прозвище, потому что в то время лицо у него было черное, как у негра.

— Вы отец кого-то из учеников? — спросил учитель.

— Нет. — Одзу растерялся и торопливо тряхнул головой. — Я учился здесь… давно. По работе приехал и вот решил заглянуть после стольких лет.

— Так, так… нежные воспоминания! — Учитель

---

[43] Примечания: 43
Популярный роман японского писателя Кансукэ Нака (1885–1965).

вперился взглядом в Одзу, словно тоже вспоминал его школьные годы. — В каком вы были классе?

— В девятом. Моя фамилия Одзу.

Похоже, это имя ничего не говорило старому учителю.

Снаружи до них доносились голоса школьников. Шел урок физкультуры. Из окна Одзу видел незнакомые новые школьные здания.

— Наша школа сильно изменилась, правда?

— Да уж, — кивнул учитель. — Теперь она совсем не такая, как прежде. Не надо учеников заставлять заниматься. Они сами. Школьные здания так хорошо обновили… Вы меня помните?

— Помню. Только фамилию забыл.

— Хасимото. Я да директор школы, Кацуяма-сэнсэй, здесь самые старые.

Одзу был тронут. Хасимото провел его во внутренний двор. Одзу помнил этот двор. В его бытность в школе здесь располагался вольер для птиц и стояли гимнастические брусья.

— Нынешние ученики и учатся с удовольствием, и в разных кружках участвуют, и спортом занимаются, — делился своими радостями Хасимото. — Времена изменились.

— Да… — пробормотал переполненный эмоци-

ями Одзу. — Времена изменились.

Он поблагодарил учителя и вернулся к воротам. Водитель терпеливо ждал.

— Куда теперь?

— Тут еще есть женская гимназия Конан.

— Есть такая. Туда едем? Вы, случаем, не из Министерства образования?

Машина преодолела подъем, миновала жилой квартал, дорога опять пошла в гору.

— Мы куда-то не туда едем. Гимназия должна быть ниже.

— Так она же переехала. Вон, смотрите. Большое белое здание.

Они приближались к белому, похожему на гостиницу, зданию с разбитой перед ним зеленой лужайкой. Навстречу спускалась машина, в которой сидело несколько девчонок. Новое поколение ездило в школу на собственных автомобилях.

Попросив водителя остановиться, Одзу рассматривал здание и просторную лужайку напротив ворот, украшенных вывеской: «Женский колледж Конан». Стайка девчонок, весело смеясь, направлялась домой после занятий. На них были нарядные разноцветные платья, не имевшие ничего общего с матросками, в которых ходили Айко Адзума и его подруги. Поколение, не знав-

шее войны.

— Теперь в Асия, — сказал Одзу водителю.

Линии электрички больше не было, но шоссе, которое вело в Асия, Одзу узнавал. На месте прежних пустырей и полей, тянувшихся по обе его стороны, в изобилии выросли магазины и бензозаправки, но указатели остановки электрички все еще стояли на месте, пробуждая в груди Одзу неизбывную ностальгию и грусть.

«Хирамэ! — бормотал он, прижимая лицо к стеклу такси. — Ты помнишь нашу остановку? Она все так же называется».

Да… Шоссе и остановка остались на своих местах. Но нынешние парни и девушки — уже не те, что их сверстники, которые ездили в школу в видавшем виды вагоне электрички.

«Хирамэ! Сколько всего произошло!»

И Хирамэ-мальчишка, часто моргая, прошептал ему на ухо:

«Что же значило для нас то время? Время, проведенное в школе Нада…»

Теперь такси медленно поднималось по отлогому склону. Много лет назад старый вагон, достигнув этой точки, начинал скрипеть и медленно полз дальше.

Сосновый бор. Когда показались сосны, росшие

вдоль Асиягавы, в груди Одзу теснились чувства, которые невозможно выразить словами.

— Куда поедем?

— На берег.

— На берег?

— Ну да.

— Но там же ничего нет.

Ничего не говоря, Одзу буквально пожирал глазами дома, стоявшие по обе стороны шоссе. Старые усадьбы с черными крышами и черными заборами исчезли. Их место заняли светлые современные здания и жилые комплексы премиум-класса. Посреди соснового бора появился небольшой теннисный корт, на котором молодежь играла в теннис.

А вот и мост. Тот самый.

— Давайте через мост! — невольно воскликнул Одзу. — Так! И прямо по этой дороге!

Дом Айко Адзумы. Дом, вокруг которого они с Хирамэ бродили, проводя пальцами по забору. Его не было. На его месте возвышался белый многоквартирный саркофаг.

Одзу опять попросил остановить машину. Пустыми глазами он смотрел на это здание. Двое детей — то ли европейцы, то ли американцы — играли в бадминтон.

— Достаточно, — печально сказал Одзу водителю. — Отвезите меня на берег.

Море. Море в Асия. Летние каникулы. Они качаются на бирюзовых волнах, а в небе клубятся облака, грозящие пролиться дождем. Море. Море в Асия.

— Вот, приехали.

Водитель нажал на тормоза, остановившись перед уродливой бетонной дамбой.

— Куда приехали? Здесь же нет моря!

— Знаю. Я же говорил: его засыпали.

Ни свежего морского ветерка. Ни запаха моря. Одзу взобрался на бетонную дамбу и ахнул от удивления.

Его взгляду открылась простиравшаяся далеко вперед насыпная земля, безжизненная, словно пустыня. Два бетоносмесителя ползли по этой огромной, отвоеванной у моря пустоши. И больше не было ничего. Куда делось море, где Хирамэ, борясь с волнами, пытался догнать Айко и ее подруг? Где пляж, по которому Айко с подружками, громко смеясь, бегали друг за другом? Море пропало. Белый пляж тоже. Но это происходило не только здесь. Прекрасное и дорогое людям исчезало по всей Японии. Такое уж время. Хирамэ и Айко больше не было на земле. И только Одзу

продолжал жить. Теперь ему стало понятно, что значили в его жизни Айко и Хирамэ. Ему казалось, что теперь, когда все было потеряно, он осознал смысл, который они придали его жизни…

KUCHIBUE O FUKU TOKI
(WHEN I WHISTLE)

Камерная история с моральной дилеммой — это то, что у Эндо получается очень хорошо.

Kirkus Reviews

Художественное высказывание против удушающей силы материального мира.

Japan Times

Один из лучших современных прозаиков.

Грэм Грин

Один из лучших японских писателей XX века.

Publishers Weekly

SHUSAKU ENDO

ISBN 978-5-04-091577-4

SHUSAKU ENDO

Камерная история с моральной дилеммой — это то, что у Эндо получается очень хорошо.
Kirkus Reviews

Художественное высказывание против удушающей силы материального мира.
Japan Times

Один из лучших современных прозаиков.
Грэм Грин

Один из лучших японских писателей XX века.
Publishers Weekly

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.